

8
-98

3-577 2-99-2
Шумица, Olga N
О. Н. Чюмина-(Михайлова).

СХ
МРЕ

1945 г.

БИБЛИОТЕКА
М. А. ПЕРОВОЙ

Новыя

стихотворенія.

1898—1904.

- Передъ зарею.*
- Крымскіе наброски.*
- Акварели.*
- Зимніе сны.*
- Мелодіи.*
- Кавказскій альбомъ.*
- На сѣверъ.*
- Путевой альбомъ.*

Переводы изъ иностранныхъ поэтовъ.

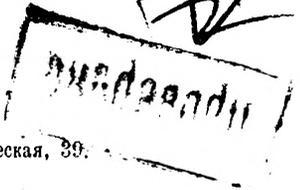
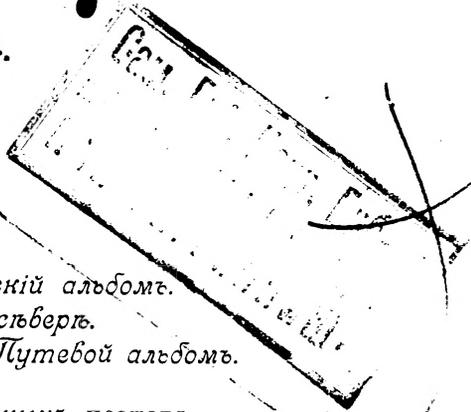
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

1905.

X
Стихотворения

О

PG 3460

CG A17

1905

CG A17

Свободное слово, бессмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во мракъ былого,
Ты гнѣло въ темницахъ, среди рудниковъ,
Томилось въ неволѣ подъ гнетомъ оковъ;

* *

*

Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, повѣдно звуча:

* *

*

Свободное слово, великое слово,
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скаль пригвожденный титанъ Прометей,
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей.

* *

*

Но годы промчатся—ты смѣло воспрянешь,
И, сильное правдой, любовью, добромъ,
Съ зарею надъ міромъ повѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ.

Лирическія
стихотворенія.

ПЕРЕДЪ ЗАРЕЮ.

(1901—1903 г.).

КОВЫЛЬ.

Весной на волѣ цвѣлъ ковыль,
Вблизи журчалъ потокъ,
Шепталъ таинственную бѣль
Залетный вѣтерокъ.

Любилъ ковыль небесъ лазурь,
Просторъ и солнца блескъ,
Любилъ могучій грохотъ бурь,
Волны студеной плескъ.

Любилъ онъ вешній первый громъ
Въ проснувшемся лѣсу,
Ручей, сверкавшій серебромъ,
И радуги красу.

Но вотъ сгустились облака;
Пригнувъ къ землѣ ковыль,

Пронесся вихрь издалека
И закружилась пыль

Она злобѣщей тучей шла,
Отвѣсною стѣной,
И вмигъ ея густая мгла
Затмила свѣтъ дневной.

Покрыла пыль какъ мертвый слой
Просторъ полей и нивъ,
Живое все своею мглой
Отъ солнца заслонивъ.

Когда же молнія, какъ лучъ
Прорѣжетъ небеса,
И хлынетъ дождь изъ темныхъ тучъ
На землю, какъ роса?

Гроза весенняя, разсѣй
Мертвящій душный гнетъ,
Пускай природа грудью всей
Свободнѣе вздохнетъ.

Пусть смоетъ влагою дождевой
Удушливую пыль
И вновь изъ праха головой
Подыметъ ковыль.

Пробужденіе.

Дни идутъ на прибыль,
Ночи—на ушербъ,
Развернулись почки
Опушенныхъ вербъ.
Таесть... Ненадеженъ
Хрупкій вешній ледъ,
Стаи журавлиной
Слышенъ перелетъ.
Въ небѣ рѣютъ точки...
Сколько ихъ! Не счесть.
Въ крикахъ стаи шумной—
Радостная вѣсть.
Тамъ надъ колокольной—
Первые грачи;
Изъ темницы дольней
Выбились ключи.
И гремятъ побѣдно
Вешнія струи
О борбѣ великой,
О святой любви.

Гребецъ.

Во мракѣ вѣтеръ бушевалъ,
Грядой клубились тучи,
И грозно шелъ за валомъ валъ,

Вдали чернѣли кручи.
Гребецъ ужъ выронилъ весло,
Изломанъ руль сначала,
И вотъ другое унесло,
Волна его умчала.
И легъ пловецъ на дно челна,
Скрестилъ спокойно руки,
Пускай несетъ его волна
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки.
И пѣсню громкую запѣлъ
Онъ въ честь морской дружины:
— Хвала тому, кто—духомъ смѣлъ
Переплыветъ пучины!
Хвала и гибнущимъ въ пути,
Кого умчали воды!
Лети, ладья моя, лети
Туда, въ страну свободы!

Бродячій пѣвецъ.

Блѣднѣетъ свѣтъ вечерній...
Какимъ путемъ идти?
Камней и острыхъ терній
Не мало на пути.
Стучаться тщетно буду
Въ дома съ закатомъ дня,
Любви великой чужду
Не сбыться для меня.
Пріютъ богатыхъ—тѣсенъ;

Кто сытъ и кто обутъ—
Моихъ свободныхъ пѣсенъ
Тѣ люди не поймутъ,—
Мелодій вдохновенныхъ,
Рождаемыхъ грозой,
Напѣвовъ, окропленныхъ
Горючею слезой.
Но пусть меня въ метели
Не грѣтъ камелекъ—
Дойду къ завѣтной цѣли
Во тьмѣ и одинокъ.

—
* *
—

Я стою на другомъ берегу,
Я къ тебѣ переплыть не могу.
Раздѣляетъ обоихъ рѣка,
И она широка, глубока,
Глубока, словно бездна, она.
И обманчиво плещетъ волна,
И обманчива сонная тишь.
Задрожитъ, встрепенется камышь,
Заклубятся грядой облака,
Зашумитъ, потемнѣетъ рѣка,
И умчитъ разъяренный потокъ,
И погубитъ мой утлый челнокъ.

—
На далекомъ твоёмъ берегу
Пышный лугъ разглядѣть я могу.

Тамъ плѣняется измученный взоръ
Изъ цвѣтовъ прихотливый узоръ,
Тамъ лѣса молодые шумять
И струится съ полей аромать.
У меня же—каменья, пески,
Отъ засухи погибли ростки,
Все живое грозой сожжено,
Не воскреснетъ для жизни оно.
Я стою на другомъ берегу,
Я къ тебѣ переплыть не могу.

*
* *

Есть души странныя: онѣ
Напоминаютъ втайнѣ мнѣ
Тѣ роковые города,
Что затонули безъ слѣда
Въ пучинѣ темноглубой.
Укрыло море ихъ собой,
И къ жизни силой никакой
Не вызвать ихъ изъ мглы морской.
Въ нихъ все навѣкъ погребено,
И лишь избранныкамъ дано
Порою слышать въ поздній часъ
Несущійся изъ бездны гласъ
И колокольный тихій звонъ,
И пѣснь, и плачь, и арфы стонъ.

Лишь люди, чей отваженъ духъ,
И ясенъ взоръ, и чутокъ слухъ,
Ихъ слышать въ ропотѣ волны
И тайну ихъ постичь вольны.

Album Blätter.

I.

Какъ иногда съ прогулокъ лѣтомъ
Мы возвращаемся домой
Въ вечерній часъ съ простымъ букетомъ,
Небрежно связаннымъ тесьмой;

Такъ, вмѣсто буквицы пахучей
И медуницъ, и васильковъ,
Я приношу цвѣты созвучій
Изъ отдаленныхъ уголковъ.

И съ каждымъ словомъ оживая,
Опять встаютъ передо мной:
И лѣсъ, и даль береговая,
Извилины тропы лѣсной.

Вечерній воздухъ, полный ласки,
И тѣнь березъ вокругъ скамьи,
Я помню все: лучи и краски
И шумъ вѣтвей, и звонъ струи.

2.

Вѣтерокъ едва колышетъ
Порѣдѣвшую листву,
Грудь вольнѣй и легче дышитъ,
Я мечтаю, и—живу.

Далеко—заботы бремя,
Затихаетъ боль души,
Надо мной безсильно время
Въ очарованной глуши.

Тишина—въ аллеяхъ парка,
Въ сердцѣ—та же тишина,
Межъ листвою блещутъ ярко
Золотистые тона.

Нити бѣлой паутины
Протянулись межъ кустовъ,
И усыпаны куртины
Лепестками отъ цвѣтовъ.

Пахнетъ влажною травою,
Въ небесахъ—блѣднѣе лучъ,
Подъ увядшею листвою
Пересохъ въ оврагѣ ключъ.

Рдѣетъ, солнцемъ озаренный,
Старый клень, одѣтъ въ багрецъ,

И съ улыбкой примиренной
Все привѣтствуетъ конецъ.

3.

Тамъ, въ прошедшемъ—блескъ разсвѣта,
Полдня знойнаго лучи;
Настоящее согрѣто
Блѣднымъ пламенемъ свѣчи.

Позади остались гдѣ-то
Къ прежнимъ радостямъ ключи,
Лишь мечты о царствѣ свѣта—
Все, какъ прежде, горячи.

Кругозоръ свѣтлѣй и шире,
Проникаетъ глубже взглядъ,
Но рѣдѣетъ въ этомъ мірѣ
Дорогихъ и близкихъ рядъ.

Въ звукахъ рѣзкихъ и докучныхъ,
Раздающихся вокругъ,
Слышу меньше струнъ созвучныхъ,
Отвѣчаетъ рѣже другъ.

Рано листья облетѣли,
И въ безмолвіи ночномъ
Заунывный стонъ метели
Раздается за окномъ.

Но пока не глянуть въ очи
Утра новаго лучи—
Ты гори во мракѣ ночи,
Огонекъ моей свѣчи!

* *
*
*

Налетѣла гроза, разразилась,
Отблескъ молній пылалъ, какъ пожаръ,
Все живое, дрожа, притаилось
И гремѣлъ за ударомъ ударъ.
Потемнѣли небесные своды,
Словно мрачный свинцовый навѣсъ,
И шумѣли, и пѣнились воды,
И гудѣлъ пробудившійся лѣсъ...
Потрясенная бури порывомъ
Наклоняли деревья чело,
По долинамъ цвѣтушимъ и нивамъ—
Разрушенье повсюду прошло...
Снова небо горитъ бирюзою,
Блещутъ листья въ алмазной пыли,
Но колосьямъ, примятымъ грозою—
Не поднять головы отъ земли.

Вечерняя печаль.

Въ раскрытое окно прохладой вѣтетъ лѣтней,
Рыдаетъ тихими аккордами рояль,

И, словно въ ладъ ему, полнѣй и беззавѣтнѣй
Звучить въ душѣ моей вечерняя печаль.

Вечерняя печаль! Въ ней—грустная истома,
Прощальный мягкій блескъ блѣднѣющихъ огней,
Въ дни юности—чужда, она съ теченьемъ дней
Становится для насъ понятна и знакома.

Изъ глубины ея встають—укоръ нѣмой,
Ошибка каждая и каждая утрата...
Еще горитъ вдали сіяніе заката,
Но мы уже дрожимъ передъ грядущей тьмой.

Нѣтъ, сердце дивную мечту не разлюбило,
Но гаснуть силы въ немъ—тревожномъ и боль-
номъ.

Цережитое все—дѣйствительно ли было,
Иль, можетъ быть, оно лишь смутнымъ было
сномъ?

И какъ сливаются въ вечернемъ небѣ краски,
Какъ очертанія—въ прозрачной полутьмѣ,
Такъ впечатлѣнія слились теперь въ умѣ,
И я не отличу дѣйствительность отъ сказки.

На все печаль души набросила покровъ,
Неразрываемый покровъ воспоминаній,
И жаль мнѣ радостей, и жаль бывшихъ стра-
даній—
Въ смягченномъ сумракѣ прозрачныхъ вечеревъ.

Высохшій ручей.

Весной въ травѣ журчалъ ручей
Подъ вѣчной зеленью крушины,
Съ зарей звенѣли тамъ кувшины,
Имъ вторилъ смѣхъ и звукъ рѣчей
И топотъ стадъ у водопоя...
Но вотъ, подъ жгучимъ игомъ зноя,
Изсякла свѣтлая струя:
Безводнымъ ложе у ручья,
Такимъ сухимъ и жесткимъ стало,
Какъ взоръ, давно не знавшій слезъ,
Глядушій мутно и устало.
Его песокъ полузанесъ,
И онъ оставленъ и покинуть—
Пока изъ тучи грозовой
Опять струи воды живой,
Какъ слезы жгучія не хлынуть.

Въ зеленомъ морѣ.

Вверху блистаетъ синева,
Кругомъ, на всемъ просторѣ,
Шумитъ весенняя листва,
Волнуется какъ море...

Предъ нами—рядъ зеленыхъ волнъ,
Полдневный блескъ—надъ нами,

И нашъ балконъ—какъ будто челнъ
Межъ свѣтлыми волнами.

Вотъ снова вѣтеръ набѣжалъ,
Сильнѣй дрожатъ осины;
Какъ парусъ, вздулся, задрожалъ
Наметъ изъ парусины.

Плывутъ въ лазури облака,
Вонъ тамъ—корабль воздушный,
И вдаль, по волѣ вѣтерка,
Несется онъ, послушный.

Во снѣ ли слышу, на яву,
Зеленыхъ волнъ удары,
И съ нимъ чудесно я плыву
Въ страну весенней чары.

Первая молнія.

Оттого ль, что прошумѣла
Нынче первая гроза,
Такъ тревожно и несмѣло
Потупляешь ты глаза?

Отблескъ молній золотистыхъ
Тайну сердца освѣтя,
И въ твоихъ глазахъ лучистыхъ
Не сверкаетъ ли, дитя?

А. А. М. В. 18

Вешнихъ грозъ живая сила
И тебя—какъ ни тай—
Незамѣтно опалила
Первой молніей любви.

Сонетъ.

Пѣвцы прекраснаго, туманъ сомнѣній мрачныхъ
Для васъ не затемнилъ кастальскихъ водъ хру-
сталь.
Въ струяхъ поэзіи холодныхъ и прозрачныхъ
Не скрыли вы завѣтную печаль.
Для васъ крушеній нѣтъ и нѣтъ огней маяч-
ныхъ,
Утесы грозные пугаютъ васъ едва ль,
И вы съ довѣрчивой улыбкой новобрачныхъ
Глядите предъ собой въ заманчивую даль.
Картину знаю я: тюремный дворъ сырой...
Онъ кажется еще мрачнѣй и непріютнѣй
Въ холодномъ сумракѣ; вечернею порой
Присѣлъ въ углу его пѣвецъ безпечный съ лют-
ней,
И тамъ, гдѣ мракъ и смерть, и камень, и чугуны,
Онъ сыплеть золото своихъ пѣвучихъ струнъ.

У сѣвернаго моря.

1.

Надъ моремъ сѣвернымъ лежитъ покровъ тумана.
И монотонный гулъ катящихся валовъ—
Протяжный и глухой—звучить, какъ громъ ор-
гана,
Немолчной жалобой, стenanіемъ безъ словъ.
И тутъ же море мнѣ припомнилось другое:
Какъ за аккордомъ вслѣдъ идетъ другой ак-
кордь—
Смѣнялись тамъ валы въ ликующемъ приборѣ,
И шумъ ихъ былъ пѣвучъ, и радостенъ, и гордъ.
Тутъ—стонъ отчаянья, тяжелый и недужный,
И заглушенная безсильная борьба,
А тамъ—свободы пѣснь, порывъ восторга друж-
ный,
И страсть могучая, и грозная борьба!

2.

Хвойный лѣсъ—подобье зала,
Ярче пламени свѣчей
Вѣтви сосенъ пронизала
Сѣть изъ пламенныхъ лучей.
Тишина святого храма,
Куполь—блѣдный небосклонъ,
Льются волны оміама
Отъ стволовъ—его колоннъ.

*

Здѣсь въ лѣсу благоуханномъ
Духъ стремится въ вышину,
Море голосомъ органичнымъ
Нарушаетъ тишину.
Всюду—трепетъ вдохновенья,
Даль свѣтла и хороша,
И полна благоговѣнья—
Словно теплится душа.
Догораетъ блескъ янтарный
Тамъ, гдѣ видѣнь неба край...
Только ты, огонь алтарный,
Ты въ душѣ не догорай!

N Fatalita.

1.

Напитокъ отравленный сладокъ
И къ чашѣ прильнули уста,
Но горькій таитъ онъ осадокъ,
И этотъ напитокъ—мечта.

Изъ свѣтлаго кубка мечтаній
Устами я жадными пью:
Не зная душой колебаній,
За каплю я жизнь отдаю.

2.

Чей-то голосъ въ тишинѣ
Сердцу шепчетъ:—Отдохни!

Наступаютъ счастья дни,
Вѣрь надеждѣ и веснѣ,
Сердце грозой обмани.—

Но звучить въ душѣ отвѣтъ:
— Сердце ль грозой обману?
Счастья не было и нѣтъ,
Отъ страданій прежнихъ лѣтъ
Лишь въ могилѣ отдохну.—

3.

Вы, носители дивнаго свѣта,
Вы, искатели новыхъ міровъ,
Гдѣ не знаютъ надъ мыслью запрета,
Гдѣ не знали цѣпей и костровъ,

Огибайте подводныя мели,
Зорко стойте во тьмѣ у руля.
Не холмы ли вдали забѣлѣли,
Не видна ли во мракѣ земля?

Пусть лежитъ на безбрежномъ просторѣ
Лишь затишья унылаго гнетъ,
Не напрасно съ надеждой во взорѣ
Предъ собой вы глядите впередъ.

Нѣтъ конца и предѣла исканью,
За приливомъ приходитъ отливъ,
Но за этой туманною гранью
Вамъ не слышится ль вѣчный призывъ?

И когда, въ жгучей мукѣ сгорая,
Истомясь, вы падете въ тоскѣ—
Берега заповѣднаго края
Не откроются ль вамъ вдалекѣ?

4.

↓ Да, я страшусь ея. Загадочно нѣмая,
Она войдетъ въ тиши и встанетъ предо мной,
И откровенію безмолвному внимаю,
Забуду въ этотъ мигъ я о любви земной.

— — —
Но что тантъ она подъ дымкой покрывала:
Зловѣщее *ничто*? Богини дивный ликъ?
Ужели все, что здѣсь намъ сердце волновало—
Ничтожнымъ явится въ великій этотъ мигъ?

— — —
И все жъ она влечетъ меня неодолимо,
Забвенья мукъ земныхъ давно ищущу я въ ней,
Желаньемъ и тоской душа моя томима,
И трудно умирать, но жить еще труднѣй.

— — —
Я вѣрую: покой божественный безстрастья
Въ ея дыханіи таинственно разлить,
И жажду жгучую земной любви и счастья
Она лобзаніемъ бессмертнымъ утолитъ.

5.

Мнѣ грезилось темное море,
Глухія рыданія волнъ,

Несущійся вдаль на просторѣ,
Волнами кидаемый челнѣ.

Какъ чайки пострѣленной крылья,
Повисли его паруса,
Напрасны мольбы и усилья
И глухи къ мольбамъ небеса.

Изъ тучъ безошадно суровыхъ,
Зловѣщую тѣшась игрой,
Лишь отьлески молній багровыхъ
Во мракѣ сверкають порой.

И небо надъ темнымъ просторомъ
Раскинулось грознымъ шатромъ,
И смертнымъ звучить приговоромъ
Немолчно рокочущій громъ.

Челнокъ беззащитный и жалкій
Все дальше уноситъ волна,
Коварная пѣсня русалки
Къ нему долетаетъ со дна.

И тяжело, и страшно, и смутно,
Изъ рукъ выпадаетъ весло,
Въ пучину волною попутно
Разбитый челнокъ унесло.

6.

Во тьмѣ уныло завывая,
Холодный вѣтеръ бушевалъ,

Исчезла даль береговая,
Идетъ девятый валь.

Ужели все, что было свято,
Къ чему ты съ вѣрою взываль—
Умчить съ собою безъ возврата
Девятый валь?

Всему конецъ: любви обманамъ,
Борьбѣ за свѣтлый идеаль?
Заволоклася даль туманомъ,
Идетъ девятый валь.

Смѣлѣй гребецъ! Зловѣщей ночи
Нерѣдко вызовъ ты бросаль.
Гляди же ей безстрашно въ очи:
Вотъ онъ—девятый валь!

Музѣ мести и печали.

(Къ некрасовскимъ днямъ).

О муза мести и печали!
Съ могучей силой отзвенѣвъ,
Давно умолкнулъ твой напѣвъ,
И струны лиры отзвучали.

Ты предъ толпою, какъ въ быломъ,
Судьей безстрашнымъ не престанеши,

И надъ неправдою и зломъ
Вновь обличеніемъ не грядешь.

Не разнесется твой призывъ,
Рождая гнѣвъ святой и правый,
И тѣхъ смятеніемъ поразивъ,
Кто согрѣшилъ, какъ рабъ лукавый.

О, если бѣ въ сумрачные дни
Безвременья и бездорожья,
Когда чуть тлѣетъ искра Божья
И гаснутъ прежніе огни;

Когда томить духовный голодъ,
А наша мысль—въ власти смуть,
И тѣ, кто смѣлъ, отзывчивъ, молодъ—
Изнеогли подъ гнетомъ путь;

О, если бы держа скрижали,
Вѣрна завѣтнымъ письменамъ,
Ты, муза мести и печали,
Опять съ высотъ явилась намъ!

Какъ былъ бы взоръ твой полонъ муки,
Что за сіянье вокругъ чела!
Какіе пламенные звуки
Изъ лиры ты бы извлекла,

Какой грозой, живящей всходы,
Будя въ душѣ восторгъ и гнѣвъ,
Пронесся бѣ снова твой напѣвъ,
Какъ дуновение свободы!

Лѣсная цѣревна.

Мы въ старыя сказки не вѣримъ,
Не вѣримъ давно въ чудеса,
Но сказку я знаю: вотъ теремъ,
На вышкѣ—цѣревна краса.

Цѣревна глядитъ на дорогу...
Не конница ль мчится въ пыли?
Не вторитъ ли звонкому рогу
Бряцанье оружья вдали?

Ей грезятся пестрые стяги
И удалъ безумная сѣчь,
И витязь исполненъ отваги,
Восторженно пылкая рѣчь...

Но солнце восходитъ, заходитъ —
Все пусто и глухо въ лѣсу,
И жизнь незамѣтно проходитъ,
Минуя цѣрвну красу.

На закатѣ.

I.

Мы вышли съ гѣснью на устахъ
Когда забрежжила заря,
И снѣгъ на дальнихъ высотахъ
Горѣлъ, какъ пламя алтаря.

И полдень былъ, и жгучій зной,
Труднѣе было намъ идти,
Нашъ путь лежалъ надъ крутизной,
И пали многіе въ пути.

Сіяетъ пламенный закатъ,
Влечетъ насъ таже красота,
Но все отвѣснѣй горный скатъ,
Все недоступнѣй—высота.

Ползетъ туманъ, стѣсилась тѣнь,
Отвѣта нѣтъ на смѣлый кличъ,
И, прежде чѣмъ угаснетъ день,
Ужель высотъ намъ не достичь?

2.

Позади—однѣ могилы
И могила—впереди,
Но, какъ струны, жизни силы
Все еще дрожать въ груди.

Счастья нѣтъ, и нѣтъ забвенья,
Но теперь, въ концѣ пути,
Всѣмъ я шлю благословенья,
Всѣмъ—последнее прости.

Всѣ любимые когда-то
Близки мнѣ и далеки:
Такъ блестятъ огни заката
Въ свѣтломъ зеркалѣ рѣки.

Послѣ бури—вечеръ ясный
И безоблачная даль,
И порывъ смѣняетъ страстный—
Примиренная печаль.

Пусть призывъ вечерній слышенъ,
Пусть близка ночная тѣнь,
Онъ—со мной, багрянъ и пышенъ,
Мой осенній ясный день.

Памяти А. Н. Плещеева.

Онъ звалъ впередъ, будя сознанье,
И этотъ кличъ—не звукъ пустой,
Но это бодрое воззванье
Дышало правдою святой.

Онъ шелъ впередъ—стезой прямою,
Безъ страха рабскаго въ груди,
И не смущенъ нависшей тьмою,
Былъ неизмѣнно впереди.

Съ неослабѣвшимъ юнымъ пыломъ
Спѣшилъ на помощь онъ придти
Къ неопытнымъ и юнымъ силамъ,
И съ ними шелъ онъ часть пути.

Поэтъ—онъ пѣлъ не для забавы,
Онъ славилъ правды торжество,

И въ Пантеонѣ русской славы—
Есть мѣсто имени его.

Среди волшебныхъ пѣснопѣній
Пѣвцовъ славнѣйшихъ—не замретъ
И для грядущихъ поколѣній
Призывъ плещеевскій: Впередь!

* *
* *

Окно распахнулось—
И пламя свѣчи
Ворвавшійся вѣтеръ
Колелетъ въ ночи.

И шаткія тѣни
Въ ночной тишинѣ
Ползутъ удлиняясь,
Дрожать на стѣнѣ.

Беззвѣдна, безлунна
Высокая твердь,
И кажется: бродитъ
По близости смерть.

И кажется: гаснетъ
Не пламя во тьмѣ,
Но искра сознанья
Въ великомъ умѣ.

Борцамъ.

(На мотивъ Лиліенкропа).

Пусть крѣпокъ вражескій доспѣхъ
И ослѣпителенъ шеломъ,
Пусть нѣтъ надежды на успѣхъ—
Иди безъ страха на проломъ.

Не надо намъ безплодныхъ мукъ,
Вооружись на бой со зломъ,
Не опускай безсильно рукъ,
Иди безъ страха на проломъ.

Передъ кумирами врага
Не преклоняйся въ прахъ челомъ,
Жизнь наша слишкомъ недолга,
Иди безъ страха на проломъ.

Не унывая вѣруй впредь,
Во что ты вѣровалъ въ быломъ,
И если надо умереть—
Иди безъ страха на проломъ.

Лебединая пѣснь.

(Памяти А. П. Чехова).

Нѣтъ словъ... Уста отъ скорби нѣмы,
Въ душѣ—утраты злая боль.
Послѣдній стихъ его поэмы—
Давно ли онъ звучалъ, давно ль?

Давно ли молодымъ побѣгамъ
Пророчилъ пышный онъ расцвѣтъ,
И сыпался душистымъ снѣгомъ
Его мечты вишневый цвѣтъ?

Онъ возвѣщалъ зарю не зная,
Что близко смерти торжество,
Что эта пѣснь, душѣ родная—
Пѣснь лебединая его!

Но вотъ алѣютъ неба своды,
Съ зарей несутся облака,
И грянетъ громъ, и хлынутъ воды:
Троза весенняя близка.

Изъ крымскихъ набросковъ.

—
I.

Дорогою.

Змѣится лентою дорога;
Направо—моря синева,
Налѣво яркая листва
Вдоль каменистаго отрога
Повисла цѣпкою лозой,
И камни къ камнямъ, словно братья,
Простерли дружески объятъя.
И тутъ же свѣтлою слезой
Изъ-подъ скалы вода сочится
И струйкою звенящей мчится.
Тамъ кипарисы вознеслись
Челомъ въ сияющую высь,
И лавръ зелено-золотистый,
Каштанъ цвѣтушій и вѣтвистый—
Лишь отгѣняютъ ихъ красу.
Береговую полосу
Они хранятъ, какъ стражи моря—

Вѣчно зеленый мавзолей,
Внимая дивной пѣснѣ горя,
Когда прибой бушуетъ злѣй,
Внимая радостнымъ напѣвамъ,
Когда подъ солнечнымъ пригрѣвомъ
Играютъ волны, и свѣтло
Сверкаютъ пѣною жемчужной,
И все кругомъ въ природѣ южной—
Все, кромѣ камня—расцвѣло.

2.

Nocturno.

Ночною тьмой одѣлись дали,
И капли рѣдкія дождя,
Сухую почву бороздя,
Почти безшумно упадали,
И Одаларъ съ Медвѣдь-горой
Какъ бы закутались чадрой.
Царила тишь волшебной сказки;
Лишь теплый вѣтеръ, полный ласки,
Разгоряченнаго лица
Касался нѣжно и несмѣло,
А море, море безъ конца
Во тьмѣ незримое шумѣло,—
И плескъ дождя, и шумъ валовъ—
Звучали пѣснью безъ словъ.

3.

Встрѣча.

Роши, бѣлые дома...
У подножія холма
Приютился виноградникъ
Близъ татарскихъ деревень.
Вотъ промчался мимо всадникъ
Въ шапкѣ рваной на бекрень,
Смуглолицъ, во взорѣ удалъ...
Хорошо ль живется, худо ль
Уроженцамъ южныхъ странъ,—
Каждый видомъ—крымскій ханъ.
И на память мнѣ пришли вы,
Простодушно-терпѣливы
И безропотно-пугливы—
Лица нашихъ сѣверянъ.

4.

Въ паркѣ. √

О, край мечты обѣтованный,
Приютъ чарующей мечты,
Недостижимой и желанной—
Не здѣсь ли ты?

Гдѣ отблескъ моря переливный
Горитъ какъ камень-самоцвѣтъ,

Гдѣ изумрудъ смѣняетъ дивный
Волшебнаго сафира цвѣтъ;

Быть можетъ здѣсь, въ тѣни платановъ
Пѣвцу безсмертной красоты,
Мечта, подъ тихій плескъ фонтана
Являлась ты?

5.

У Пушкинскаго домика.

Онъ умеръ, говорить. Для чуждыхъ, малодуш-
ныхъ,
Лишь голосу молвы подвластныхъ и послуш-
ныхъ,
Чье имя—легіонъ, онъ не жилъ никогда,
И ихъ толпа была ему чужда.

И здѣсь, близъ домика великаго поэта,
Гдѣ вѣетъ памятью, священною для всѣхъ,
Звучатъ ихъ голоса, ихъ неумѣстный смѣхъ,
На то, что здѣсь живетъ—въ ихъ сердцахъ нѣтъ
отвѣта;

Что арфа чудная бездушнымъ и глухимъ?
И дѣти бѣгаютъ въ тѣни его платана,
Но изъ гуляющихъ никто не скажетъ имъ,
Чѣмъ былъ онъ, и чего народъ лишился съ
нимъ,

Никто не назоветъ поэзіи титана.
И тутъ на деревѣ мы видѣли съ тоской

*

Слова начертаны кощунственной рукой,
Безстыдныя слова... И сердце сжалось болью!
А море, какъ въ быломъ, шумѣло тамъ внизу
И радовалось все весеннему приволью,
И плющъ вокругъ окна обвилъ свою лозу,
А море искрилось отъ края и до края,
На солнцѣ пѣною серебряной играя.
Казалось, что во всемъ поэта духъ разлить,
Что онъ у берега въ волнѣ шумящей плещеть,
Въ полуденныхъ лучахъ сверкаетъ и трепещеть,
И что-то свѣтлое, могучее сулить.

6.

На берегу.

Съ зарей волна казалась изумрудной,
Прибой валовъ гремяль, какъ дальній громъ,
И пѣна бѣлая на празелени чудной
Живымъ сверкала серебромъ.

Съ полудня даль—спокойно лучезарна,
Но эта тишь—на долго ли она?
Волна ли какъ любовь коварна,
А можетъ быть любовь коварна какъ волна?

7.

Старое дерево.

Узловатый искривленный стволъ!
 Онъ стоитъ — оголившійся остовъ.
 Сколько пятенъ и темныхъ наростовъ!
 Исполинъ въ разрушенье пришелъ.
 Одряхла краса вѣковая,
 Но, печальныя раны скрывая,
 Старый стволъ, на подобье плаща,
 Обиваютъ гирлянды плюща,
 Гдѣ повѣяло смертью суровой,
 Безднадежностью мертвой тоски—
 Жизни лучшей, могучей и новой
 Пробиваются смѣло ростки.

8.

Фонтанъ „Первая любовь“.

Жеманный вѣкъ веселья и затѣй,
 Вѣкъ пудры, фижмъ и шитаго кафтана,
 Какъ живо ты, въ лицѣ двоихъ дѣтей,
 Представленъ группой бронзовой фонтана!
 Дождь начался, и юный кавалеръ,
 Домашнюю предупреждая драму,
 Подъ зонтикомъ ведетъ малютку даму,
 Беря съ другихъ вздыхателей примѣръ.
 А дѣвочка, надувъ серьезно губки

И подобравъ края короткой юбки,
Касается слегка его плеча
Головкою. Съ ихъ зонтика журча
Бѣжитъ вода, какъ струйки дождевыя,
Черты дѣтей сияютъ, какъ живыя,
И кажется: въ лицѣ играетъ кровь,
Блестятъ глаза... О, первая любовь!

А на скамьѣ, отъ группы недалеко
Два зрителя сидѣли одиноко.
Надъ дамою сѣдою антука
Раскрыль старикъ, сѣнье дня желая
Смягчить для глазъ, и дама пожилая,
Съ улыбкою взглянувъ на старика,
Державшаго надъ нею зонтикъ въ клѣткахъ,
На усъ его, сѣдѣющую бровь,
Со вздохомъ взоръ остановивъ на дѣткахъ,
Задумалась... Послѣдняя любовь!

9.

Фонтанъ „Нимфа“.

Задумчиво обнявъ рукой колѣни,
Она сидитъ въ густой зеленой сѣни
И надъ ея поникшей головой
Склонился кедръ Ливана вѣковой,
И на лицѣ ея играютъ свѣтъ и тѣни.
Когда, задѣвъ его, лучъ солнечный скользнетъ—
Лицо какъ будто бы улыбкой озарится,

Тѣнь набѣжить—и все кругомъ затмится,
И ляжетъ на чело тяжелой думы гнетъ.
Таитъ въ душѣ она невѣдомое горе?
Мечтаетъ ли она? Кого-то втайнѣ ждетъ?
Объ этомъ знаютъ лишь: бушующее море,
И кедръ Ливана вѣковой,
Шумящій надъ ея склоненной головой.

10.

Дворецъ въ Алупкѣ.

Гдѣ сѣрой тучею надъ уровнемъ долинъ
Надвинулся Ай-Петри исполинъ,
Въ тѣни платановъ, розъ и лавровъ,
Которые сплелись въ чарующій вѣнецъ,
Подобіе Альгамбры древнихъ мавровъ,—
Блѣтеть сказочный дворецъ.

Надъ входной аркою арабской тонкой вязью
Начертаны слова—входящему привѣтъ.
Все дышетъ здѣсь таинственною связью
Съ волшебнымъ вымысломъ и былью дальнихъ
лѣтъ.

Гдѣ бѣлыя изъ мрамора ступени
Оберегаютъ мраморные львы,
У моря и въ тѣни узорчатой листвы
Порой въ лучахъ луны мнѣ грезились вы,
Свободы рыцарей, халифовъ славныхъ тѣни.

Мнѣ чудились пиры и въ окнахъ блескъ огней,
Оружья звонъ и ржаніе коней...

Но тихъ и пусть дворецъ, какъ пышный мавзо-
лей,
Повсюду плющъ обвилъ чугуныя рѣшетки,
И лунные лучи, задумчивы и кротки,
Скользятъ, какъ призраки въ безмолвіи аллей.

II.

Лунный слѣдъ.

Надъ моремъ—полная луна;
Подобный бороздѣ—
Слѣдъ лунный бросила она,
Дробящийся въ водѣ.
И мы плывемъ въ лучахъ луны,
Внимая тишинѣ,
Лишь весель нашихъ чуть слышны
Удары по волнѣ.
Куда ведетъ насъ лунный слѣдъ—
Въ потерянный ли рай:
Въ обитель милыхъ дальнихъ лѣтъ
Полузабытый край?
Тамъ—вѣчно ясенъ небосводъ,
Тамъ—дивной сказки свѣтъ.
Но въ этотъ край закрыть намъ входъ,
Туда—возврата нѣтъ,
Его мы юностью зовемъ,

Мечтой къ нему летимъ,
И этотъ край, пока живемъ—
Для насъ невозвратимъ.
Но есть страна за далью дней,
Таинственно-свѣтла,
И тихо приближаетъ къ ней
Насъ каждый взмахъ весла.

12.

Пѣсня.

Темная ночь. Бѣлой террасы ступени,
Бѣлаго мрамора лвы,
Волны шума блещутъ въ серебряной пѣнѣ...
Слышится трепеть листвы.

Старая пѣснь, пѣснь о любви, объ измѣнѣ.
Льется съ террасы она,
Звукамъ ея, шумно дробясь о ступени,
Вторить во мракѣ волна.

Вы—предо мной, милыя скорбныя тѣни,
Вы обступили меня.
Миръ вамъ! Прости шлю я любви и измѣнѣ,
Вѣрность былому храня.

13.

Передъ отъѣздомъ.

Вверхъ тропинками тѣнистыми
Въ гору медленно идемъ;

Пахнет соснами смолистыми,
Освѣженными дождемъ.
Капли искрятся прозрачныя,
И акаціи стоятъ
Всѣ въ цвѣту, какъ новобрачныя.
Разливая ароматъ.
Величавые, спокойные,
Потянулись съ двухъ сторонъ
Кипарисы дивно стройные,
Вознесясь, какъ рядъ колоннъ.
Вся расцвѣчена узорами
Яркой зелени канва;
Ниже—моря синева
Развернулась передъ взорами.
Изъ воды у береговъ
Выступаютъ кручи смѣлыя—
Одалара скалы бѣлыя,
Словно группа жемчуговъ.
Ропотъ моря обольстительный—
Грозно плещущій прибой,
Куполь неба голубой,
Отблескъ солнца ослѣпительный,
Вашу свѣтлую красу,
Какъ мечту благоуханную,
Я съ собой въ страну туманную
Въ сердцѣ свято унесу.

1903 г.

I.

У моря.

Лежу, глаза полужакрывъ;
Во снѣ глубоко море дышетъ,
И вѣтра свѣжаго порывъ
Балконный занавѣсъ колышетъ.

* *
*

Вершина темная волны
Сверкаетъ пѣною жемчужной,
И свѣтъ, и сумракъ ночи южной—
Чудесной тайною полны.

* *
*

Звучить прибой, какъ рокоть струнный,
Вдали готовый замереть,
На все набросилъ отблескъ лунный
Сребристо-трепетную сѣть.

* *
*

И въ ней трепещетъ все живое
И неживое: лунныхъ чаръ
Не избѣжалъ въ своемъ покоѣ
Сѣдой и грозный Одаларь.

Потокъ.

Прошедшимъ лѣтомъ здѣсь сочилась
Едва замѣтная струя;
Она по желобу струилась,
Растенья чахлая поя.
И что-жъ весной я вижу нынѣ?
Съ высотъ бушующій потокъ
Стремится съ грохотомъ къ долинѣ,
Неся каменя и песокъ.
Ломая крѣпкія ограды,
Деревья цѣлыя крутя,
Онъ разрушаетъ всѣ преграды—
Салгира буйное дитя.
Онъ родился отъ вешнихъ ливней,
Его питаетъ горный снѣгъ,
Все безудержнѣй, непрерывнѣй
Его неукротимый бѣгъ.
Въ землѣ таившійся—оттуда
Побѣдоносно рвется въ ширь—
Изъ заключенья силой чуда
Освобожденный богатырь.

Маслины.

Ветхозавѣтная маслины,
Вы, украшавшія долины
Обѣтованныя земли—
У моря южнаго взрослые.

Въ странѣ, куда стремятся съ вѣрой,
Вы—старинны живая быль,
И на листьѣ зеленосѣрой
Какъ бы лежитъ столѣтій пыль.
При видѣ васъ воображенье
Рисуетъ мнѣ наметъ шатровъ,
На пастбищахъ огни костровъ,
Верблюдовъ мѣрное движенье.
Среди песчаныхъ зыбкихъ волнь...
А здѣсь волна, качая челнъ,
Ласкаетъ выступы утесовъ,
И нашъ туристъ въ тѣни маслинъ
Глядитъ, баюкая свой сплинъ,
На тяжкій трудъ каменотесовъ.

Два кипариса.

Средь желтѣющихъ былинокъ
На разрушенной террасѣ
Кипарисъ стоитъ, какъ инокъ
Въ побурѣвшей грубой рясѣ.

Ѣдкой пылью убѣленный,
Онъ глядитъ въ просторъ воздушный,
Въ созерцанье углубленный
И къ земному—равнодушный.

А вблизи—и въ полдень знойный,
Что травѣ степной смертеленъ—

Кипарисъ, подростокъ стройный,
Смотритъ въ небо—свѣжъ и зеленъ.

Каждой пышной юной вѣткой
Весь онъ—жизнь, и весь онъ—радость,
Не извѣдавъ пыли ѣдкой,
Лишь росы онъ знаетъ сладость.

Вечерь.

1.

Солнце зашло. На просторѣ
Зыбь золотая пропала...
Блѣдное нѣжное море,
Небо—въ оттѣнкахъ опала.

Стихло. Блѣднѣй и невѣрнѣй
Горныхъ вершинъ очертанья,
Тонетъ въ печали вечерней
Дня золотого блистанья.

2.

Море вздыхало
Словно во снѣ,
И въ вышинѣ
Пальмъ опахало
Чуть трепетало...
Море устало

Вѣчно шумѣть,
Вздумалось волнамъ
Въ сумракѣ полномъ
Вдругъ онѣмѣть,
Стихнуть, не биться,
Сномъ забыться.
Завтра валы,
Будто на приступъ—
Грянуть о выступъ
Темной скалы.
Завтра воспрянетъ
Спящій прибой:
Сызнава грянетъ
Утренній бой!

1898 — 1901 г.

Акварели.

1.

Я иду тропой лѣсною.
И, сплетаясь надо мною,
Вѣтви тихо шелестятъ;
Межъ узорчатой листвою
Блещетъ небо синевою
И притягиваетъ взглядъ.

У плотины въ полдень знойный
Словно дремлетъ тополь стройный;
Гдѣ прозрачнѣй и быстрѣй
Ручеекъ бѣжитъ въ оврагѣ—
Онъ купаетъ въ свѣтлой влагѣ
Серебро своихъ кудрей.

На прудѣ волшебнo сонномъ,
Камышами окаймленномъ,
Распустился неньюфаръ,
Тишинѣ я внемлю чутко,

И таинственно, и жутко
Обаянье этихъ чарь...

Межъ зелеными лугами
И крутыми берегами
Дремлютъ тихіе струи;
Словно въ грезахъ сновидѣнья,
Ждешь невольно появленья
Очарованной ладьи.

Не причалить ли неслышно
Къ камышамъ расцвѣтшимъ пышно
Челнъ волшебный,—и меня
Не умчить ли онъ съ собою
Въ міръ, за далью голубою—
Въ царство радостнаго дня?

2.

Дни бываютъ... Сладкой муки
Сердце чуткое полно,
И завѣтныхъ пѣсень звуки
Въ сердцахъ зрѣютъ, какъ зерно.

Засіявъ среди ненастья
Темной ночи грозовой,
Въ мертвый холодъ безучастья
Вторгся лучъ любви живой.

Все, что сердцу смутно снилось,
Что бесплодно я зову—

Предо мною все открылось,
Все предстало на яву.

Надъ собой не чую гнета,
Снова дышется вольнѣй:
Что-то плачетъ, шепчетъ что-то
И поетъ въ душѣ моей.

3.

Ранней юности безумье
Здѣсь на память мнѣ приходитъ;
Вновь печальное раздумье
На бывшее мысль наводитъ.

Предо мной оно всплываетъ
Въ блѣдномъ золотѣ заката,
Тихой грустью обвѣваетъ
Въ дуновеньяхъ аромата.

Вновь отчетливо и ярко
Все воскресло: лица, рѣчи...
И въ густыхъ аллеяхъ парка
Словно жду я съ кѣмъ-то встрѣчи.

Что-то вѣетъ межъ листвою,
И съ надеждою во взорахъ—
Словно слышу за собою
Я шаговъ замолкшихъ шорохъ

Озираюсь я,—готово
Сердце вновь повѣрить чуду!
Но, увы, лишь тѣнь былого
Вслѣдъ за мною бродить всюду.

4.

Сумрачный день. Все въ природѣ какъ будто
заснуло,
Глухо звучать отголоски шаговъ,
Запахомъ сѣна съ зеленыхъ луговъ потянуло,
Съ дальнихъ луговъ.

Свѣтлое озеро въ рамкѣ изъ зелени дремлетъ,
Тополь сребристый въ водѣ отраженъ;
То же затишье тревожную душу объемлетъ,
Чуткій, таинственный сонъ.

Грезятся сердцу несбыточно дивныя сказки
Юныхъ довѣрчивыхъ лѣтъ;
Грезятся вновь материнскія кроткія ласки,
Дружескій теплый привѣтъ.

Вмигъ позабыты—суровой борьбы безнадежность,
Боль незажившихъ, всегда растравляемыхъ
ранъ,
Въ сердцѣ воскресли любовь, прощенье, и нѣж-
ность—
Солнечный лучъ, пронизавшій холодный
туманъ.

*

5.

Свѣтлой грезой, лаской нѣжной—
Вѣтъ давнее былое
И бѣжитъ души мятежной
Все холодное и злое.

Горечь мукъ, судьбы удары—
Забываются на время,
Отступаютъ злыя чары,
Легче—жизненное бремя.

Снова сердце чутко внемлетъ
Тихой рѣчи примиренья,
Свѣтлый миръ его объемлетъ,
Принося успокоенье.

Образъ милый и священный
Дышетъ кроткою мольбою,
Шепчетъ голосъ незабвенный:
— Успокойся! Я съ тобою.

Изъ заоблачнаго края
Я схожу—лучемъ денницы,
Съ алой зорькой догорая,
Воскресая съ пѣснью птицы.

Въ горькій часъ печали жгучей
Я витаю здѣсь незримо,

Вмѣстѣ съ тучкою летучей
Проношусь неуловимо.

Я туманомъ легкимъ рѣю
Надъ тобой во мракѣ ночи
И прохладой тихо вѣю
На заплаканныя очи.

Удрученному сомнѣнью,
Истомленному борьбою,
Я шепчу съ благословеньемъ:
— Не одинъ ты! Я—съ тобою!

6.

Передъ грозой.

Падаютъ, какъ слезы, капли дождевыя,
Жемчугомъ дробятся слезы на стеклѣ,
Низко опустились тучи грозовыя,
Даль какъ будто тонетъ въ засвѣжѣвшей мглѣ.

Отблескомъ багровымъ молніи излома
Ярко озарился темный сводъ небесъ,
Глухо прогремѣли перекаты грома,
Вздрогнулъ, встрепенулся пробужденный лѣсъ.

Дрогнуло и сердце вмѣстѣ съ первымъ громомъ,
Рвется къ заповѣдной радостной стезѣ,
И былое шепчетъ голосомъ знакомымъ:
— Кончено затишье... Въ сердцѣ — быть грозѣ!

7.

Ранняя осень.

Ярче—зелень, дни—короче,
Листъ виднѣется сухой,
И во тьмѣ безлунной ночи—
Близость осени глухой.

На зарѣ въ туманѣ влажномъ
Блещетъ моря полоса
И шумять о чемъ-то важномъ
И таинственномъ лѣса.

Не похожъ на вешній лепетъ
Однозвучный этотъ шумъ,
Въ немъ—суровой силы трепетъ,
Отголоски зрѣлыхъ думъ.

Лѣто близится къ исходу
И среди ненастной мглы
Грудью встрѣтятъ непогоду
Величавые стволы.

Пусть развѣтетъ ураганомъ
Густолиственный уборъ—
Подъ грозою и туманомъ
Устоитъ дремучій боръ.

И о томъ, прощаясь лѣтомъ,
Тихо шепчется листва,

Но ловлю я въ шумѣ этомъ
Сожалѣнія слова.

И въ душѣ, передъ разлукой
Съ яркимъ свѣтомъ и тепломъ,
Ощущаю съ тайной мукой
Сожалѣнье о быломъ.

8.

Листва желтѣющая—рѣже,
Съ зарей—обильнѣе роса,
Утра безоблачны и свѣжи,
Прозрачно ярки небеса;
Какъ будто тѣ же и не тѣ же
Стоять задумчиво лѣса.

Такъ и былого обаянье
Становится съ теченьемъ дней
Еще прекраснѣй, но—грустнѣй.
Оно живетъ въ воспоминаньѣ,
Какъ ранней осени дыханье,
Какъ отблескъ меркнувшихъ огней.

Ранняя осень.

Золотые лучи, золотые листы!
Отвѣтающихъ розъ и настурцій кусты;
Рано утромъ слезинки холодной росы—

Сколько прелести въ нихъ и осенней красы!
Поблѣднѣла прозрачныхъ небесъ синева,
И, страшась непогодъ, увядаетъ листва.
Только рдѣтъ въ травѣ яркочерный пионъ
И румянцемъ больнымъ зарумянился кленъ.
Величаяя грусть въ тишинѣ разлита,
Но лѣсовъ и долинъ непрочно красота.
Обовѣтъ ихъ, какъ саванъ, осенній туманъ,
Зашумить, загудитъ межъ вѣтвей ураганъ,
И внесетъ въ примиренную душу мою
Дуновенье его—ледяную струю.
Разлетится, какъ сонъ, благотворный покой,
Затоскуетъ душа неотступной тоской,
Подъ напѣвъ непогодъ, въ часъ тумана и тьмы,
Будутъ грезиться ей въ мертвомъ царствѣ зимы—
Эти ясные дни, этотъ блескъ красоты,
Золотые лучи, золотые листы!

√

* *
*

Въ сердце запала случайно
Свѣтлая искра, и въ немъ,
Тлѣя упорно и тайно,
Вспыхнула яркимъ огнемъ.

Вѣтромъ холоднымъ пахнуло—
Сжалось отъ боли оно:
Свѣтлую искру задуло,
Сумракомъ сердце полно.

* *
*

Все затихло кругомъ, но мечтой овладѣвъ,
Сквозь болѣзненно чуткую дрему
Повторялся въ душѣ отзвучавшій напѣвъ,
Навѣвая печали истому.

И томила душа, тосковала она,
И рвалась на свободу, какъ птица,
Какъ затворникъ, когда сквозь рѣшетку окна
Засіяетъ во мракѣ денница.

И невольно все то, что казалось мертво,
Что въ душѣ замирало, хладѣя—
Встрепенулось, какъ будто коснулись его
Всемогущимъ жезломъ чародѣя.

Вдохновенная пѣснь пронеслась надо мной.
Столько было въ ней мощи и страсти,
И страданій земныхъ и любви неземной,
Торжествующей силы и власти,

Такъ казалась мнѣ жизнь хороша и полна,
Такъ сливался съ восторгомъ страданье—
Что невольно въ душѣ пробуждала она
Неотступное смерти желанье.

Зимніе сны.

1.

Повѣяло покоемъ,
Безмолвіемъ и сномъ,
Кружатся бѣлымъ роємъ
Снѣжинки за окномъ.

И ихъ полеть не слышенъ,
И падаютъ онѣ,
Какъ цвѣтъ молочный вишенъ
Отъ вѣтра по веснѣ.

Землѣ куютъ морозы
Тяжелый гнетъ оковъ,
Но въ сердцѣ рѣютъ грезы,
Какъ стая мотыльковъ,

И въ этой равнодушной,
Холодной тишинѣ—
Онѣ толпой воздушной
Слетаются ко мнѣ.

2.

Въ тишинѣ темносиней—
Блѣдный мѣсяца рогъ,
И серебряный иней—
У окраинъ дорогъ.

Снѣговая поляна,
Глубь вѣтвистыхъ аллея—
Въ легкой ризѣ тумана
Съ каждымъ мигомъ—свѣтлѣй.

Съ каждымъ мигомъ—властнѣе
Въ сердцѣ жажда чудесь,
И манить все сильнѣе
Очарованный лѣсъ.

Блещетъ искрами льдинокъ
Стройныхъ елей нарядъ;
Много дивныхъ тропинокъ
Въ путь—дорогу манять.

Но сомнѣнье объемлетъ
Душу мракомъ своимъ,
Сердце вѣщее внемлетъ
Голосамъ неземнымъ.

Ты, невѣдомый странникъ,
Ты пришелецъ, вернись!
Міра жалкаго данникъ,
Что тебѣ эта высь?

Этотъ край заповѣдный?
Эта дивная тишь?
Тщетно, робкій и блѣдный,
На распутьѣ стоишь!

Тщетно жаждешь ты чуда,
Откровения ждешь!
Ты дороги отсюда
Никогда не найдешь!

3.

Залита луннымъ блескомъ,
За темнымъ перелѣскомъ
Вздыхалась къ небу ель,
И ей шептала сказки,
Кружилась въ вихрѣ пляски
Лишь снѣжная метель.

Надъ ней въ инныя страны
Неслися караваны
Нависшихъ низко тучъ,
И солнце ей свѣтило,
И звѣздныя свѣтила,
И робкій лунный лучъ.

Но въ темномъ перелѣскѣ
Ей грезилось о блескѣ
Сверкающихъ огней,
О пышномъ гордомъ залѣ,
О музыкѣ на балѣ
Въ ночи мечталось ей.

За яркій мигъ веселья,
За краткое похмѣлье,
За ложь и мишуру—

Она отдать готова
Свѣтъ солнца золотого
И мѣсяца игру.

4.

Бѣлый лѣсъ подъ ризой бѣлой
И среди морозной мглы
Въ ихъ красѣ оледенѣлой
Дремлютъ бѣлые стволы.

Все безмолвно и безлюдно,
Позабыть весенній гулъ,
Такъ и мнится: непробудно
Старый боръ навѣкъ заснулъ.

Саванъ снѣга—на полянѣ,
Лунный блескъ и тишина,
И въ серебряномъ туманѣ
Надъ землею—чары сна.

Лишь вдали порою что то
Смутной тѣнью промелькнетъ,
Хрустнетъ вѣтка—и дремота
Снова чашу обойметъ.

Нѣтъ простора упованьямъ,
Въ сердцѣ нѣтъ завѣтныхъ словъ:
Вѣсть смертью и молчаньемъ
Въ этомъ царствѣ зимнихъ сновъ.

5.

Я слышу зимній плачь метели,
Неумолкающей и злой,
Дрова въ каминѣ догорѣли,
Огонь подернулся золой.

Лишь искры, вспыхнувши порою
Въ полуостынувшей золѣ,
Своей причудливой игрою
На мигъ засвѣтятся во мглѣ.

И воскресаютъ безотчетно
Въ душѣ видѣнья прежнихъ дней,
Подобно искрамъ мимолетно
Перебѣгающихъ огней.

И вотъ—неслышными крылами
Навѣявъ сладостные сны,
Они слетаются — послами
Иной, нездѣшной стороны.

И за собою увлекаютъ
Въ недостигаемую даль,
Иль въ сердцѣ смутно пробуждаютъ
Благоговѣйную печаль.

И въ плачь вьюги заунывномъ,
Неумолкающемъ и зломъ,
Звучить мнѣ—голосомъ призывнымъ
Все та же пѣсня—о быломъ.

6.

Въ лѣсу стоятъ сѣдья сосны;
Ихъ мѣднокрасная окра
Покрота слоємъ серебра;
Имъ грезятся былыя весны

И гомонъ радостный въ лѣсахъ,
Броженъ соковъ животворныхъ
И звонкій бѣгъ ключей проворныхъ,
Съ улыбкой солнца въ небесахъ!

Но снѣговья облака
И снѣгъ, лежащій пеленою,
И стужа съ мертвой тишиною—
Все говоритъ, что смерть близка.

И, потрясенъ до основанья,
Застонетъ глухо темный боръ
Когда средь мертваго молчанья
Вдругъ застучить въ лѣсу топоръ.

И пробѣжитъ тревожный шорохъ
Въ вершинахъ сосенъ вѣковыхъ,
Какъ вѣсть о смертныхъ приговорахъ
Неотвратимо роковыхъ.

1899.

I.

Frühlings Erwachen.

Чѣмъ-то тревожнымъ и влажнымъ повѣяло,
Въ рошѣ безлиственной—трепетъ и гуль,
Съ полночи градомъ и дождикомъ сѣяло,
Вѣтеръ морской потянулъ.

Къ сѣверу дикому съ юга прекраснаго
Онъ чрезъ долины и горы несетъ
Легкую зыбь дуновения страстнаго,
Тянетъ, куда-то зоветъ...

Шепчетъ онъ рѣкамъ:—Разбейте холодныя,
Тяжкія зимнія цѣпи свои,
Къ морю несите—отнынѣ свободныя—
Свѣтлыя ваши струи.

Шепчетъ онъ сушѣ:—Отъ сна запоздалаго
Къ счастью и свѣту проснися земля!
Сѣтью фіалокъ и вереска алаго
Пусть запестрѣютъ поля.

Шепчетъ могиламъ:—Утѣшьтеся, забытыя!
Солнышко взглянетъ на васъ съ высоты,
Будутъ надъ вами, травой перевитыя,
Плакать росю ивѣты!

2.

Выше иду я тропинкой горной,
Вотъ за уступомъ—уступъ,
Возлѣ ущелья, надъ бездною черной
Высится царственный дубъ.

Молніи блескомъ въ грозу опаленный,
Онъ подъ грозой не поникъ,
Лютую стужу и зной раскаленный
Бодро выносить старикъ.

Въ землю корнями вростая глубоко,
Вѣтви онъ къ небу простеръ,
Онъ надъ скалою раскинулъ широко
Темнозеленый шатеръ.

Тучу спокойно онъ ждетъ грозовую;
Вѣтви подьемля въ просторъ голубой,
Такъ же, какъ прежде, стрѣлу грозовую
Онъ вызываетъ на бой.

Мелодіи.

1.

Міръ очарованный пѣсенъ—
То же, что синес море,
Такъ же глубокъ и чудесенъ,
Радость таитъ онъ и горе.

Много сокровищъ добыто
Въ нѣдрахъ его сокровенныхъ
Много въ нихъ было зарыто
Перловъ любви многоцѣнныхъ.

Полныя ласки призывной,
Пѣсни несутся оттуда,
Вѣя гармоніей дивной,
Тѣща возможностью чуда.

Кто ихъ услышитъ случайно—
Тотъ никогда не забудеть,
Станнымъ желаніемъ тайно
Вѣчно томиться онъ будетъ.

Скорби житейской далекій,
Чудный земному привѣту,
Блѣдный, всегда одинокій,
Тѣнью онъ бродитъ по свѣту.

Въ край онъ блуждаетъ изъ края,
Съ жизнью порвавъ настоящей,
Пѣснѣ волшебной внимая,
Въ сердцѣ немолчно звучащей.

2

Какъ древній витяръ заколдованъ,
Мой духъ дремотой былъ окованъ,
Томясь безъ воли и безъ силъ,

Но чей-то голосъ чародѣйный,
Будя восторгъ благоговѣйный,
Меня для жизни пробудилъ.

Душа откликнулась на звуки,
И вновь, полна безумной муки,
Дрожить и плачетъ какъ струна.
Конецъ безстрастію покоя!
Но какъ борцу въ разгарѣ боя—
Душѣ погибель не страшна.

Пусть судьба меня обманетъ;
Когда послѣдній мигъ настанетъ,
Воспрянетъ духъ мой, смѣль и гордъ,
И, какъ въ быломъ, сильны и юны,
Душевные сольются струны
Въ одинъ ликующій аккордъ.

3.

Порывъ несбыточныхъ желаній
Перегорѣлъ въ огнѣ страданій,
Все очищающемъ огнѣ,
И такъ легко и грустно мнѣ,
И такъ печаль моя отрадна.
Любимый взоръ ловлю я жадно,
Я слово каждое ловлю,
И муки самыя люблю.
Такъ, въ часъ вечерняго отлива
Уходятъ воды молчаливо,

*

И брызги ихъ, какъ капли слезъ,
Во мглѣ дробятся объ утесъ.
Небесъ померкнувшіе своды
На успокоенныя воды
Бросають траурную тѣнь.
Уходитъ онъ—тревожный день,
Все дышетъ грустью затаенной,
Но въ этой скорби примиренной
Покой божественный разлить,
И все, что насъ манило въ жизни—
Найти въ невѣдомой отчизнѣ
Намъ смерть грядущая сулить.

Изъ кавказскаго альбома.

I.

Мчатся тучи разорванной цѣпью,
Ночь спустилась на землю покровомъ,
Надъ безмолвной широкой степью
Выплыль мѣсяцъ въ сіяньѣ багровомъ.

Мѣднокраснымъ сверкающимъ шаромъ
Выплыль онъ изъ-за дымки тумана,
И покорна таинственнымъ чарамъ,
Притаилась лѣсная поляна.

Мчится поѣздъ, окутанный мглой,
И томится душа непонятно,

И летять мои думы стрѣлою
На покинутый сѣверъ обратно.

2.

Какъ въ панорамѣ, передъ нами
Мелкнулъ сіяющій огнями
Какой-то городъ и—исчезъ.
И вижу я въ окно вагона
Лишь блѣдный сводъ ночныхъ небесъ
Съ волной серебряною Дона,
И посреди прозрачной мглы
Деревьевъ черные стволы.
Несемся мы, какъ будто въ сказкѣ,
И южный вѣтеръ, полный ласки,
О чемъ-то шепчетъ въ тишинѣ...
Мы на яву ли иль во снѣ?

3.

Сливаясь съ далью небесъ безбрежной,
Вѣнчанный гордо короной снѣжной,
Стоить Эльбрусъ;
Къ его вершинамъ и горнымъ кручамъ
Возможенъ доступъ орламъ и тучамъ,
И онъ свободный не знаетъ узъ.

Надъ степью горной царя вѣками,
То полускрытый за облаками,
Таится онъ,

То разрывая покровъ туманный,
Блеснетъ внезапно, серебромъ вѣнчанный,
Мечтою дивной заворожень.

Не такъ ли точно въ душѣ поэта
Источникъ дивной любви и свѣта
Порой таится, — но день придетъ —
И слово правды, какъ лучъ денницы,
Какъ золотая игра зарницы
Во тьмѣ блеснетъ.

4.

Вечернія густыя тѣни,
Какъ исполинскія ступени,
На горы синія легли,
И ихъ вершины темно сизой
Воздушною тумана ризой
Почти мгновенно облекли.

Клубится мгла во всей долинѣ,
Огни мелкнули въ котловинѣ,
Гдѣ притаился городокъ,
Въ саду цикады замолчали,
И я гляжу, полна печали,
На отдаленный огонекъ.

5.

Увидимся ли мы, и что сулить свиданье—
Мучительный восторгъ иль новья страданья?
Я ничего не жду, не знаю, не хочу,
Но что-то свѣтлое, подобное лучу
Забрежжившей зари—опять въ душѣ блеснуло.
Отрадой тайною, надеждою пахнуло,
И сладкій ароматъ акаціи въ цвѣту,
И пѣніе цикады, и тихій плескъ фонтана—
Все дышетъ чарами волшебнаго обмана.
Увидимся ли мы?

6.

Прошла гроза,—и синевою
Сіяетъ снова сводъ небесъ,
И освѣженною листвою
Опять шумить зеленый лѣсъ.
Блится влагою зеркальной
Потокъ, журчащій межъ травой,
И лишь въ моей душѣ печальной—
Все тотъ же сумракъ грозовой.
Исхода нѣтъ душевнымъ мукамъ,
Въ себѣ глубоко затая,
Ихъ никому единымъ звукомъ,
И никогда ве выдамъ я!

7

Милый голосъ издалека
Отдался въ душѣ моей,
Или тамъ, въ вѣтвяхъ, высоко
Отозвался соловей?
Какъ сіяютъ въ небѣ краски,
Какъ прозрачны облака,
И полно отрадной ласки
Дуновенье вѣтерка.
Эти горныя громады,
Этотъ лиственный навѣсъ,
И деревьевъ колоннады
Съ яркимъ куполомъ небесъ;
Дымка сизая тумановъ,
Горъ высокихъ алтари,
Шепотъ ласковый фонтановъ
Отъ зари и до зари—
Не мечта, не сонъ ли это;
Эти ночи, эти дни?
Царства грезы—міръ поэта
И душѣ его сродни.

8.

Душа безумная поэта
Мечтою жить осуждена,
Ея запросамъ нѣтъ отвѣта,
Не знаетъ радостей она.

Волны морской волшебный лепетъ,
Цвѣтовъ весеннихъ ароматъ—
Въ нее вселяютъ дивный трепетъ,
Отраву сладкую таятъ.

Они волнуютъ общаньемъ
Восторговъ свѣтлыхъ, ясныхъ дней,—
Но дольний міръ съ его страданьемъ—
Мечты божественной сильнѣй.

За мигъ недолгій упоенья
Уплаты требуя себѣ,
Караеть онъ безъ сожалѣнья
Изнемогающихъ въ борьбѣ;
Сердца крушашій безпощадно
Подъ тяжкимъ бременемъ тоски,
Онъ обрываетъ безотрадно
Надеждъ желанныхъ лепестки.
Но какъ приливы и отливы,
Какъ обновленные листы—
Такъ возрождаются порывы
Неумирающей мечты.
Ея волшебный голосъ слышитъ
Душа поэта; опьяненъ
Мечтою онъ живетъ и дышетъ,
И въ ней же смерть находитъ онъ.

9.

Послѣдній лучъ зари исчезъ,
Подернулись туманомъ горы,

На синемъ бархатѣ небесъ
Блеснули звѣздные узоры.

Все разгораются свѣтлѣй
Созвѣздій пламенные очи,
А въ мягкомъ сумракѣ аллей
Сильнѣе чары южной ночи.

Во мракѣ бѣлые дома
Едва замѣтны подь горою
И цѣпь холмовъ одѣла тьма
Своей волнистою чадрою.

На каждый шорохъ, каждый звукъ,
Ночнаго вѣтра дуновенье—
Отвѣтомъ служить сердца стукъ,
Его тревожное бѣенье.

Чему-то внемлешь чуть дыша
Въ мечтахъ восторженныхъ и чистыхъ
И раскрывается душа,
Какъ лепестки цвѣтовъ душистыхъ.

10.

Тяжелыя капли все рѣже и рѣже
Съ зарею стучатся въ стекло.
Какъ листья омытые ярки и свѣжи!
Какъ солнце сіяетъ свѣтло!

Природа, забывъ о полдненной истомѣ,
Прохладою вѣетъ въ лицо;
Роса—на куртинахъ, безмолвіе—въ домѣ,
Я тихо схожу на крыльцо.

Вдали выступаютъ въ сѣньѣ багряномъ
Вершины синѣющихъ горъ,
И дышетъ акаціи запахомъ прянымъ
Окрестный просторъ.

Безлюдно въ аллеяхъ тѣнистаго парка,
Ольховка шумитъ межъ камней,
Высокихъ деревьевъ зеленая арка
Сплетается гуще, плотнѣй.

Но солнце внезапно ее пронизало
Сверкающей сѣтью лучей,
Для многихъ желанное утро настало,
О счастье лепечетъ ручей.

Быть можетъ ужъ близко дыханіе бури,
Но прочь я сомнѣнья гоню,
Я вѣрю душою сѣнью лазури
Я вѣрю грядущему дню.

II.

Изъ бѣлаго камня ступени
Въ мерцающей тѣмѣ потонули,

Спустились вечернія тѣни
И звѣзды блеснули.

Чарующей, царственно южной
Онѣ засіяли красою,
Цвѣты задремали, жемчужной
Омыты рососою.

Трепещуть деревьевъ вершины
И тихій мнѣ слышится шепотъ
Не вздохъ ли невольной кручины?
Не сердца ли ропотъ?

Плѣненное звѣздъ красотою,
Не сердце ль въ груди пробудилось,
И снова, какъ прежде, мечтою
Безумной забилося?

12.

Въ полдневномъ блескѣ тихо млѣя,
Открылись мнѣ вершины горъ,
Высокихъ тополей аллея
Къ себѣ притягиваетъ взоръ.

Онѣ любоваться не устанетъ
Рядами стройными стволовъ,
И въ высь его невольно тянетъ,
Въ обитель царственныхъ орловъ.

Высоко къ небу голубому
Подъемлють тополи главу,
И погружаясь въ нѣмую дрему,
О чемъ-то грезять на яву.

Въ полдневномъ воздухѣ—мерцанье
И трепеть солнечныхъ лучей,
И тотъ же трепеть ожиданья
Въ душѣ взволнованной моей.

Среди вѣтвей струится зыбью
Потокъ изъ блескокъ золотыхъ,
И глазъ, какъ небо голубыхъ—
Мнѣ всюду грезится улыбка.

Изъ дневника.

1.

Какъ голоса иного міра,
Порой звучать въ душѣ забытыя слова;
Пусть жертвенникъ угасъ и въ храмѣ нѣтъ ку-
мира,
Но чудится во тьмѣ намъ близость божества.

И кажется: вотъ-вотъ, внимая славословью,
Поднимемъ съ вѣрою мы очи на жреца,
И прежнимъ трепетомъ и прежнею любовью
Мгновенно вспыхнуть въ насъ остывшія сердца.

2.

Есть дни, когда душа болѣзненно чутка,
Она раскрывшейся тогда подобна ранѣ;
Острѣй—въ такіе дни и радость и тоска,
И гнетъ предчувствія томить ее заранѣ.
Воспоминанія давно минувшихъ дней
Въ ней отзываются тревожнѣй и больнѣй,
Всего, ушедшаго изъ жизни безъ возврата,
И близкихъ, и себя—невыразимо жаль.
Мучительнѣй вдвойнѣ намъ каждая утрата
И вдвое тяжелѣй намъ каждая печаль.
(Знакомый ароматъ, мотивъ полузабытый—
Вновь пробуждаютъ насъ отъ призрачнаго сна,
(На арфѣ брошенной, безгласной и разбитой—
Опять звучить замолкшая струна.

3.

Чѣмъ розы ярче и пышнѣе,
И въ часъ багрянаго заката,
Чѣмъ опьяняютъ насъ сильнѣе
Онѣ волнами аромата—
Тѣмъ ближе время увяданья,
Тѣмъ неизбѣжнѣе, и скоро
Суровой осени дыханье
Коснется пышнаго убора.

Едва лишь духомъ мы созрѣли,
Едва съ очей завѣса пала,
И сокровенное доселѣ—
Въ чертахъ сіяющихъ предстало;
Едва открылась путь-дорога
И для борьбы созрѣли силы—
Для насъ ужъ близокъ день итога
И вѣтъ холодомъ могилы.

У гроба Я. И. Полонскаго.

Стелются волны отъ дыма кадильнаго,
Сердца, любовью святою обильнаго—
Стихло бѣненіе... Вѣчный покой!
Звукамъ внимая напѣва печальнаго,
Люди сошлись у одра погребальнаго
Тѣсною дружной толпой.
Съ блѣднаго лика, отнынѣ безмолвнаго,
Невыразимымъ спокойствіемъ полнаго—
Многіе взоровъ не сводятъ съ тоской
Вѣчный покой!

Помыслы чистые, къ благу стремленія,
Творчества тайна, огонь вдохновенія—
Все притаилось за блѣднымъ челомъ.
Тамъ зарождались—теперь отзвучавшія
Пѣсни простыя, намъ въ душу запавшія,
Пѣснь о грядущемъ и пѣснь о быломъ.

Блѣднымъ сіянемъ свѣчей озаренныя,
Чуждая горю съ земною тоской.
Стелются волны отъ дыма кадилаго,
Вѣтъ безмолвемъ покоя могильнаго,
Вѣчная память! Вѣчный покой!

Искра.

Ордою варваровъ разрушенъ,
Священный храмъ въ обломкахъ палъ.
Кто—беззаботно равнодушень,
А кто—трусливо малодушенъ
На разрушеніе взиралъ.
Напрасно жрецъ богини свѣта
Молилъ, рыдая предъ толпой,
Онъ не нашель себѣ отвѣта
Въ толпѣ бездушной и слѣпой.
Шептали всѣ:—Вѣщаль оракулъ,
Рѣшила Пифея сама:
Угаснуть долженъ этотъ факель,
И воцарится въ мірѣ тьма.—
Но высоко надъ головою
Свѣтильникъ поднялъ онъ, какъ стягъ;
Впередъ онъ кинулся, во мракъ,
И цѣлой тучей огневою
Неслися искры вслѣдъ за нимъ.
Ударъ настигъ—неумолимъ,
Но тѣ, въ чью душу искру свѣта
Успѣлъ онъ бросить на лѣту,

Постигли дивную мечту.
Въ нихъ искра пламенная эта
Горить, какъ свѣточъ, какъ маякъ—
И въ мертвой жизненной пустынь,
Имъ указуя путь къ святынѣ,
Она побѣдно гонить мракъ!

Погибшая любовь.

(Фантазія).

Прошедшее съ его очарованьемъ
Я пережить безумно жаждалъ вновь,
И я прибѣгъ къ волшебнымъ упованиямъ,
Чтобъ воскресить погибшую любовь.

Тоской по ней душа моя томилась;
Когда во тьмѣ зажглись огни свѣтилъ,
Я смѣло кругъ волшебный начертилъ,
Я звалъ ее, и вотъ она явилась.

Въ сіяньѣ звѣздъ, таинственно свѣтла,
Она опять стояла предо мною.
Осыпался вѣнокъ съ ея чела
И ликъ дышалъ печалью неземною.

Восторга лучъ померкъ въ ея очахъ,
Усталый взоръ былъ грустью затуманенъ,

И обликъ весь въ мерцающихъ лучахъ
Казался чуждъ, загадоченъ и страненъ.

И молвилъ я:—Я тотъ же, что и былъ,
Былое все—попрежнему со мною.
Но гдѣ же твой восторга юный пылъ?
Зачѣмъ сюда явилась ты иною?

Гдѣ страстныя и горькія слова,
Улыбки, слезъ и ласкъ очарованье?
Въ груди твоей не пламень божества,
Но смерти злой я чувствую дыханье.

И молвила она:—Сюда пришла
Покорная лишь заклинаній чарамъ;
Я умерла, поэтъ, я умерла,
Убита я, но не однимъ ударомъ.

Отъ мелочныхъ обидъ изнемогла,
Отъ тягостныхъ всеневныхъ униженій,
И мой вѣнокъ осыпался съ чела,
И замерзли слова моихъ моленій.

Не пощаженъ былъ пламенный порывъ
Насмѣшки злой стрѣлою ледяною,
Дары мои бесплодно расточивъ,
Купила я лишь гибель ихъ цѣною.

И нѣжности, и ласкъ моихъ взаимнѣ
Встрѣчала я, отъ ужаса блѣднѣя,

Презрѣніе, постыдный рядъ измѣнъ,
И съ прихотью цѣнилась наравнѣ я.

Я умерла. Возврата больше нѣтъ,
И въ плоть и кровь облечь меня безсильный,
Къ чему, покой смущая замогильный,
Меня къ себѣ ты вызвалъ, о поэтъ?

Покорная лишь чарамъ заклинаній,
Я призракомъ предстала здѣсь въ тиши:
Не воскресить былыхъ очарованій,
Какъ не вдохнуть въ умершую души.

1900.

На сѣверѣ.

Свѣжесть моря, запахъ хвои,
Свѣтъ и тѣни на пескѣ,
Что-то бодрое, живое,
Бѣлый парусъ вдалекѣ...

Въ шумѣ моря непрерывномъ,
Въ чуткомъ шорохѣ сосны,
Въ блескѣ моря переливномъ—
Чары сѣверной весны.

Тишина и гладь морская,
Мохъ раскинулся ковровъ,

*

Чайки носятся, сверкая
Бѣлыхъ перьевъ серебромъ.

Такъ и тянетъ въ море, въ море,
Чайкамъ—искоркамъ во слѣдъ—
Позабыть мечты и горе,
И тревоги прошлыхъ лѣтъ!

2.

Сегодня небо такъ лазурно
И такъ прозрачны облака,
И даль морская такъ безбурна—
Что таетъ на сердцѣ тоска.

Забвеньемъ дышетъ все и миромъ,
Чаруетъ море синевою:
Оно блеститъ живымъ сафиромъ
Изъ рамокъ зелени живой.

3

Холодный сѣрый день. Надъ моремъ и землю
Спускается туманъ—молочно бѣлой мглой,
Слились съ безбрежностью морскою небеса
И смутно вдалекѣ бѣлѣютъ паруса.
Но вѣтеръ потянулъ—и рябью легкой море

Тотчас подернулось, поодадь у камней
Становится волна морская зеленѣй
И гребни бѣлые мелькнули на просторѣ...
Еще волненья нѣтъ, но близится оно,
Гроза не грянула, но все грозою дышетъ,
И сердцѣ чуткое, предчувствіемъ полно,
Въ прибоѣ волнѣ морскихъ угрозу моря слы-
шитъ.

4.

Тяжелой свинцовой грядою
Встаютъ на просторѣ валы,
И бьются о выступъ скалы,
И пѣной сверкаютъ сѣдою.

Сильнѣе—ихъ бурной прибой
И брызги сверкающей пыли,
Какъ рати, идущія въ бой,
Утесы они обступили.

Грознѣе сгущается мракъ,
Но тщетно усиле слѣпое:
Незыблемъ старинный маякъ
На твердомъ гранитномъ устоѣ.

5.

Какъ молчаливы зѣсь лѣса,
Въ нихъ столько тѣни и прохлады!

Подъ сводомъ стройной колоннады
Здѣсь рѣдки птичьи голоса.

Здѣсь рѣдки блѣдные цвѣты,
Но это сѣверное море
И солнца лучъ въ сосновомъ борѣ—
Полны суровой красоты.

Какъ онъ трепещетъ на листьяхъ
И въ глубинѣ лѣсной аллеи!
Такъ на задумчивыхъ устахъ
Улыбка намъ всего милѣе.

Изгнанникъ.

1.

Онъ шагомъ пустилъ боевого коня,
Коню отпустилъ онъ поводья;
То было съ закатомъ весенняго дня,
То было весной въ половодье.

Листва зеленѣла, алѣлъ небосклонъ,
Тянулись луга заливные...
Ужели изъ края далекаго онъ
Въ края возвратился родные?

Рѣка, разливаясь, течетъ въ берегахъ...
Забылъ онъ обиду и злобу,

Не помнить онъ больше о старыхъ врагахъ,
Но старую помнить зазнобу.

Онъ ѣдетъ межъ, стѣнь зеленѣющей ржи.
Признають ли гостя? Едва ли
Знакомый колодезь въ поляхъ, у межи,
А въ сердцѣ лишь дума: жива ли?

Онъ хочетъ погнать вороного коня,
Но сердце щемитъ отъ тревоги.
Вдругъ камень могильный, подъ тѣнью плетня,
Онъ видитъ у самой дороги.

Хоронять несчастныхъ подъ камнемъ такимъ,
Покинувшихъ миръ самовольно...
Онъ сходить на землю, тоскою томимъ,
И надпись читаетъ невольно.

Читаетъ онъ имя, и годъ, и число,
Прощаясь съ мечтой золотою,
И низко изгнанникъ склоняетъ чело
Надъ темной могильной плитою.

О чемъ-то рыдая, кому-то грозя,
Стоитъ онъ надъ нею уныло.
Ему возвратиться въ отчизну нельзя:
Межъ нимъ и межъ нею—могила.

И снова садится пришлецъ на коня,
Въ рукѣ натянулись поводья,—
И мчитъ онъ впередъ, вороного гоня,
Весенней порой въ половодье.

Пѣснь о морѣ.

(Норвежская баллада).

Несутся съ добычей норманновъ ладьи,
Какъ чайки на синемъ просторѣ;
Отважно онѣ разсѣкають струи...
О, море, шумящее море!
Дружину ведетъ златокудрый Руальдъ,
Онѣ грозенъ и вмѣстѣ — прекрасенъ,
Его прославляетъ напѣвами скальдъ
Онѣ въ битвѣ кровавой ужасенъ.
Того кто въ сраженьи — храбрѣйшихъ храбрѣй,
Всѣ знаютъ, до грековъ Царьграда:
Какъ золото — шелкъ бѣлокурыхъ кудрей,
Какъ молнія — блескъ его взгляда.
Несутся въ отчизну норманновъ ладьи,
И люди съ отвагой во взорѣ
Глядять какъ дробятся морскія струи...
О, море, шумящее море!

Въ палатахъ у яра маститаго пиръ;
Гость каждый да будетъ желаннымъ!
Съ врагами своими онѣ празднуетъ миръ,
Почетъ воздаявая норманнамъ.
И кубковъ заздравныхъ ликующій звонъ
Сливается съ рокотомъ струннымъ,
И гости, пришедшіе съ разныхъ сторонъ.
Любуются викингомъ юнымъ.

У юношей взоры отвагой горятъ
И шепотъ восторженный слышенъ,
Кругомъ возсѣдаютъ красавицы въ рядъ,
Уборъ ихъ блистательный пышенъ.
А викингъ о славѣ поетъ, о любви,—
И вспыхнуло пламя во взорѣ.
Дочь ярла потупила взоры свои.
О, море, шумящее море!

Внимаетъ съ волненіемъ Рагни-краса,
Ей любви Руальда напѣвы;
Лазурны, какъ южныхъ краевъ небеса,
Глаза у задумчивой дѣвы.
Онъ кончилъ,—и съ кубкомъ подходитъ она,
И ярлъ поднимается съ мѣста.
— Пей, гость нашъ, и молви: не ждетъ ли жена
Въ отчизнѣ тебя, иль невѣста?—
И молвитъ Руальдъ:—Я на свадьбу плыву
Съ княжкою Сигридъ свѣтлоокой!—
Я славлю ее и съ любовью зову
Въ часъ мира и въ битвѣ жестокой!—
И очи потупила Рагни-краса,
Блѣдна въ драгоцѣнномъ уборѣ...
Ей слышатся смутно гостей голоса...
О, море, шумящее море!

Съ зарею плывутъ побѣдители прочь;
Нѣтъ солнца на небѣ туманномъ!
Глядишь ты, о ярла прекрасная дочь,
Во слѣдъ уходящимъ норманнамъ.

Спѣшитъ побѣдитель на свадьбу съ княжной,
Чуть видны ладьи у откоса...
Бѣжитъ, набѣгаетъ волна за волной,
Дробясь у подножья утеса
И вѣтеръ играетъ шелковой косою,
Гуляя на синемъ просторѣ...
Выграло, сомкнулось надъ Рагни-красой
Шумящее синее море!

Жизнь и смерть.

Подъ жгучей синевою полуденныхъ небесъ,
Равниной грозною синѣя на просторѣ,
Необозримое раскинулося море.
Вотъ парусъ промельнулъ, какъ чайка и—исчезъ
Въ сіяющей дали, залитой яркимъ блескомъ.
А тамъ у берега, съ однообразнымъ плескомъ,
Среди безвѣтрія и знойной тишины,
Лѣниво плещется волна о валуны.
У бѣлыхъ валуновъ, въ тѣни скалы прибрежной,
Откуда ей просторъ виднѣется безбрежный,
Больная, прислонясь къ подушкѣ головой,
Откинувшись назадъ въ своемъ глубокомъ креслѣ
Глядитъ задумчиво и грустно предъ собой.
Печаленъ взоръ ея, разсѣянный, и если
Въ немъ оживленіе мгновенное мелькнетъ,
Похожее на лучъ, который придаетъ
Усопшаго чертамъ подобье жизни блѣдной,—
Она, какъ этотъ лучъ, исчезнетъ вмигъ безслѣдно.
Межъ тѣмъ, страдалица годами молода,

Ни трудъ, ни раннія заботы, ни нужда,
Ни горе—юныхъ силъ ея не подорвали.
Любовь?... Узнать ея могла она едва ли,
Повсюду, гдѣ любовь,—тамъ также и борьба,
А слишкомъ для борьбы душа ея слаба.
Она—растеніе, цвѣтокъ оранжерейный,
Предметъ и цѣль заботъ и гордости семейной.
Ей не пришлось ни жить, ни думать за себя,
Родные обо всемъ заботились, любя.
Она и пожелать была не въ состояннѣ,
За тѣмъ, что всякое малѣйшее желанье
Предупраждалось тамъ,—и такъ же какъ труда—
Она усилія не знала никогда.
Наряды, выѣзды—завиднѣйшая доля,
Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ ней была убита воля,
И жизнь, которая, казалось, была
Такою легкою,—ей стала тяжела:
Она зачала вдругъ, безъ видимой причины.
Родные, внѣ себя отъ горя и кручины,
Спѣшили увести страдалицу на югъ,
Но онъ не исцѣлилъ таинственный недугъ,
Который жизнь ея подтачивалъ собою.
И передъ этою равниной голубою,
Предъ свѣтомъ и тепломъ—въ уныніи своемъ
Она безропотно слабѣла день за днемъ.
И съ равнодушіемъ, устало безучастнымъ,
Покоясь въ знойный день подъ этимъ небомъ
яснымъ
И холодно слѣдя, какъ въ розовой дали,
Бѣлѣя парусомъ, мелькаютъ корабли,

Она, которая такъ рано жить устала,
Устами блѣдными съ усиліемъ шептала:
— О, Боже! если бѣ мнѣ скорѣе умереть!—

А тамъ, гдѣ близъ камней просушивалась сѣть,
Въ лохмотьяхъ нищая у берега присѣла.
Сквозь платье рваное просвѣчивало тѣло.
Больная не смотря на сильный солннопекъ,
Дрожала, кутаясь въ разорванный платокъ.
Семнадцать—двадцать лѣтъ могло ей быть, не
болѣ,

Но въ заострившихся, измученныхъ чертахъ,
Въ улыбка горестной, блуждавшей на устахъ—
Какъ много скрытыхъ мукъ о безнадежной долѣ!
Увы! Ей жизни жаль—суровой, трудовой,
И неба южнаго съ глубокой синевою,
И скромныхъ радостей! Ей жаль родного моря,
Ей причинявшаго такъ много мукъ и горя:
Вѣдь, море сдѣлало крестьянку сиротой.
Больной, измученной недугомъ, нищетой
Ей жизнь является отрадной и желанной,
Живетъ она, и жизнь не можетъ не любить!
И сидя у камней, среди косы песчаной,
Больная, поблѣднѣвъ, съ улыбкой шепчетъ стран-
ной!

— О, Боже, если бѣ я могла еще пожить!

Изъ путевого альбома.

I.

Какая тишь и красота,
Какою вѣетъ стариною!
Вотъ башня съ древнею стѣною,
Аркады стараго моста.

Окно—подобіе бойницы,
И тутъ же—зелени кайма,
Повсюду—кровель черепицы
И островерхіе дома...

Окутана тумана ризой,
Слилася съ небомъ цѣпь холмовъ,
И затонула въ дымкѣ сизой
Громада кровель и домовъ.

Какъ отблескъ солнца на водѣ—
Такъ, сквозь туманныя волокна,
Порой сверкаютъ кое гдѣ,
Озарены закатомъ окна.

Что за покой, какая тишь!
Стихаютъ здѣсь порывы горя.
Внизу въ туманѣ море крышъ
Мнѣ кажется подобьемъ моря.

2.

Туманъ сгущается въ долинь;
Какъ синій дымъ, стоятъ лѣса,
Зари погасла полоса,
Все какъ и небо—темно сине.

Но огонекъ, сквозь синій мракъ,
Блеснулъ внезапно межъ листвою,
Такъ зажигается свѣтлякъ
Іюльской ночью межъ травюю.

Внизу блеснули огоньки
Одинъ, другой—надъ гущей вязовъ,
Какъ цѣпь разсыпанныхъ алмазовъ.
Отражены волной рѣки.

Они изъ тьмы сіяютъ ярко,
Какъ въ жизни сумрачной—мечта,
Волшебная двойная арка
Воздушно смѣлаго моста!

Тамъ жизнь кипитъ неутомимо,
И надъ землею суетой
Съ небесъ лишь мѣсяцъ золотой
Сіянье льетъ невозмутимо.

3.

Раздался мѣрный шагъ солдатъ.
По каменнымъ и гулкимъ плитамъ,

Сіянемъ солнечнымъ залитымъ,
Шаги отчетливо звучать.

Сверкаетъ лучъ на каскахъ мѣдныхъ
И золотитъ ближайшій шпигъ;
Въ толпѣ не мало женскихъ лицъ—
И нѣжно-розовыхъ, и блѣдныхъ.

Рожокъ походный заигралъ—
И выступаютъ люди важно,
Межъ тѣмъ, какъ пѣснь звучитъ протяжно,
Какъ католическій хоралъ.

Ей чужды: удалъ, тоска,
И жажда новой лучшей доли,
Она уноситъ противъ воли
Въ давно прошедшіе вѣка.

4.

Въ лѣсу.

Надо мною тихо вѣютъ
Тюрингенскіе лѣса
И привѣтливо синѣютъ
Межъ листвою небеса.
И напѣвъ особый слышенъ
Въ тихомъ шорохѣ вѣтвей:
Старый дубъ, могучъ и пышенъ,
О борьбѣ поетъ своей.
О печали шепчетъ ива

Полусонному ручью,
И лепечеть сиротливо
Ясень исповѣдь свою.
Шелестятъ въ раздумьѣ сосны,—
Имъ съ вечернею зарей
Дни любви, былыя весны
Вспоминаются порой.
Лишь одинъ зеленый ельникъ,
Наклонясь подъ гнетомъ думъ,
Имъ внимаеть какъ отшельникъ—
И безмолвень, и угрюмъ.

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА.

5.

Съ благоговѣніемъ, какъ бы подъ сводомъ храма,
Безмолвно мы прошли покоевъ длинный рядъ;
Порою кое гдѣ поблескивала рама,
Созданья гения приковывали взглядъ.
Но какъ паломники, спѣшашіе къ святынь,
Шли дальше мы туда, къ единственной картинѣ.
И ты предстала намъ грядущей въ облакахъ—
Съ Христомъ, Божественнымъ Младенцемъ на
рукахъ,
У ногъ маститый Сикстъ и юная Варвара,
А ниже—ангеловъ задумчивыхъ чета
Съ очими полными молитвеннаго жара,
Казалось мнѣ, что ихъ невинныя уста
Поютъ хвалу Тебѣ, Святая Красота

Чей образъ дѣвственный, божественно прекрасный
И въ кротости своей невыразимо ясный,
Межъ небомъ и землей — единое звено
И связь ихъ лишь Тебѣ возстановить дано.

И. И. Вейнбергу.

(Къ 50-и лѣтнему юбилею).

Рыцарь духа. Это слово
Вдохновеннаго пѣвца.
Жаждой подвига святого
Жгло избранниковъ сердца.
Званья рыцаря достоинъ,
Кто держалъ за правду рѣчь,
Кто за правду, смѣлый воинъ,
Обнажалъ духовный мечъ.
Кто будилъ святую жалость,
Кто преслѣдовалъ порокъ,
Кто «болѣзненную вялость»
Ставилъ юношамъ въ упрекъ!
Рыцарь духа — передъ нами,
Нынче духа торжество,
Межъ родными именами —
Слава имени его.

В. Г. Короленкъ.

(Къ дню юбилея).

Была у насъ великая пора,
Богата славными плодами
Свободы нравственной, духовнаго добра.
Шестидесятыми годами
Звалась она—великая пора,
Богатая борцовъ отважныхъ именами.
Немногіе изъ ихъ—и нынѣ между нами.
И онъ воспринялъ ихъ завѣтъ,
И онъ—питомецъ «стаи славной»—
Онъ также выступилъ вождемъ въ борьбѣ не-
равной
Съ душою твердою, какъ сталь,
Съ душою чистой, какъ хрусталь,
За правду бился онъ оружіемъ таланта,
Имъ выполненъ святой завѣтъ,
И въ тьму творецъ «Слѣпнаго музыканта»
Всегда вносилъ съ собою свѣтъ.

Переводныя стихотворенія.

Изъ французскихъ поэтовъ.

В. Гюго.

(Изъ *Châtiments*).

Ullima verba.

Да, совѣсть умерла среди постыдныхъ оргій,
Насталъ великій день для вора и лжеца,
И наглость, наклонясь надъ мертвою въ восторгѣ,
Ей оскорбленія наноситъ безъ конца.

Судья и іезуитъ—наиѣстники Іуды
Тамъ, у подножія Господняго креста,
Считаютъ золота награбленнаго груды,
И снова предають Распятаго Христа.

Они вѣщаютъ намъ:—Смиритесь! Волей неба
Явился цезаремъ Луи-Наполеонъ,

*

Своимъ сподвижникамъ онъ зрѣлицъ дастъ, и
хлѣба,
Уловкой шулерской приобрѣтая тронъ.

Пока она властвуетъ—монархъ изъ балагана,
Со скипетромъ въ рукѣ, съ трещеткою—въ дру-
гой,
Подъ покровительствомъ достойнымъ Ватикана,
Нахально наступивъ предательской ногой,

Что за собою слѣдъ оставила кровавый—
На совѣсть общества, на вѣру и законъ;
Пока преданія старинной нашей славы
Постыднымъ торжествомъ своимъ пятнаетъ онъ.

Покуда онъ живетъ—асилъ и обманъ
Я обличу! Съ тебя сорву личину, шутъ!
И если бы для насъ, давно гонимыхъ, страны
Всѣ отказались дать защиту и приютъ,

Когда бы, цезарю французскому въ угоду,
Всѣ двери для борцовъ остались заперты,
И мы, какъ странники безъ племени и роду,
Иль словно бурю гонимые листы,

Приюта не нашли, и даже Богъ пустыни
Отвергъ отверженныхъ, изгнанниковъ изгналъ;
Когда бъ могилы всѣ—минувшаго святыни
Отринули тѣла и вѣчный мракъ насталь—

Одинъ я не склонюсь! И съ ненавистью къ
стаду

Презрѣнному пойду тернистою тропой;
Среди изгнанія вы шлете мнѣ отраду:
Отчизна—мой алтарь, свобода—лозунгъ мой.

Залогѣ истины я сохраняю, братья,
Въ разлукѣ страждущихъ они соединять,
И я прославлю все, что вызвало проклятья,
И прокляну все то, чему теперь кадятъ

Въ моемъ изгнаніи—гонимый и убогій
Стихомъ я разбужу заснувшіе умы;
Тамъ цезарю льстецы укажутъ входъ въ чертоги,
А я—я укажу ему на дверь тюрьмы!

Среди измѣнниковъ и трусовъ я отнынѣ
Съ спокойной совѣстью одинъ пойду впередъ,
Благоговѣніе къ поруганной святынѣ—
Мнѣ будетъ навсегда защита и оплотъ.

Пока не сгинетъ зло—ни просьбы, ни угрозы
Не возвратятъ меня къ родимымъ берегамъ.
О, Франція моя, неволью льются слезы
При мысли обо всемъ, что я оставилъ тамъ!

Свое изгнаніе я принимаю гордо;
Я видѣть не хочу и не желаю знать,
Что тѣ изнемогли, въ кого я вѣрилъ твердо,
Что пали многіе, уставшіе страдать.

О, родина моя! Напрасно—вѣчный странникъ—
Я жажду увидеть полей твоихъ просторъ!

Среди отверженныхъ останусь я—изгнанникъ,
Дабы не раздѣлить ликующихъ позоръ.

И еслибы для борьбы съ насильемъ и развратомъ
Лишь сотня устоитъ—я примыкаю къ нимъ!
Изъ десяти борцовъ—откликнусь я десятымъ,
Одинъ останется?.. Ну что жъ? Я буду имъ!

Шпіонъ.

Объята яростью, толпа была ужасна.
При видѣ плѣнника, стоявшаго безстрастно,
Звучало:—смерть ему!

Со всѣхъ сторонъ тѣснимъ,
Онъ, какъ враги его, самъ былъ неумолимъ
Въ своемъ спокойствіи—холодный и суровый.
Они осилили,—и, умереть готовый,
Онъ не боялся ихъ. Проиграна игра—
Расплата близится: и просто, и понятно.
На платьѣ у него алѣли крови пятна,
Толпа съ проклятьями гасила со двора
Его на улицу, вокругъ него свирѣпо
Кричали:—Смерть ему!

Онъ былъ орудьемъ, слѣпо
Направленнымъ въ рукахъ наемниковъ его.
По усмотрѣнью ихъ, въ теченье дня всего
Онъ бился, билъ другихъ покорно, по приказу,
Побѣды торжества не испытывъ ни разу.
Когда среди рядовъ шель тихо арестантъ,
Вскричала женщина какая то:—Сержантъ!

Онъ нашихъ убиваль... Покончить съ негодеямъ!

— Да,—кто то подхватилъ,—онъ самый! Раз-
стрѣляемъ

Бездѣльника! Сейчасъ! На мѣстѣ! Нѣтъ, сведемъ
Его къ Бастилии... Скорѣе же! Идемъ!

— Куда желаете!—пожалъ плечами плѣнникъ.
Кругомъ взвели курки.—И ты умрешь, измѣнникъ,
Какъ волка хищнаго мы умертвимъ тебя!

— Я волкъ,—отвѣтилъ онъ,—а вы—собачья стая!

— Онъ оскорбляетъ насъ!--и вся толпа густая
Грозила плѣннику, и онъ вокругъ себя
Увидѣлъ взоры ихъ, пылающіе гнѣвомъ.

Но оглушаемый проклятіемъ и ревомъ,
Съ презрѣніемъ къ врагамъ, спокойно онъ шагаль

По трупамъ тѣхъ людей, которыхъ помогаль
Сегодня убивать. Съ душою, полной ядомъ,

Все выше голову онъ поднималь подъ градомъ
Насмѣшекъ и обидъ, исполненъ новыхъ силъ.

Какъ ненавидѣлъ онъ! Какъ ненавидимъ былъ!

Съ какой бы радостью расправился онъ съ ними,
Будь только перевѣсъ теперь на сторонѣ

Товарищей его... Участіе въ рѣзнѣ
Онъ также принималь... Пускай же со своими

И погибаетъ онъ! Злодѣй! Шпіонъ! Подлецъ!

Но тутъ среди толпы послышалось:—Отецъ!—
И, словно свѣтлый лучъ, явился вдругъ ребенокъ.

Со страхомъ ухватясь всей силею рученокъ
Дрожащихъ за отца, онъ на толпу глядѣлъ,

Какъ бы моля ее, и вмѣстѣ—угрожая...
— Стрѣляйте же скорѣй!

Но, крѣпче обвивая
Руками плѣнника, ребенокъ поблѣднѣлъ:
— Отецъ, я не хочу, чтобъ сдѣлали съ тобою
Дурное что нибудь!—Межь тѣмъ, сзывая къ
бою,
Вдали гудѣлъ набатъ, и пушекъ дальній громъ
Ему отвѣтомъ былъ. Не кончится добромъ!
Стрѣляйте же скорѣй!—Но мальчикъ крикнулъ
снова:

— Пустите! Я сказалъ, что это—мой отецъ!
— Хорошенькій какой... Малютку жаль такого!—
Вдохнула женщина, а въ глубинѣ сердецъ
Всѣ то же думали... Ребенокъ со своими
Глазами ясными и темноглубыми,
Былъ блѣднѣе но красивѣе, заботливо одѣтъ.
Другая женщина спросила:—Сколько лѣтъ
Тебѣ, бѣдняжка мой?—и мальчикъ со слезами
Отвѣтилъ ей:

— Отца не убивайте вы!
Стояли всѣ, поднять не смѣя головы,
И глядя въ сторону смущенными глазами,
Невольно кулаки разжались тутъ.—Иди!—
Сказалъ тогда одинъ изъ бывшихъ впереди
Ребенку блѣдному.—Куда?—Домой! Ну, живо!—
— Зачѣмъ?—А къ матери! Стоявшій молчаливо,
Отвѣтилъ арестантъ:—У сына моего
Нѣтъ матери.—Вдовецъ?...—Такъ что же изъ
того?

Спокійно молвилъ тотъ, и, обернувшись къ сыну,
Сжалъ руки мальчику:—Сосѣдку Катерину

Ты знаешь мальчуганъ? — Я знаю!

— Прямо къ ней

Бѣги сейчасъ. — Съ тобой? — Нѣтъ, я приду позднѣй.

— Одинъ я не пойду... Боюсь я что съ тобою Случится что нибудь.

Боровшійся съ собою,

Начальнику шепнулъ отецъ его тогда:

— Для виду пусть меня освободятъ немного,

И мальчикъ мой уйдетъ, увѣрять, что вреда Отцу не причинять. Со мною у порога Покончить можете, вотъ тутъ же за угломъ, Когда угодно вамъ.—

Съ нахмуреннымъ челомъ

Кивкомъ отвѣтилъ тотъ—въ знакъ одобренья плану,

— Послушай, я тебя обманывать не стану; Шутили мы сейчасъ, они—мои друзья И съ ними лишь пройтись хочу немного я. А ты будь умникомъ... Ступай!

И убѣжденный

Словами этими, поцѣловавъ отца, Ребенокъ убѣждалъ. Безстрастный до конца, Тогда проговорилъ спокойно осужденный: — Теперь помѣхи нѣтъ. Кончайте же со мной! Куда идти?

Но тутъ могучею волной

Среди толпы людей, глубоко потрясенной,

Лишь мигъ тому назадъ отъ мести изступленной,
Раздался дружный крикъ:—Вернись къ себѣ до-
мой!

Изъ посмертныхъ стихотвореній.

1.

Межъ тѣмъ, какъ сыплются надъ городомъ гра-
наты
И рушатся во прахъ твердыни и палаты,
О, Мудрость дивная, воздвигни свой шатерь
Среди враждующихъ и сѣющихъ раздоръ;
Повѣдай, спутница божественнаго Данта,
Какими пушками, достойными гиганта,
Имъ нужно запастись, и чѣмъ ихъ зарядить,
Чтобъ мысли вѣковой твердыню сокрушить?

2.

Когда поэтъ, гонимый міромъ геній,
Паритъ на крыльяхъ вдохновеній
Въ безбрежности великой устаеъ—
Онъ замедляетъ свой полетъ,
Межъ горнею страной и сумракомъ могилы
Подняться къ небесамъ онъ не имѣетъ силы
И, временно спускаяся съ высотъ,
Онъ ищетъ отдыха въ земной доступной страсти:
Подобно гордому полярному орлу,
Когда въ метель ненастную и мглу

Въ изнеможенъи тотъ спускается на снасти,
На груди старую канатовъ у руля
Затертаго межъ льдами корабля.

3.

Судьба, подобная желѣзному узлу,
Матерія и плоть—являются обычной
Для духа нашего рѣшеткою темничной.
Плѣненная душа томится, какъ въ тюрьмѣ.
Но только что заря затеплится во тьмѣ,
И съ неба дивный гласъ провозгласить прошенье,
Какъ плоть, которая обременяетъ насъ,
Матерія и скорбь и горечь искупленья—
Въ божественную пѣснь сольются въ тотъ же
часть—
Во мракѣ новой свѣтъ блеснетъ зарей священной,
Прочтутся письма загадки вѣковой,
И станетъ каждый пруть рѣшетки роковой—
Струною лиры вдохновенной.

Горы.

Подобно черному разсѣянному стаду,
Которое пасетъ зловѣщій ураганъ,
Неслися облака сквозь призрачный туманъ
И бездна темная внизу являлась взгляду.
Тамъ, гдѣ клубилися тяжелые пары,
Вершина мрачная чудовищной горы,
Подобно призраку, изъ бездны поднималась.

Ея подножіе въ глубокой тьмѣ терялось,
А наверху ея—горѣ подобенъ самъ—
Закованный титанъ предсталъ моимъ глазамъ.
Терзаемъ коршуномъ, къ утесу пригвожденный
Цѣпями вѣчными, громадный обнаженный—
На камнѣ корчился въ мученіяхъ титанъ.
И къ небу взоръ его съ угрозой обращенный
Дышалъ отчаяньемъ, а изъ отверстыхъ ранъ
Съ кровавою волной струились волны свѣта.
И я спросилъ:—Чья кровь струится здѣсь? — На

это

Мнѣ коршунъ отвѣчалъ:—Людская, и во вѣкъ
Ей литься суждено.—А какъ горы названье?—
—Кавказъ.—Но кто же ты: жестокая страданья
И муку вѣчную терпящій?—Человѣкъ.

И все смѣшалось тутъ, какъ отблески зарницы,
По мановенію властительной десницы,
Мгновенно съ темнотою сливаются ночной,—
Какъ рябь, мелькнувшая на глади водяной...

Опять разверзлася бездонная пучина,
Явилась изъ нея другой горы вершина;
Шель дождь,—и, трепетомъ невѣдомымъ объять,
Я слышалъ, какъ сказалъ мнѣ кто-то:—Арааратъ.
—Кто ты?—я спросилъ таинственную гору.
И молвила она:—Ко мнѣ плыветъ ковчегъ,
А въ немъ—избранникъ тотъ, что гибели избѣгъ,
И близкіе его. Согласно приговору,
Открылась хлябь небесъ съ пучиной водяной;

Во слѣдъ созданію—явилось разрушеніе.

—О, небо!—молвилъ я:—кто этому виной?—

И вновь исчезло все, какъ будто въ сновидѣ-
ннѣ.

Сквозь тучи, и туманъ, и дикій грохотъ бурь

Блеснула въ сумракѣ волшебная лазурь—

И выплыла горы вершина золотая.

Предавшись буйному веселью торжества,

На ней верховныя царили существа,

Жестокой красотой и радостью блистая.

Имѣли всѣ они со стрѣлами колчанъ,

Чтобъ смертныхъ поражать грозою тяжкихъ ранъ.

Стекались къ ихъ ногамъ утѣхи и забавы,

Любовь вѣнчала ихъ.—Олимпъ въ сіяньѣ славы!—

Услышалъ я.

И вновь все рушилось кругомъ.

И снова въ хаосѣ предстала вѣковомъ

Вершина мрачная. Громовые раскаты

Гремѣли въ вышинѣ, и, трепетомъ объаты,

Склонялися дубы столѣтнею главой,

И горные орлы полетъ могучій свой

Въ испугѣ къ небесамъ далекимъ направляли—

Отъ мѣста, гдѣ пророкъ предсталъ предъ Еговой,

И вотъ, исполненный божественной печали,

На землю онъ сошелъ, держа въ рукахъ скрижали.

И громы вѣчные... И гласъ вѣщаль:—Синай!—

Тумана ризою небесъ холодныхъ край
На мигъ задернулся, шумѣли ураганы...
Когда жъ разсѣялись зловѣщіе туманы—
Узрѣлъ я, какъ вдали, на мрачной высотѣ,
Страдалецъ умиралъ, распятый на крестѣ.
Высокихъ два креста по сторонамъ чернѣли
И тучи заревомъ кровавымъ пламенѣли.
Распятый на крестѣ воскликнулъ:—Я Христось!
И въ дуновеніи зловѣщемъ пронеслось:
—Голгоѳа!

Такъ прошли, смѣняясь, какъ страницы
Изъ книги бытія, видѣній вереницы,
Какъ будто саваномъ—окутанныя тьмой,—
И я взиралъ на нихъ, смятенный и нѣмой.

Презрѣніе.

I.

Кто знаетъ: сколько думъ ревнивыхъ, затаенныхъ,
Исполненныхъ вражды и завистью вспоенныхъ,
Страстей, ломающихъ въ своемъ порывѣ зломъ
И силу мощную,—какія бури, грозы
Шумятъ вокругъ тебя, исполнены угрозы,

О, юноша съ задумчивымъ челомъ!
Покуда о твое подножье злые гады
Лишь сокрушаютъ пасть, покуда безъ пошады
Соперники твои—имъ вѣрилъ ты всегда—
Толпой травятъ тебя, иль въ сумракѣ искусно—
Тебѣ, мечтателю, ловушки строятъ гнусно—

Задумавшись, ты смотришь не туда.
Но если правый гнѣвъ разбудятъ ихъ усиля,
И онъ, изъ пламени развертывая крылья,
Стремится покарать враговъ шипящихъ тьму—
Ты, въ безучастіи къ своей великой славѣ,
Излиться не даешь огнеподобной лавѣ
И говоришь съ улыбкою:—Къ чему?—

2.

Смѣлѣй, враги того, кого отмѣтилъ геній!
Изъ силы выбейтесь, не знайте угрызений,
Трудитесь дни и ночи напролетъ;
Задачѣ избранной предайтесь вы всецѣло,
Катите вверхъ скалу, свершайте ваше дѣло,
Межъ тѣмъ какъ онъ мечтаетъ иль поетъ!

— — —
О васъ не знаетъ онъ. Съ улыбкою спокойной
Онъ часто говорилъ, что нуженъ въ полдень зной-
ный

И крикъ пронзительный стрекозъ,
Что счастья полного нѣтъ въ мірѣ безъ страданья,
Что если нѣтъ шиповъ — зато благоуханья
Нѣтъ у бенгальскихъ розъ.

— — —
Напрасно, злобствуя, вы хрипнете отъ крика:
Такъ волны о корму порою бьются дико.
Когда жъ вы силитесь, сплотившись въ тѣсный кругъ,
И съ потомъ на челѣ — разрушить основанье
Имъ возводимого съ такой любовью зданья—
Не знаетъ онъ причины вашихъ мукъ.

3.

О, вы, служители искусства и науки!
Дыханіем однимъ покрыть онъ можетъ звуки
Всѣхъ вашихъ голосовъ, шипѣніе и ревъ;
Онъ ваши голоса смететъ съ земли свободно,
Какъ вѣтеръ на морѣ несетъ, куда угодно,
Гребца напѣвъ.

Толпа завистниковъ гиганту яму роетъ,
Но выпрямится онъ—и тѣнь его покроетъ
Толпу пигмеевъ съ головой;
Онъ молвить—смолкнетъ все въ смятенѣ безъ гра-
ницы:
Такъ заглушаетъ стукъ побѣдной колесницы
Жужжанье мошекъ межъ травой.

Когда захочетъ онъ — и вашъ огонь алтарный,
И пламя очага, кумиръ вашъ лучезарный,
Все, что блюдете вы, храня,
Маяковъ огоньки и звѣздъ путеводящихъ—
Померкнутъ, поблѣднѣвъ, въ сіяньѣ искръ летящихъ,
Изъ подъ копытъ его коня.

Молитва за всѣхъ.

Молись, дитя, за всѣхъ, что на землѣ,
Какъ странники приходятъ и уходятъ,
За тѣхъ молись, которые во мглѣ
Средь волнъ и бурь дороги не находятъ;

За жалкаго безумца, что, цѣня
Наряда блескъ и быстроту коня,
Лишь въ суетѣ себѣ отрады жаждетъ—
За каждаго, кто трудится и страждетъ—
Въ началѣ онъ или въ концѣ пути,
Къ добру иль злу стремится онъ идти.
За тѣхъ молись, кто ищетъ наслажденья
Въ объятіяхъ нечистыхъ до утра,
И часъ когда возносятся моленья—
Для нихъ веселья дикаго пора,
Кто опьяненъ безстыдныхъ оргій ревомъ
Въ тотъ часъ, когда молитвеннымъ напѣвомъ
Исполнена душа въ вечерній часъ.
Когда жъ напѣвъ божественный угасъ—
Спѣшать они предаться наслажденью,
Страшась въ душѣ, чтобъ Богъ не внялъ мо-
ленью.

За узника, что въ башнѣ заключенъ,
За юныхъ дѣвъ подь монастырскимъ кровомъ,
Молись, дитя, за истомленныхъ женъ,
Торгующихъ любви священнымъ словомъ,
За тѣхъ, чья мысль возвышенно чиста,
И за того, чьи дерзкія уста,
Кошунствуя, свершаютъ грѣхъ смертельный.
Молись, дитя, за цѣлый міръ, за всѣхъ!
Въ комъ вѣры нѣтъ—ты вѣруешь за тѣхъ:
Младенчество и вѣра—нераздѣльны.
За всѣхъ, кто спитъ подь крышкой гробовой
Въ пучинѣ тьмы, которая сурово
Во всякій мигъ—живущимъ роковой—

У ногъ людей разверзнуться готова.
Для этихъ душъ страданіе—удѣлъ.
Въ мученіяхъ отъ гнета бранныхъ тѣлъ
Съ надеждой ждуть они освобожденья.
Въ безмолвіи сильнѣй скорбятъ они.
Дитя мое, въ могилы загляни,
Усопшіе достойны сожалѣнья.

Осенніе листы.

Покуда гѣсенъ столь желанныхъ,
Столь юныхъ и благоуханныхъ
Не растопала чернь—вдали
Отъ оскорбившаго ихъ свѣта,
Они вокругъ чела поэта
И зеленѣли, и цвѣли.

Теперь же съ дерева родного
Ненастемъ сорваны сурово,
Въ пыли дорогъ загрязнены—
Цвѣты кружатся, и разсѣянъ
Ихъ рой желтѣющій, развѣянъ
По волѣ вѣтра и волны.

Какъ листь осенній пожелтѣвшій,
У ногъ я вижу облетѣвшій,
Гонимый вѣтромъ лепестокъ,
И чернь, глумясь надъ побѣжденнымъ,

Надъ деревомъ листовъ лишеннымъ,
Ногами топчетъ мой вѣнокъ.

Гастибельза.

(Баллада).

Гастибельза, чьего карабина
Край родной опасается весь,
Пѣль однажды:—«Знакома ли здѣсь
Вамъ красавица донья-Сабина?
Веселитесь и пойте! Просторъ
Серебристая мгла одѣваетъ.
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

«Отвѣчайте, съ Сабиною вы
Не знакомы ль, съ моей сеньоритой?
Мать графиня—подобье совы—
Съ нею въ башнѣ жила знаменитой.
Въ Антекверрѣ обѣихъ сеньоръ
До сихъ поръ не одинъ вспоминаетъ...
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

«Веселитесь! Недолгъ нашъ срокъ.
Уносите въ безуміи пляски!
Юный взоръ ея—дивно глубокъ,
Быль исполненъ загадочной ласки.

*

(Просить нищій монету, сеноръ,
Этотъ мальчикъ его провожаетъ)...
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

«И когда проходила она
По глухимъ переулкамъ Толедо—
Ей навѣрно была бѣ суждена
Надъ самой королевой побѣда.
Изъ временъ Карловинговъ уборъ
На груди и на шеѣ сверкаетъ...
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

«Самъ король, увидавшій Сабину
Такъ воскликнулъ:—Инфантъ мой, Рюи.
За ея поцѣлуй я покину,
Уступлю я владѣнья свои!
Ярче блеска короны сіяетъ
Этотъ дивный ласкающій взоръ...—
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

«Я не знаю, любилъ я иль нѣтъ?
Но взгляни она кротко—любовно,
Улыбнись мнѣ, и на десять лѣтъ
Я въ неволю пойду хладнокровно!
Я готовъ: ни тюремный затворъ,
Ни страданье—меня не пугаетъ.

Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

— —

«Помню, какъ-то купалась она
Въ этой рѣчкѣ вечерней порою,
Погружаясь въ волны съ сестрою,
И божественныхъ плечъ бѣлизна
Предо мною во мракѣ сіяетъ,
Опьяняя меня до сихъ поръ...
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

— —

«Я—бѣднякъ и ничтожный пастухъ—
Съ Клеопатрой равняль я Сабину,
Съ чаровницею цезарей двухъ,
Надѣвавшей ярмо властелину.
Но свершился судьбы приговоръ
И отчаянье душу терзаетъ.
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

— —

«Веселитесь! Сгущается мгла.
Все: и чувство любви молодое,
И красу—все она продада,
Промѣнявъ на кольцо золотое!
Перстень графа, богатый уборъ...
Кто во тьмѣ безнадежно рыдаетъ?..
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

— —

«Тяжкой болью душа смущена,
Обезсилила тѣло кручина.
Съ гордымъ графомъ бѣжала она,
Съ нимъ далеко бѣжала Сабина!
Много дней миновало съ тѣхъ поръ.
Гдѣ Сабина—едва ли кто знаетъ?
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собой навѣваетъ.

— —

«Съ той поры нѣтъ забвенія мнѣ,
Я ни въ чемъ утѣшенья не знаю,
Старый мечъ мой виситъ на стѣнѣ,
Самъ я мыслью далеко блуждаю,
И ничей сострадательный взоръ
Безнадежной тоски не разсѣялъ...
Буйный вѣтеръ, несущійся съ горъ,
Мнѣ безумье собою навѣялъ».

Ш. Бодлеръ.

„Spleen et Idéal“

1.

Разбитый колоколь.

Ненастнымъ вечеромъ, когда встаютъ невольно
Воспоминанія,—и сладко мнѣ, и больно
Внимать прошедшему, которое безъ словъ
Съ душою говоритъ подъ звонъ колоколовъ...
Блаженъ тотъ колоколь, который чистоту
И звучность сохранилъ, какъ въ молодые годы!
Борцу подобенъ онъ, поборнику свободы,
Который бодрствуетъ на вѣренномъ посту.
Но если въ пѣсняхъ я излить пытаюсь муки—
Разбитая душа одни глухіе звуки
Способна издавать, похожіе на стонъ
Сраженнаго бойца, когда, смертельно раненъ,
Несчастный падаетъ на землю бездыханенъ
И, всѣми брошенный, исходитъ кровью онъ!

2.

Осенняя мелодія.

Близятся холодъ и сумракъ печальный
Краснаго лѣта проходитъ пора;

Сердце смущая, какъ звонъ погребальный,
Слышится звукъ топора.
Злоба и холодъ съ туманомъ морознымъ...
Рѣютъ холодные, зимніе сны
Въ сердцѣ застывшемъ, багровомъ и грозномъ,
Словно свѣтило полярной страны...
Чувствомъ унынья и смутнаго страха
Каждый ударъ поражаетъ мой слухъ;
Кажется мнѣ: воздвигается плаха—
Такъ онъ тревоженъ и глухъ.
Звуки несутся протяжно, уныло...
Гробъ ли поспѣшно кому мастерять!?
Лѣто недолгое осень смѣнила:
Звуки о близкомъ концѣ говорить...

3.

Тоска.

Такъ много у меня въ душѣ воспоминаній,
Какъ будто я живу столѣтя—не года!
Бюро, которое повѣстками суда
И сувенирами, листочками посланій,
Стихами, счетами долговъ завалено—
Секретовъ менѣ таитъ въ себѣ оно,
Чѣмъ утомленный мозгъ, угрюмый и унылый—
Громадный мавзолей надъ общею могилой,
Гдѣ мертвыхъ столько же, какъ въ ней, погребено.
Душой подобенъ я забытому кладбищу,
Гдѣ черви жадные, отыскивая пищу,

Какъ совѣсти укоръ, подъ насыпью могилъ
Терзаютъ трупы тѣхъ, которыхъ я любилъ.
Я—старый будуаръ; въ стѣнахъ его холодныхъ,
Среди цвѣтовъ сухихъ, нарядовъ старомодныхъ,
Благоухаютъ лишь и говорятъ душѣ—
Рисунки блѣдные безсмертнаго Буше.
Ложатся медленно, какъ хлопья снѣговья,
Тяжелые года. Подъ гнетомъ этихъ лѣтъ,
Когда ни радостей, ни любопытства нѣтъ
И въ сердцѣ замерли вопросы роковые,
Мгновенья длинными бываютъ, какъ вѣка,
И равной кажется безсмертію тоска.
Я больше не живу, не чувствую! Отнынѣ
Я—камень, древній сфинксъ! Онъ міромъ позабытъ,
И лишь съ закатомъ дня, въ безмолвіи пустыни,
Порою пѣніе изъ устъ его звучить.

Донъ-Жуанъ въ аду.

Когда, вручивъ оболъ зловѣщему Харону,
Спускался Донъ-Жуанъ въ ладѣ по Киеерону—
Рукою мстительной схватился за весло
Невѣдомый старикъ и лодку понесло.
Подъ непривѣтливимъ и мрачнымъ небосклономъ,
Какъ призраки былыхъ безчисленныхъ побѣдъ,
Толпою блѣдною, съ рыданіемъ и стономъ,
Влачили женщины его ладѣ во слѣдъ.
Расчета Сганарель просилъ у господина,
И обитателямъ таинственной страны

Съ укоромъ донъ-Луисъ указываль на сына,
Не пощадившаго отцовской сѣдины.
Въ одеждѣ траурной забытая Эльвира,
Печальна и грустна, какъ тѣнь иного міра,
Стояла близъ него, и взоръ ея очей
Молилъ о нѣжности и ласкѣ первыхъ дней.
Виднѣлась у руля фигура командора...
Но, опираясь на мечъ блестящій свой,
Надменный Донъ-Жуанъ, не опуская взора,
Казалось, никого не видѣлъ предъ собой.

Альбатросъ.

Для развлечения порой толпа матросовъ
Приманиваетъ ихъ и ловить альбатросовъ,
Свободно рѣющихъ надъ моремъ и всегда
Сопровождающихъ плывущія суда.

* * *

Но, палубу едва почуявъ подъ собой,
Объяты трепетомъ позорнаго безсилья,
Они теряются и опускаютъ крылья,
Они, царившіе надъ далью голубой!

* * *

Пространства властелинъ—въ плѣну у человѣка
Какъ онъ беспомощенъ, и жалкій, и смѣшной.
Одинъ, смѣясь надъ нимъ, хромаетъ, какъ калѣка,
И дразнить трубкою зажженною—другой.

* * *

Поэтъ, подобенъ ты властителю пространства,
Свободно рѣешь ты; спусться же съ высоты
На жертву зависти и мелкаго тиранства,
Крылами сильными къ землѣ прикованъ ты!

Угрызенія.

Возможно ль задушить, осилить угрызенья?
Въ насъ копошась, они въ ожесточеньѣ
Насъ гложутъ, точатъ насъ какъ гусеница—дубъ,
Какъ рой червей неугомонныхъ—трупъ.
Возможно ль задушить, осилить угрызенья?

Какимъ виномъ, струей какого элексира
Безжалостно мы опьянимъ враговъ?
Какъ куртизанки, жадностью вампира
Они одарены, терпѣньемъ муравьевъ,
Гдѣ есть струя такого элексира?

Скажи, волшебница, повѣдай мнѣ о томъ,—
Я—раненный среди бойцовъ убитыхъ.
Ихъ мертвыя тѣла лежать на мнѣ пластомъ,
И въ сердцѣ—боль укоровъ ядовитыхъ,—
Забвенье гдѣ? Повѣдай мнѣ о томъ.

Надъ павшимъ вороны кружатся въ нетерпѣньѣ,
За нимъ изъ тьмы слѣдитъ голодный волкъ,
Скажи борцу, исполнившему долгъ,

Что онъ найдетъ и крестъ, и погребенье,
За нимъ изъ сумрака слѣдить голодный волкъ.

Разсѣтся ли мракъ—зловѣщій, какъ могила?
Погасли молніи, затмилися свѣтила?
И въ небесахъ—безрадостная мгла,
Глубокая, густая, какъ смола.
Разсѣтся ли мракъ—зловѣщій, какъ могила?

Надежда ясная угасла, какъ свѣча
Въ окнѣ гостинницы, и путники влача
Усталыя, израненныя ноги,
Въ стѣнахъ ея не отдохнуть съ дороги.
Надежда ясная угасла, какъ свѣча.

Скажи: тебѣ не жаль подпавшихъ осужденью?
Безжалостный ты знаешь приговоръ?
Знакомъ тебѣ отравленный укоръ,
Которому сердца являются мишенью?
Скажи, тебѣ не жаль подпавшихъ осужденью?

О, невозвратное! Я власть твою кляню.
Какъ муравей закравшись въ глубину,
Упорно, медленно подтачиваетъ зданье—
Подтачиваешь ты намъ душу въ основаньи,
О, невозвратное, я власть твою кляню!

Человѣкъ и море.

Свободный человѣкъ, не въ морѣ ли безбрежномъ—
Подобіе твое? Могучихъ волнь прибой
Сродни душѣ твоей, и въ разумѣ мятежномъ
Не меньше горечи, чѣмъ въ безднѣ голубой.

Къ нему стремишься ты и взоромъ и руками,
Съ подобіемъ своимъ сливаться ты привыкъ,
И убаюканный шумящими волнами,
Стихаетъ иногда душевной боли крикъ.

Замкнулись оба вы зъ самихъ себѣ сурово,
Въ васъ тайна грозная погребена навѣкъ:
Кто знаетъ скрытые богатства дна морского?
Кто глубину твою постигъ, о человѣкъ?

Вѣками цѣлыми вы, не щадя усилій,
Другъ съ другомъ боретесь, разсудку вопреки:
Такъ жажда въ васъ сильна и смерти, и насилій,
О братья кровные, о грозные враги!

Сплинъ.

Подобенъ я властителямъ тѣхъ странъ,
Гдѣ — вѣчный дождь, и холодъ, и туманъ.
Богатъ и нищъ, съ остывшимъ въ сердцѣ жаромъ,
Годами юнъ, съ недугомъ въ тѣлѣ старомъ,
Наставниковъ онъ презираетъ лесть,

И въ ласкахъ псовъ не ищетъ утѣшенья.
Ничто ему не можетъ развлеченья
И радости на мигъ одинъ принести:
Ни кречеты, ни съ гончими охота,
Ни страхъ людей при видѣ эшафота.
И пѣсней шутъ владыку веселя,
Не разсмѣшитъ больного короля.
Богатое подъ балдахиномъ ложе
Въ глазахъ его на катафалкъ похоже.
Знатнѣйшія изъ фрейлинъ не могли—
(Для нихъ всегда прекрасны короли!)—
Привлечь его своею красотою,
И бѣлыхъ плечъ безстыдной наготою
Не вызвали въ ходячемъ мертвецѣ
Подобіе улыбки на лицѣ.
Алхимики, въ свей необычайной
Учености, владѣющіе тайной
Алмазы создавать изъ глины и земли—
Понять его пороковъ не могли.
Врачи его, усердіемъ согрѣты,
Пыталися напрасно влить въ него
Чужую кровь: въ артеріяхъ его
Течеть вода холодная изъ Леты.

Изъ Жана Ришпена.

Завоеватель.

Заснула гавань... Въ тишинѣ

Угасъ огонь въ моемъ окнѣ.

Качайся тихо на волнѣ,

Корабль моихъ мечтаній.

Едва затеплится заря,

Поднимемъ дружно якоря,

Влекутъ насъ синія моря

И страсть завоеваній.

Друзья, оставимъ Старый свѣтъ,

Гдѣ солнце скупо шлетъ привѣтъ,

Гдѣ часто, облаку во слѣдъ,

Стремился я бесплодно.

Поютъ въ дубравахъ соловьи

Но тамъ, гдѣ пѣнятся струи,

Тамъ крылья мощныя свои—

Раскинемъ мы свободно.

Простите: мать, жена моя,

И вы, знакомые края.

Я знаю бѣдствуетъ семья,

И все жъ ищу разлуки.

Манитъ меня опасный путь,

Свободно жажду я вздохнуть,

Въ крови и въ златѣ окунуть

Хочу побѣдно руки.

На абордажъ, конквистадорь!

Впередъ! Да здравствуетъ багоръ!

Пускай повсюду, какъ кондоръ,
Мелькаетъ парусъ черный!
А здѣсь—краса и ароматъ,
И убранъ весь небесный садъ
Сіяньемъ огненныхъ плеядъ,
Какъ сѣткою узорной.

Вавилонская башня.

Выше, все выше наверхъ громоздите столбы!
Башни на башни, уступы на массу уступовъ!
Мы не считаемъ увѣчныхъ и труповъ,
Небу мы вызовъ бросаемъ для смѣлой борьбы.

* * *

Насъ безконечность его подавляетъ собою...
Смертные— выше! Достигнемъ величія съ бою!
Каждая раса и каждый народъ,
Камень на камень смѣлой громоздите! Впередъ!

* * *

Тщетно на помощь зовемъ мы искусство и знанье.
Небо—далеко и наши безплодны старанья.
Рушится башня,—и въ хаосъ дикихъ рѣчей,
Въ сумракѣ ночи безъ звѣздъ и лучей,
Мы, обезумѣвъ отъ боли, тоски, отъ испуга,
Въ нашемъ безсилъѣ, какъ звѣри, терзаемъ другъ
друга!

Тайна.

Что дѣлать, осликъ мой! Смиримся. На полянѣ
Пасешься мирно ты, привязанъ на арканѣ,
И сладостенъ тебѣ колючекъ этихъ кустъ,
Какъ сладостны и мнѣ добрзанья милыхъ устъ.

*очень милые
слова*

* *
*

Но все же мы съ тобой на привязи, въ неволѣ.
И ревомъ выразивъ гнетущую печаль,
Глазами влажными ты грустно смотришь вдаль
И шею вытянувъ, мечтаешь ты о волѣ.

* *
*

И что влечетъ тебя въ сіяющій просторъ,
Гдѣ солнце золотитъ вершины темныхъ горъ—
О томъ не знаешь ты. И также непрерывно
Мы—узники земли, отъ всѣхъ ея даровъ
Стремимся за рубежъ невѣдомыхъ міровъ,
Очами скорбными мы жаждемъ тайны дивной.

Всегда.

Когда мои кибитки кочевья

Остановились здѣсь впервые—

Я съ изумленіемъ увидѣлъ пышный градъ:
И зданій, и дворцовъ, и храмовъ цѣлый рядъ.
Въ отвѣтъ на мой вопросъ: Давно ли, всѣмъ на
диво,
Здѣсь городъ выстроены?—сказали горделиво

Мнѣ граждане его:—Отчизна наша—онѣ,
И съ отдаленнѣйшихъ существовалъ времянь.

Прошли вѣка, и снова я
Забрелъ въ знакомые края.

Дома, дворцы и храмъ—исчезло все безслѣдно.
Лишь отблескъ солнечный свѣтился, какъ рубинъ,
На бархатѣ травой покрытыхъ луговинъ.
Я встрѣтилъ пастуха: одинъ одѣтый бѣдно,
Жеваль онѣ черный хлѣбъ и пасъ въ лугахъ стада.
Я съ нимъ заговорилъ, спросивъ его: давно ли
На этомъ пастбищѣ пасется скотъ на волѣ?
Пастухъ отвѣтилъ мнѣ:—Онѣ пасся тутъ всегда! —

Прошли вѣка и снова я
Забрелъ въ знакомые края.

Какъ мачты, высились гигантскія деревья,
Обвиты змѣями тянувшихся лианъ,
И я въ тѣни вѣтвей разбилъ мои кочевья.
Пловецъ, заброшенный въ зеленый океанъ—
Стрѣлокъ мнѣ встрѣтился, и я безъ колебанья
Спросилъ: Давно ли здѣсь дремучіе лѣса,
Почти укрывшіе отъ взоровъ небеса?
— Давно ль? Я думаю, съ дней первыхъ міро-
зданья!—

Прошли вѣка, и снова я
Забрелъ въ знакомые края.

И что жъ? Пучина водъ блистала синевою,
Ліаны, темный лѣсъ съ роскошною листвою—
Исчезли подъ ея холодной пеленой,
И съ ропотомъ волна катилась за волной.
Рыбацкій старый челнъ качался на просторѣ,
И я спросилъ гребца: давно ли здѣсь вода?
— Ты шутишь,—онъ сказалъ,—она была всегда
Съ тѣхъ поръ, я думаю, какъ существуетъ море.—

— — —
Прошли вѣка, и снова я
Забрелъ въ знакомые края.

— — —
На мѣсто свѣтлыхъ волнъ съ серебряной каймой—
Сверкали золотомъ песковъ зыбучихъ волны
И долго я стоялъ, недоумѣнья полный,
Предъ степью выжженной, бесплодной и нѣмой.
Когда жъ потребовалъ я объясненья чуда—
Отвѣтилъ продавецъ, торочившій верблюда:
— Съ тѣхъ поръ, какъ созданъ былъ Аллахомъ
человѣкъ—

Пустыня здѣсь была, и будетъ здѣсь во вѣкъ.—

— — —
Прошли вѣка, и снова я
Забрелъ въ знакомые края.

— — —
Я городъ увидалъ—съ домами и съ дворцами,
Съ толпою шумною, кипящею ключемъ
И я спросилъ, смѣясь въ умѣ надъ гордецами:
Гдѣ прежній пышный градъ, гдѣ память здѣсь о
немъ?

*

Гдѣ волны зелени, песковъ и океана?

И молвили они, не вѣдая обмана:

— Нашъ городъ здѣсь стоитъ въ теченіи вѣковъ. —

И разсмѣялся я при звукѣ этихъ словъ...

— — —
Пройдутъ вѣка, и снова я

Приду въ знакомые края.

* * *

Сомнѣнію закрылъ я дверь,

Закрылъ умышленно я очи,

Въ глазахъ и въ сердцѣ—сумракъ ночи;

Все въ мірѣ къ лучшему теперь.

— — —
Сказавъ прости мечтамъ поэта,

Я сталъ отрицать животъ,

Не надо мнѣ добра и свѣта,

Все въ мірѣ къ лучшему идетъ.

— — —
Покончилъ я съ мечтой послѣдней:

Она мертва—мечта моя,

Отрекся я отъ дивныхъ бредней,

Все въ мірѣ къ лучшему, друзья.

— — —
Обрѣзалъ я желаньямъ крылья,

И--ставшимъ жертвою насилья—

Имъ не подняться до высотъ.

Все въ мірѣ къ лучшему идетъ.

Туда—въ послѣднее жилище,
Скорѣй въ могилу, мысль моя!
Жизнь вѣчная—лишь на кладбищѣ;
Все въ мірѣ къ лучшему, друзья.

Я—плоть ничтожная, и въ бездну
Временъ я кану безъ слѣда,
Я въ мірозданіи исчезну.
Все въ мірѣ къ лучшему—всегда.

Что мнѣ душа? Не знаю страха
Предъ вѣчной тайной бытія,
Мой жалкій мозгъ—добыча праха.
Все въ мірѣ къ лучшему, друзья.

Стремленіе къ безконечному.

Душу излившій въ одномъ поцѣлуѣ влюбленный;
Бѣлая лилія, къ солнцу стремясь по утру;
Царь океана, порывами бурь опьяненный;
Мученикъ юный, безстрашно идущій къ костру;
Въ чашѣ олень, испускающій крикъ изступленный;
Въ клѣткѣ своей о свободѣ мечтающій левъ;
Древній мудрецъ, надъ рѣшеніемъ задачи сог-
бенный;

Чуткій поэтъ, повторяющій рѣшмы нагѣвъ,—
Всѣ, не взирая на горе, сомнѣнья, и утраты,
Всѣ, какъ одинъ, безконечнаго жаждой объята,
Тщетнымъ желаніемъ каждаго сердце полно.

О неотступное къ вѣчности грозной влеченье.
Въ немъ—наша слабость, и въ немъ же—залогъ
возрожденья;
Къ жизни и къ смерти приводитъ собою оно.

Страна химеръ.

Куда стремлюся я? Въ завѣтный край химеры,
Къ волшебнымъ небесамъ, въ обитель свѣтлыхъ
звѣздъ,
Гдѣ сердце — соловей, не пересмѣшникъ дроздъ,—
И гдѣ цвѣтетъ душа, полна наивной вѣры
Тамъ совѣсти укоръ не крадется, какъ тать,
И въ наслажденіи нѣтъ горькаго осадка,
Любовь не мучитъ насъ, какъ грозная загадка,
А женщина нѣжна, какъ любящая мать.
Куда стремлюся я? Въ край забвенья вѣкового,
Гдѣ сердце—эту смѣсь божественно-плотскаго,
Какъ павшаго бойца, влечетъ небытіе.
Куда стремлюся я? Въ страну мечты завѣтной;
Я знаю: нѣтъ ея,—и страсть безотвѣтной;
За это я люблю тѣмъ болѣе ее.

Безсиліе.

Подумать только: сумракъ полный
Я озарить могу огнемъ;
Могу бушующія волны
Разрѣзать паруснымъ конемъ.

Могу безъ трепета сомнѣній
Свершить наукой чудеса:
И голубяя небеса
Опутать сѣтью вычислений.
Систему новую могу
Измыслить я; въ своемъ мозгу
Рѣшить проблему міровую..
Но не пойму я одного:
Запросовъ сердца моего,
Его загадку роковую.

Жажда чего?

Когда бы, отъ всего испробовавъ земного,
Пороку и добру, всему я отдалъ дань,
Увидѣвъ предъ собой моихъ желаній грань,
И на землѣ ничто мнѣ не было бы ново;
Когда бъ иллюзии и чары я постигъ
И недоступнымъ сталъ я сладкому обману,
Когда бъ чудеснаго нежданно я достигъ—
Ужели же тогда желать я перестану?
Нѣтъ, будь я силою верховной надѣленъ
И въ наслажденіяхъ не зная пресыщенья,
Встрѣчай я рабское во всѣхъ повиновенья—
Успѣвъ лишь пожелать, я былъ бы утомленъ,
И, тѣмъ не менѣе, въ душѣ моей я снова
Желалъ и жаждалъ бы чего нибудь иного.

А. Додэ.

„Jes Amoureuses“.

I.

На смерть А. Де-Мюссе.

1 мая, 1857 г.

Съ душой мечтателя, художникъ по натурѣ,
Онъ безконечною печалью удрученъ,
Не зная даже самъ, о чемъ тоскуеть онъ:
Сегодня—потому, что быть навѣрно бурѣ,
А завтра—оттого, что ясенъ небосклонъ.
Все кажется ему и злымъ, и некрасивымъ,
И пѣнье соловья находитъ онъ фальшивымъ.

Душой подобенъ онъ увядшему цвѣтку
Со сломаннымъ стеблемъ, а тѣломъ—тростнику,
Въ которомъ соковъ нѣтъ и твердой сердцевины.
Страдая и грустя безъ видимой причины,
Онъ смертью медленной отъ этого умретъ,
Въ могилу унеся своихъ сомнѣній гнеть...
Вы всѣ, любя его, душой поэту чужды.
Не растравляйте же разспросами безъ нужды
Его мучительно загадочный недугъ.
И вы, избранницы, къ которымъ въ вихрѣ свѣта
Стремится пылкая фантазія поэта,—

И вамъ не надо знать его завѣтныхъ мукъ.
Вашъ геній, онъ—дитя, безумное, большое:
Увы! Не исцѣлитъ могущество земное
Божественный недугъ! Сочувствуйте ему,
Любите, какъ дитя любили вы родное,
Страдайте вмѣстѣ съ нимъ—не зная, почему.
Когда бъ доступнѣй вамъ была душа поэта—
Вы менѣе его любили бы за это.

Порой, какъ свѣтлый лучъ, сіяющій во мглѣ,
Въ очахъ безрадостныхъ, на сумрачномъ челѣ —
Вдругъ загорается желанный отблескъ свѣта.
Но, знай: не о тебѣ мечтаетъ онъ, Нинета,
Въ объятіяхъ твоихъ. Онъ жаждетъ не тебя;
Кого—не знаетъ самъ. Надѣясь и любя,
Онъ видитъ пустоту зловѣщую повсюду,
И онъ не вѣруетъ и не взываетъ къ чуду.
Недугомъ тяжкимъ въ немъ душа поражена,
Усталъ онъ раздувать колеблющійся пламень:
Какъ разрушаемый волной морскою камень—
Печалью тайною подточена она,
И умираетъ онъ отъ скорби безпричинной,
Отравленный тоской и... водкою полынной.

2.

Равнодушіе природы.

Когда оплакивалъ погибшую химеру
Впервые человекъ—его природа—мать,
Впослѣдствіи въ него утратившая вѣру,

Стремилась вмѣстѣ съ нимъ и плакать, и страдать.
Все омрачилося; померкли всѣ свѣтила;

Увяли всѣ цвѣты,

И солнце болѣе не грѣло съ высоты;
Фатою дымчатою свой ликъ луна закрыла,
И вѣтви темный лѣсъ съ отчаяньемъ простеръ
Къ печальнымъ небесамъ; осенніе туманы
Нависли надъ землей, а рощи и поляны

Одѣлись въ траурный уборъ.

И волны плакали, сливаясь въ тихомъ стоѣ;
Впервые голоса, и струны, и ручьи,

И вѣтеръ утренній, и въ рощѣ соловьи—

Запѣло все въ минорномъ тонѣ.

У бездны дань невольныхъ слезъ

Отчаянье исторгло щедро;

Пылали злобою вулкановъ темныхъ нѣдра

И вопіяль утесъ...

— Въ страданьяхъ смертнаго мы просимъ нашей
доли!—

Звучало изъ пещерь. И что же? Человѣкъ

Грустилъ недѣлю, но не долѣ,—

А скорби ихъ конца не будетъ и во вѣкъ.

Когда же, наконецъ, стыдясь своей кручины,

Утѣшилась природа—мать—

Спѣша чело свое цвѣтами увѣнчать,

Оправивъ мантию зеленую долины,

Она явилась вновь въ сіяніи красы,

И молвила, полна насмѣшливой угрозы:

— Теперь узнала я, что значать ваши слезы—

Недолговѣчныя, какъ капельки росы!

Страдайте же одни! Земля, красой волшебной
Цвѣтя по прежнему, не знай, какъ прежде, мукъ!
Пусть не вторгается въ твой свѣтлый гимнъ хва-
лебный
Фальшивой нотою земныхъ рыданій звукъ!

3.
Ревқиємъ любви.

Умоляю тебя, ангель милый,
Посѣтимъ на прощаніе вновь
И поплачемъ съ тобой у могилы,
Гдѣ покоится наша любовь!

Какъ прекрасенъ уборъ погребальный!
Сколько въ ней чистоты неземной!
Какъ цвѣтокъ, истомившійся въ зной
И поникшій надъ влагой зеркальной
Словно въ грезахъ о свѣтломъ быломъ—
Поблѣднѣвшимъ и юнымъ челомъ
Такъ она поникаетъ печально.

Загляни же въ лицо ея вновь,
Умоляю тебя дорогая!
Передъ нами она, какъ живая—
Схороненная нами любовь.

Не жалѣя трудовъ и страданій,
Безъ укоровъ и жгучихъ терзаній,

Мы ее убирали въ гробу.
Мы недолго винили судьбу;
Горе женщинъ бываетъ не вѣчно,
И поэта печаль—скоротечна.

Но проходятъ недѣли, и вновь,
Привлеченные странною силой,
Мы печально стоимъ надъ могилой,
Гдѣ покоится наша любовь.

Родилась она вешней порой,
Вмѣстѣ съ первымъ расцвѣтомъ сиреней,
А скончалась ненастной, сырой
И туманной порою осенней.
— Черезчуръ холодна и чиста!—
Эскулаповъ вѣщали уста.
Я простилъ имъ тогда поневолѣ,
Но теперъ не прощаю имъ болѣ.

И себѣ повторяю я вновь,
Приближаясь къ завѣтной могилѣ:
— Слишкомъ рано мы нашу любовь,
Слишкомъ рано навѣкъ схоронили!—

Мы расторгли волшебныя звенья,
Но возможно ихъ снова связать,
И любовь возродится опять
Изъ могильнаго мрака забвенья.
Нѣтъ, не надо! Въ объятіяхъ сна
Пусть покоится мирно она!

Отъ рыданій сдержаться нѣтъ силы...
О, закройте черты ея вновь!
Для чего, для чего, ангелъ милый,
Какъ безумцы, во мракъ могилы
Схоронили мы нашу любовь!

Изъ Ж. Экара.

Впередъ.

Впередъ мой вѣрный конь! Во весь опоръ лети!
И вихремъ день и ночь мы мчались по равнинѣ.
— Къ любви стремится онъ.—шептали на пути
Кустарникъ и трава и ручейки въ долинѣ.

Все откликалося на звонкій гулъ копытъ,
И вѣтеръ обогнать пытался насъ, но тщетно.
Блеснетъ ли небосводъ звѣздою предразсвѣтной,
Вечерней ли звѣздой—мой вѣрный конь летить.

Подъ сводами деревъ его пустилъ я шагомъ,
И такъ я ѣхалъ дни и ночи напролетъ,
И тихо ручейки шептали за оврагомъ:
— Онъ счастья любви, въ пути замедливъ, ждетъ.

Имъ вторили: песокъ, копытами взметенный,
И поднимавшійся во слѣдъ намъ вѣтерокъ.
Который вновь стихалъ, дремотой упоенный,
Иль свѣжестью зари, румянившей востокъ.

—Теперь — къ вершинамъ горъ, увѣнчанныхъ снѣгами!—
И поднимались мы къ вершинамъ день и ночь,
И бездны голоса шептали вслѣдъ за нами:
—Отъ мукъ любви своей бѣжить несчастный прочь.—

Но лгали: темный лѣсъ и горы и долина;
Тоскуя, убѣжать возможно ль отъ себя?
Быстрѣе всѣхъ коней обгонитъ насъ кручина
И трудно разлюбить, однажды полюбя.

Но жизнь такъ коротка. Поднимемся—гдѣ шире,
Вольнѣе кругозоръ,—къ сіяющимъ снѣгамъ!
Все—отъ реального до призрачнаго въ мірѣ—
Поймемъ, извѣдаемъ, подобные богамъ.

Пускай паденіе и гибель—неизбѣжны,
Пускай погибну я, но лишь въ концѣ пути,
Когда ложится мракъ на океанъ безбрежный
И видѣтъ нечего, и некуда идти.

Волна жизни.

Бѣжали струи съ заглушеннымъ журчаньемъ своимъ,—
И вновь предо мною, въ причудливой смѣнѣ,
Сливались, подобно игрѣ свѣтотѣни—
Фантазія съ міромъ живымъ.

Журчали струи,—имъ отвѣтное вторило эхо,
И капля за каплей, какъ слезы, струилась вода,

Смѣнялись рыданья журчаніемъ звонкаго смѣха,
И думаль я:—Въ жизни не такъ ли бываетъ всегда?

Ласкались струи,—и отъ ласки ихъ трепетно чудной
Тепло разливалось, весны возвѣщая приходъ;
Весна молодая, дочь свѣтлаго солнца и водъ—
Рождалась, въ уборѣ листвы изумрудной.

Синѣли струи,—и, на темное дно опустясь,
Въ волнахъ отражался оттѣнокъ лазури небесной,
Скрывая собою, подъ дымкою грезы чудесной
Подводную тину и грязь.

Минувшаго призракъ, мгновений волшебный полетъ,
Любовь и веселье, и пѣсни и звуки рыданій,
Не все ль, уносимое свѣтлой волною мечтаній—
Безслѣдно, подобно волнѣ, утечетъ?

Ласточки.

Остановись. Крыломъ ея задѣтъ,
Стремишься ты за ласточкой летящей?
Не мчись, мой конь, напрасно ей во слѣдъ,
Ей, въ небесахъ безъ усталы парящей.

Не намъ съ тобой подняться въ эту высь,
Гдѣ ласточекъ свободныхъ караваны—
Черезъ моря и доли и туманы—
Въ далекій край несутся и неслись,

Онѣ летягъ, какъ спущенныя стрѣлы,
Въ лазури имъ открытъ широкій путь;
Темны, какъ ночь, какъ снѣгъ нагорный бѣлы,
Ихъ крылья сильныя и грудь.

Знакомы имъ: палящія пустыни
И сѣверъ нашъ съ суровою зимой,—
Но знаешь ли, что сводъ небесно-синій
Является для ласточекъ тюрьмой?

Просторъ небесъ собою ихъ не манитъ,
Онѣ летягъ за пищей для птенцовъ,
И долу ихъ всегда незримо тянетъ,
Къ родной землѣ, подъ неприглядный кровъ.

Лишь о гнѣздѣ, въ углу сарая свитомъ
Трудами ихъ,—мечтаютъ всѣ онѣ,
И курицамъ раскормленнымъ и сытымъ
Завидуютъ въ сердечной глубинѣ.

Онѣ хотятъ лишь доли безмятежной,
Забота ихъ—о кровѣ и теплѣ,
И тѣ, кому открытъ просторъ безбрежный,
Завидуютъ прикованнымъ къ землѣ.

Сердце.

Я сердце мое далъ красавицѣ розѣ,
Я счастья ждалъ для него,
И горько скорблю объ утраченной грезѣ:

Я сердце мое далъ красавицѣ розѣ—
И птицы клевали его.

И сердце я отдалъ фіалкѣ смиренной,
Я снова о счастье молилъ,
Но ливень, промчавшійся бурей мгновенной,
Его въ сердцевины фіалки смиренной
Слезами въ ночи затопилъ.

Я сердце вложилъ въ василекъ темносиній,
Но, вмѣстѣ со сжатымъ снопомъ,
Жнецами, пришедшими утромъ къ долины,
И сердце мое, и цвѣтокъ темносиній—
Подкошены острымъ серпомъ.

Вложилъ мое сердце я въ цвѣтъ виноградный,
Но время для сбора пришло,—
Явились люди толпой безпощадной,
Ногами растоптанъ былъ плодъ виноградный,—
И кровью оно изошло.

Я сердце вложу въ твою нѣжную руку;
Тоскою великою полно,
Терпѣло оно непосильную муку,
Я сердце вложилъ въ твою нѣжную руку,—
Но поздно: не бьется оно.

Цикадѣ.

1.

— Всегда-ли, купаясь въ сіяніи свѣта,
Ты рѣяла съ пѣснью, легка и свѣтла?—
И мнѣ отвѣчала цикада на это:
—Червемъ землянымъ я была.

Я зрѣла съ невидимо зрѣющимъ лакомъ
И крѣпла для солнечныхъ яркихъ лучей,
Я долго томилась, объятая мракомъ,
Но свѣтъ былъ мечтою моею.

О, другъ, уповай на цвѣтущее лѣто,
Не вѣрь непогодамъ и мрачной зимѣ.
И если окрѣпнуть ты хочешь для свѣта—
Трудись неустанно во тьмѣ.—

2.

Сказалъ цикадѣ муравей:
—Скажи, лѣнница, безопасно
Ужели пѣть ты будешь вѣчно?
Пойдемъ. Запасъ для черныхъ дней
Я приберегъ трудясь упорно;
Съ тобой дѣлиться я готовъ
И такъ въ землѣ зарю зерна,
Чтобъ не дали они ростковъ.—

Цикада молвила:—Въ землѣ
Когда то я жила глубоко.
Трудолюбиво, одиноко
Подготовлялась я во мглѣ,
Слѣдя за зрѣющимъ поствомъ,
Къ моимъ ликующимъ напѣвамъ.
Мнѣ вѣдомо, какъ дивный сонъ
Въ землѣ струится плодотворенъ:
Милѣй твоихъ засохшихъ зеренъ—
Зерно, дающее ростокъ.—

3.

Вечернею порой, когда спадаетъ жаръ
И, словно въ кузницѣ, клубится бѣлый паръ
Отъ высушенной земли—охотно у ограды
Внималъ я голосу звенящему цикады,
Которая поетъ, усѣвшись на стеблѣ.
Не чувствуетъ она въ вечерней душной мглѣ,
Что солнце скрылося... Но позднею порою—
Гласить повѣрие—тогда поетъ она,
Когда, рожденная съ румяною зарею,
Она съ закатомъ дня на смерть осуждена.
И солнышку во слѣдъ бросая взоръ печальный,
Послѣдней пѣсней привѣтъ ему прощальный
Любовно шлетъ она и гаснетъ вмѣстѣ съ днемъ,
Съ послѣднимъ золотымъ угаснувшимъ лучемъ.

*

Сборъ шелковицы.

Парижъ въ юнѣ... Дождь и слякоть... На зарѣ
Открывъ окно своё, я вижу предъ собою
Лишь небо—хмурое, какъ будто въ декабрѣ.
Гдѣ зелень яркая съ лазурью голубою?
Возможно ли? Июнь? Пора цвѣтущихъ розъ!
Всѣ ставни заперты. Парижъ, ночной гуляка—
Находится теперь во власти сонныхъ грезъ.
Среди безмолвія и утренняго мрака
Вотъ дверью хлопнули... Нагнувшись изъ окна,
Я вижу женщину, и мертвенно блѣдна
Мнѣ кажется она сквозь яркіе румяна.
Зачѣмъ по слякоти спѣшить она такъ рано?
И нищету прикрывъ ливреею стыда—
Нарядомъ шелковымъ, откуда и куда
Идетъ несчастная?

И тутъ страна родная
Мнѣ вспомнилась... Въ тѣ ранніе часы
Что дѣлается тамъ? Алмазами росы
Съ зарею полоса блеститъ береговая.
Все пробуждается и стряхиваетъ сонъ—
Едва забрежжится разсвѣтомъ небосклонъ.
Какъ стая пѣвчихъ птицъ, въ деревьяхъ шелкович-
ныхъ
Щебечуть дѣвушки... Сегодня—первый сборъ,
Работа ладится въ рукахъ къ труду привычныхъ.
О, пѣсни дѣвичьи, и небо, и просторъ!
Ужасенъ лучъ зари на улицахъ столичныхъ.

И отъ плантаціи деревьевъ шелковичныхъ,
Гдѣ въ зелени листовъ щебечетъ звонкій хоръ
И раннею зарей задорно вторитъ эхо
Веселымъ окрикамъ и переливамъ смѣха,
Отъ нѣжныхъ пѣсенокъ красавицы Мирейль—
Я вновь переносусь на грязную панель,
Къ несчастнымъ женщинамъ въ ихъ шелковой ливреѣ..
—Дружнѣе, дѣвушки. За пѣснею скорѣе
Работа ладится.—И падаютъ съ вѣтвей
Листочекъ за листкомъ, какъ дождь—о стекла оконъ.
—Зачѣмъ все трудится?—Для шелковыхъ червей.—
—А ты, червякъ, къ чему свиваешь пышный коконъ?—
—Я зябну, и гнѣздо себѣ хочу я свить—
—Но людямъ отдаешь ты шелковую нить.—
—Зачѣмъ, прилежный ткачъ, ты дѣлаешь основу
Изъ нитей шелковыхъ?—Тружусь для городовъ.—
—Къ чему же городамъ плоды твоихъ трудовъ?—
—Изъ ткани шелковой мы дѣлаемъ обнову,
Наряды модные у насъ искусно шьютъ,
И дѣвушки себя за это продаютъ,
Затѣмъ, чтобъ шелкъ влачить по улицамъ столицы.—

О, пѣсни дѣвичьи за сборомъ шелковицы!

Сборщицы колосьевъ.

(Изъ «Poèmes de Provence»).

1.

Кто съ этимъ островомъ волшебнымъ незнакомъ?
Колосья зрѣютъ тамъ, на солнышкѣ блистая,
Какъ будто озера поверхность золотая,
Растопленная вдругъ горячимъ вѣтеркомъ,
И кажется—волна струится за волною.
Въ ихъ шумѣ слышится намъ жизни торжество.
Великолѣпный видъ! И все же стороною,
Держась вдоль берега, ты обойди его!
Пусть свѣжестью морской тебя обвѣетъ сразу,
Бѣги отъ этихъ мѣстъ, скрывающихъ заразу,
Здѣсь испаренія порою лѣтней—ядъ,
И проникая въ кровь, они въ себѣ таятъ
Недуга страшнаго смертельныя зачатки:
Не мало юныхъ силъ здѣсь губятъ лихорадки.

Красою мѣстности невольно взоръ плѣненъ,
Раскошные хлѣба раскинулись широко,
Надъ ними радостно сіяетъ небосклонъ;
Вотъ съ тамариндами видны побѣги дрока.
А дальше—камышей зеленыхъ длинный рядъ.

Картина свѣтлая! Но не встрѣчаетъ взглядъ
И признаковъ жилья во всей странѣ окрестной
За исключеніемъ одной сторожки тѣсной.
Зимою иногда, при свѣтѣ блѣдныхъ звѣздъ,
Тамъ земледѣльцы спятъ. Межъ золотыхъ бороздъ,
Гдѣ возвышается стѣною спѣлый колось,
Но гдѣ не слышится веселый птичій голосъ
И только ящерицъ порой мелькаетъ хвостъ,
Тамъ, гдѣ сирокко жжетъ, какъ пламя изъ горнила
И дышитъ полымемъ безоблачная твердь—
Какъ ядовитый злакъ, тамъ зрѣетъ злая сила,
Губительный цвѣтокъ, незримый взору: *смерть*.

2.

Спѣшите, смуглые работники съ серпами,
Покройте поле все роскошными снопами!
И вотъ они пришли съ зарею первой дня,
Но пѣсня звонкая въ поляхъ не вторитъ смѣху
И шутокъ не слышать: видать, что дѣло къ спѣху.
Блѣдны, молчаніе суровое храня,
Они работаютъ почти безъ промежутка.
За жатвой роковой жнецамъ бываетъ жутко,
Тревога смутная растеть у нихъ въ груди
И словно слышится имъ шопотъ позади:
— Бѣгите этихъ мѣсть! Здѣсь я одна царица!—
Домой спѣшать они въ волненіи слѣпомъ,
А по уходѣ ихъ—колосевъ вереница
Кругомъ виднѣется, не срѣзанныхъ серпомъ.

Тутъ голодь, братъ родной зловѣщей лихорадки
Сзываетъ блѣдныхъ женъ костлявою рукой:
— Спѣшите, на поляхъ отъ жатвы есть остатки.
Самъ милосердный Богъ послалъ вамъ даръ такой.

Какъ птицы, пролетѣвъ надъ бурнымъ океаномъ,
Спускаются въ поля усталымъ караваномъ,
Влача крыло свое съ усиьемъ по землѣ—
Такъ за добычею своею ежегодной
Всѣ эти женщины спѣшать въ большомъ числѣ,
Толпой оборванной, худою и голодной.
Здѣсь поднимаются отъ сохнувшей земли
Міазмы вредныя, палящій зной ужасенъ,
Вездѣ безмолвіе и самый день безгласенъ,
Лишь смутно слышится гудѣніе вдали.
Что это? Плескъ рѣки? Волны прибрежной лепетъ?
Жужжанье мошкаръ? Лучей полдневныхъ трепетъ,
Гудящихъ въ воздухѣ, какъ жгучая стрѣла?
Не смѣя приподнять усталого чела,
Плетутся женщины, колосья подбирая.
Звенить въ ухахъ у нихъ, и сердце замирая,
Стучитъ болѣзненно. Сверкающій шатерь
Небесъ безжалостныхъ пылаетъ, какъ костеръ,
Но сборщицы идутъ, отчаянемъ влекомы,
Щетина жесткая желтѣющей соломы,
Какъ будто сотни стрѣлъ, жестоко ранить взоръ.
Онѣ едва бредутъ усталыми шагами,
Земля по временамъ колеблется вокругъ
И кажется: она уходитъ подъ ногами...
Тѣмъ временемъ—съ жарой губительной недугъ

Опутываетъ ихъ сѣтями, какъ паукъ;
Но каждая изъ нихъ, мечтая о возвратѣ
Въ лачугу бѣдную, гдѣ слышенъ плачь дитяти,
Дрожить отъ жадности, и съ потомъ на челѣ
Еще усерднѣе склоняется къ землѣ;
Ей кажется, что жизнь съ полей она срываетъ,
Но смерти аромать межъ тѣмъ она вдыхаетъ.

3.

Порой одна изъ нихъ съ блѣднѣющимъ лицомъ
На мѣстѣ падаетъ; убійственнымъ свинцомъ
Такъ голубь пораженъ—одинъ изъ стаи цѣлой,
Вечернею порой, когда грядою бѣлой
Надъ всей окрестностью, гдѣ воздухъ нездоровъ,
Тумана вреднаго спускается покровъ—
Товарки ищутъ ей, покорны и унылы,
Подъ тамариндами мѣстечка для могилы,
Бѣдняжка такъ худа и такъ истощена,
Что неглубокая могила ей нужна.
Когда жъ погонщикомъ окончена работа
И влажною землей засыпана она,
А лепестки цвѣтовъ, растущихъ у болота,
Кругомъ расбросаны рукой ея подругъ—
Всѣ эти женщины, тая въ сердцахъ испугъ,
Спѣшатъ къ себѣ домой, наполнивши корзины.
Страшатся лишній мигъ онѣ промедлить тамъ,
Какъ будто мертвая въ безмолвіи долины
За ними гонится съ угрозой по пятамъ.

Анри Ренье.

Ворота нищихъ.

Насъ гонить ураганъ и леденять морозы,
И лица намъ кропятъ холоднымъ ливнемъ слезы.
Нѣтъ ничего для насъ ужаснѣе зимы,
Когда готовые упасть среди дороги,
Съ мольбою къ путнику взываемъ тщетно мы.
Собаки яростно у насъ кусаютъ ноги
И ласточка задѣтъ старается крыломъ.
Въ лѣсу сторонятся отъ нищихъ боязливо,
Хотя мы никому за зло не платимъ зломъ—
Затѣмъ, что слышали мы часто, какъ тоскливо
Шумить и плачетъ вихрь въ прибрежныхъ трост-
никахъ.

И часто видѣли, какъ въ алыхъ облакахъ
Надъ лѣсомъ и холмомъ вдругъ загорались зори
И какъ свѣтило дня закатывалось въ море.
Терновникъ былъ для насъ безжалостнымъ врагомъ,
Когда-жь мы на пути порой встрѣчали камень,
Отказывался онъ служить намъ очагомъ:
Похожъ на золото расплавленное пламень,
Изъ насъ-же каждый нищъ, беспомощенъ и нагъ.
Закрыты всѣ дома для нищихъ и бродягъ.
Ты, городъ роскоши и царственныхъ чертоговъ,
Ты принимаешь всѣхъ: гетеръ и астрологовъ,
И дверь желѣзная для тѣхъ лишь заперта,

Кого преслѣдуетъ и гонитъ нищета.
Проклятiе тебѣ! Проклятiе отнынѣ
И во вѣки вѣковъ въ слѣпой твоей гордынѣ!
Здѣсь у воротъ твоихъ, о мѣдный ихъ замокъ
Швырнулъ я данный мнѣ съ презрѣнiемъ кусокъ.

Ворота изгнанниковъ.

Такъ какъ ударами и топора, и лома
Разрушена стѣна покинутаго дома—
(Да поростутъ травой развалины его!)
И такъ какъ тѣнью сталъ себя я самого,
А злая ненависть и гнѣвъ неправосудный,
Изгнанье мрачное и путь скитальца трудный
Двойнымъ перстомъ своимъ указываютъ мнѣ,
И такъ какъ лишнiй я въ судѣ и на войнѣ
И вырванъ у меня мой добрый мечъ съ вѣсами,—
Слѣшу я бѣляя сандалии обувь
И съ чернымъ посохомъ иду въ далекiй путь.
Не возвратятъ меня мольбами и слезами.
О боги правые! Да будетъ огражденъ
Неблагодарный край отъ бѣдствiя и горя!
Жестоко имъ въ пятахъ я нынѣ уязвленъ,
Прекраснѣй городовъ—просторъ лѣсовъ и моря.
Съ корнями вырванный и бурей гонимъ,
Увижу я зарю съ закатомъ золотымъ:
Она во тьмѣ моей послужитъ утѣшеньемъ.
А если злобный рокъ меня съ ожесточеньемъ,
Не перестанетъ вновь преслѣдовать и тамъ—

Къ моимъ запекшимся измученнымъ устамъ
Я властенъ поднести въ послѣднюю, минуту
Ростущія въ лѣсу и сорванные мной:
И белладонны плодъ съ мохнатой бѣленой,
И ядовитую зеленую цикуту.

Ворота жриць.

О жрицы, до колѣнъ вы поднимите ваши
Одежды легкія, залитыя свѣтло
Заката отблескомъ румянымъ, и чело
Вѣнчайте розами. Съ собой возьмите чаши,
Гдѣ черныхъ бабочекъ и пчелокъ золотыхъ
Изображенія есть. Волну кудрей густыхъ
Предъ зеркаломъ, смѣясь, вы заплетите въ пряди;
Кристалъ разбейте тотъ, изъ чьей зеркальной глади
Вашъ ликъ смѣющийся глядѣлъ лишь мигъ назадъ,
Въ лучистомъ сумракѣ изъ храма по двѣ въ рядъ
Вы выйдите затѣмъ. Пускай зефиръ свободно
Играетъ тканями покрововъ дорогихъ;
Молчаніе храня, и на плечахъ нагихъ
Богини статую неся поочередно,
Пройдите городомъ, гдѣ съ нею ежегодно
Вы совершаете медлительный обходъ.
Напейтесь изъ ручья подъ пальмою высокой,
Когда же двинетесь обратно въ тѣмѣ глубокой,
О жрицы, бойтесь вы неровностей дорогъ.
Склоните голову у каменнаго входа,
Дабы вы не могли переступивъ порогъ—
Богини статую разбить объ арку свода.

Ворота новобрачныхъ.

Забрежжила заря въ дали небесъ прозрачной,
Возьми росписанный свѣтильникъ восковой,
Который озарялъ восторги ночи брачной.
Вчера, когда обрядъ исполнивъ вѣковой,
Мы вмѣстѣ съ шествіемъ порогъ переступили,
То провожатые намъ факель засвѣтили
И ими уголь былъ возложенъ на очагъ.
Сулить грядущее намъ радость или мракъ—
Оно для насъ одно и тоже съ той минуты,
Хотя бы выросли одни кусты цыкуты,
Тамъ, гдѣ любуемся мы розами теперъ.
Пробрался первый лучъ въ растворенную дверь.
Вставай! Горитъ востокъ въ сіяньи блѣдно-аломъ,
Надѣнь дорожный плащъ и перстень твой съ опаломъ,
И съ факеломъ въ рукѣ—мы выйдемъ за порогъ.
А если надъ землей лежитъ покровъ тумана—
Дай руку мнѣ твою, чтобъ поддержать я могъ
Въ пути шаги твои. Вкругъ стараго фонтана
Мы трижды обойдемъ, гдѣ вся обнажена,
Спитъ нимфа юная, въ струи погружена.
Вотъ разливается заря по небосводу,
Свѣтильникъ погрузи, ненужный больше, въ воду.
Пойдемъ на взморье мы иль въ листовную сѣнь,
За аркою воротъ намъ блещетъ ясный день,
И пусть легко звучитъ подъ аркой изъ гранита
Пѣвучій шагъ людей, которымъ жизнь открыта.

Погребальныя ворота.

Коль скоро умереть ты долженъ въ утро лѣтъ,
Когда въ окно твое вливается разсвѣтъ,
Являя, какъ въ мечтахъ, слянье тьмы и свѣта—
Благодареніе богамъ ты шли за это!
Другъ съ другомъ объ руку, согласною четой,
Цвѣтущее дитя и съ нимъ—старикъ безсильный
Тебя проводятъ въ путь до насыпи могильной,
Гдѣ будетъ ворковать голубка надъ плитой.
Межъ тѣмъ, какъ шествіе пройдетъ подъ воротами,
Подъ звуки пѣнія, увѣнчано цвѣтами,
Привѣтствуя весну блаженной смерти той,
Которая тебѣ предстала на порогѣ
Цвѣтушемъ бытія—пусть вѣтеръ по дорогѣ
Срываетъ бѣлыхъ розъ увядшіе листы.

Но если славный прахъ принять готова урна,
Гдѣ предстоитъ ему покоиться безбурно,
И если перейти въ безсмертье долженъ ты
Въ сіяніи меча и блескѣ ратной славы—
О, тѣнь великая, пусть это будетъ въ часъ
Когда, смятеніе будя въ душѣ у насъ,
Бушуетъ ураганъ и небеса—кровавы,
Пусть у носильщиковъ, когда пойдутъ они
Подъ аркою воротъ съ твоимъ великимъ прахомъ,
Погаситъ ураганъ однимъ могучимъ взмахомъ—
Мерцанье свѣточей и факеловъ огни.

Ворота комедіантокъ.

Повозка у воротъ. Блѣднѣетъ лучъ денницы,
Заколосилися вездѣ поля пшеницы,
Рѣзвится фавнъ въ лѣсу и нимфа—у ручья,
И, вмѣстѣ съ лѣтнею таинственной порою,
Вернулась къ намъ опять бродячая семья
Затѣмъ, что бѣ воскресить искусною игрою,
При помощи румянъ и маски измѣнивъ
Знакомыя черты—наивный древній миѳъ,
Иль басню старую, а также—прелесть вѣчной
Безсмертной сказки той, животной, человѣчной
И близкой божествамъ, которую въ тѣни
Дубравы и пещеръ, исполненныхъ прохлады,
Сатиры желтые и бѣлыя Дриады
Разыгрываютъ такъ, какъ и въ былые дни.
Спѣшите, часъ насталъ, и ждетъ толпа въ молчаньи.
Во взорѣ у дѣтей и кроткихъ стариковъ
Вамъ улыбается привѣтно ожиданье.
Ворота скрытыя подъ тяжестью вѣнковъ,
Гостепріимная открыла вамъ столица;
Вы приближаетесь, держа въ рукѣ цвѣтокъ,
Нарядные плащи, расписанныя лица....
И каждая изъ васъ, чтобъ онъ упасть не могъ—
Шнуруетъ свой котурнъ, переступивъ порогъ.

Изгнанникъ.

Изгнанію обрекъ меня суровый рокъ
И прахъ мой также я изгнанію обрекъ:
Не успокоиться ему въ родимой сѣни.
Иду,—и подъ ногой колеблются ступени.
Прости, зеленый мракъ знакомыхъ мнѣ аллеи,
Отнынѣ дальнюю дорогу межъ полей
Указываетъ столбъ, и это—путь изгнанья.
На небѣ теплится послѣдняя звѣзда,
Темнѣетъ глубина прозрачнаго пруда
И въ плескѣ волнъ морскихъ мнѣ слышатся рыданья,
И вѣтеръ въ камышахъ вздыхаетъ обо мнѣ,
Какъ будто вторить онъ тоскующей волнѣ.
Шпалерникъ тянется ко мнѣ своей лозою,
А вѣтка дерева, разбитаго грозою—
Послужить посохомъ скитальцу. Въ дальній путь
Готовясь, я спѣшу сандаліи обути,
Котомка жалкая и плащъ мой—за плечами,
Меня укроетъ онъ холодными ночами.
Здѣсь не откроется для гостя дверь моя,
Травою заростетъ любимая скамья.
Цвѣты послѣдніе и ключъ благоговѣнно
Я бросилъ въ глубину прозрачнаго бассейна,
Въ который слезы льетъ лепещущій фонтанъ.
Одно я уношу въ предѣлы дальнихъ странъ:
Когда послѣдній день увижу я безъ страха,
Пусть глиняный сосудъ, украшенный плющемъ.
Который уношу я нынѣ подъ плащемъ—
Послужить урною могильною для праха.

Теофиль Готье.

Сонъ.

1.

Египеть... Жгучая полдневная пора.
Расплавленнымъ свинцомъ темнѣютъ воды Нила
Въ сіяніи лучей полдневаго свѣтила;
Надъ всѣмъ царитъ неумолимый Фра.
И сфинксы, посреди безмолвья и простора
Храня обычный свой невозмутимый видъ,
Не сводятъ страннаго, загадочнаго взора
Съ вершинъ высокихъ пирамидъ.
Лишь темной точкою въ лазури раскаленной
Чернѣютъ коршуны. Въ пустынь, истомленной
Отъ зноя жгучаго—безлюдье, тишина...
И обезсилена подъ лаской неба знойной,
Природа кажется торжественно спокойной,
Въ глубокой сонъ погружена.

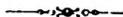
2.

Блестящая луна взошла надъ гладью Нила,
Надъ городомъ царей усопшихъ и царицъ,
И словно силою волшебной воскресила
Тѣхъ, кто покоится въ безмолвіи гробницъ.
На мигъ разорвалась минувшаго завѣса,
Жрецы и воины, и свита и народъ,

Какъ будто бы во дни великаго Рамзеса—
Безшумною толпой все двинулось впередъ.
Подъ сводомъ пирамидъ раскрылись саркофаги;
При звукахъ систрума несутъ жрецы и маги
Ковчегъ Аммона-Ра.
И сфинксы на своемъ гранитномъ пьедесталѣ
Въ сіяніи луны какъ будто оживали
Недолгой жизнью до утра...

3.

Съ минутой каждою растетъ толпа видѣній.
Безмолвныя уста, надменно строгій взоръ...
Воскресшіе вожди десятковъ поколѣній
И боги во главѣ: Фра, Озирись, Гаторъ.
На многихъ царскія сияютъ діадемы
И блѣдныхъ призраковъ безкровныя черты
Вѣнчаютъ лотоса прозрачныя цвѣты.
Такъ движутся они торжественны и нѣмы
Подъ сводомъ сумрачнымъ гигантскихъ колоннадъ,
Гдѣ сфинксовъ и боговъ темнѣетъ длинный рядъ
И нѣкогда жрецы внимали ихъ глаголу...
И тихо, въ трепетномъ сіяніи луны,
Причудливо въ лучахъ ея удлинены—
Ихъ тѣни стелются по мраморному полу...

Е. Пальеронъ.

К у к л а.

(Монологъ отца).

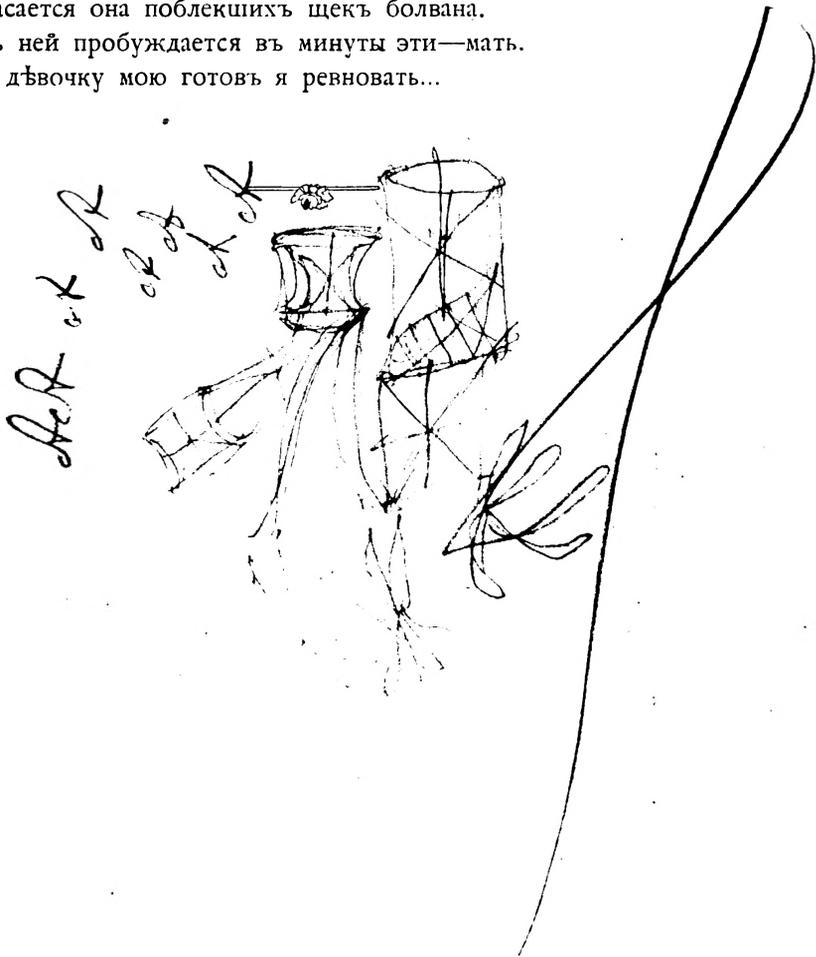
Рождественскіе дни, и двери въ кабинетъ,
Гдѣ я работаю—съ утра полуоткрыты.
Малютки голосокъ, играющей въ «визиты»,
Доносится ко мнѣ... На дѣвчкѣ надѣтъ
И соотвѣтственный парадный туалетъ:
Перчатки матери и шляпка, пелерина;
А платьѣ—шлейфъ его, длиною въ два аршина,
За ней волочится, метя собой паркетъ...
Его рученкою придерживая лѣвой,
Малютка держится и смотритъ королевой.
Ей весело... Она съ собой толкуетъ вслухъ
И, будучи одна, бесѣдуетъ за двухъ.
Одна ль? Завернута въ подобіе пеленокъ,
Съ ней кукла старая, истрепанный «ребенокъ»,
Облѣзлый, безъ волосъ и съ дыркою въ боку,
Не мало разныхъ бѣдъ видавшій на вѣку,
По безобразію буквально несравнимый,
И вѣрно потому—всѣхъ болѣе любимый.
Она душою всей ушла въ свою игру.

— Динь-динь!—Ахъ, здравствуйте... Садитесь. Какъ
любезно,

*

Что вы заѣхали!—Визитовъ нынче бездна
И вотъ я выѣхать рѣшилась поутру.
— Вамъ лучше?—Какъ сказать! У женщинъ, дорогая,
Бѣда съ болѣзнями: одна пройдетъ,—другая
Сейчасъ откроется...—Да, милая, о, да!
— А какъ же сами вы?—Ахъ плохо, какъ всегда,
Но (это главные!) поправились дѣтки.
— Ихъ много ли у васъ?—Порядочно. Всего
Двѣнадцать человѣкъ.—А возрастъ?—Однолѣтки:
Всѣмъ по двѣнадцати.—Ну, это ничего,
Года удобные...—Едва ли! Посудите,
Минуты просто нѣтъ свободной у меня.
Покупки, хлопоты... громадная возня!
— Ахъ, милая, кому вы это говорите!
— Есть дѣтки и у васъ?—Одинъ лишь... Мой бебе!
(Съ глубокой нѣжностью прижавъ его къ себѣ),
Вотъ этотъ! Миленькій! Но съ нимъ заботы вдвое...
— Вѣдь это—дѣвочка, не правда ли?—О, нѣтъ!
— Такъ значитъ мальчуганъ?—Ни то и ни другое.
Покуда онъ—никто: бебе мой не одѣтъ
Еще, какъ видите... Нарочно не велю я
И одѣвать его: онъ просто мой бебе!
Всѣ мальчики шалятъ, въ лошадки не люблю я
Играть съ мальчишками,—о дракахъ и борьбѣ
Лишь думаютъ они... Но съ дѣвочками—хуже:
Готовъ приданое и хлопочи о мужѣ,
И все-таки потомъ несчастливы онѣ!
Малютку моего желала бы исполнѣ
Счастливымъ видѣть я!—
Она съ любовнымъ взоромъ

Склоняется къ бебе облѣзлomu, въ котopомъ
Не куклу жалкую—но видитъ, не шутя,
Она цвѣтущее любимое дитя.
Съ инстинктомъ женщины въ ней пробудилась рано
Потребность нѣжности и ласка горяча.
Устами свѣжими, какъ птичка щербча,
Касается она поблекшихъ щекъ болвана.
Въ ней пробуждается въ минуты эти—мать.
И дѣвочку мою готовъ я ревновать...

ИЗЪ НОВЫХЪ ПОЭТОВЪ.

Ж. Роденбахъ.

Veillée de gloire.

I.

Идеаль.

Когда лучъ солнечный влетитъ какъ мотылекъ,
За нимъ гоняются въ затихшемъ классѣ дѣти,
Держа межъ пальцами, подобно яркой сѣти,
Осколки зеркала иль стеклышка кусокъ.
И—птицей золотой изъ клѣтки безъ усилья
На волю выпорхнувъ—лучи на потолокъ,
На стѣнахъ и скамьяхъ, на аспидной доскѣ—
Повсюду свѣтлыя развертываютъ крылья.
О, солнце—идеаль! Его скрываетъ мгла
Въ высокихъ небесахъ, и гордо зеркала
Искусства хрупкія мы къ солнцу направляемъ,
Но жизни сумрачной высокая стѣна,

Мечтанья обманувъ, попрежнему темна,
И мы лишь слабое мерцанье уловляемъ.

2.

Одиночество.

Всегда ли возводить задумчивыя очи
Къ искусству мы должны? Великое храня,
Тамъ бодрствуютъ жрецы, колѣни преклоня,
На стражѣ у святынь во мракѣ поздней ночи,
Должно ли покидать въ саду своемъ цвѣты,
Гонясь за славою среди глумленья свѣта,
И оставлять любви призывы безъ отвѣта,
Блаженство вѣрное смѣняя на мечты?
Ужели заживо судьба насъ схоронила?
Какъ горнъ пылающій—такъ творчества горнило
Все золото души должно ли поглотить?
— Живи одинъ. Мирись съ удѣломъ одинокимъ
И жертву принеси стремленіямъ высокимъ:
При жизни ты умри, чтобъ послѣ смерти жить!—

3.

На стражѣ.

О, счастье—одному, когда ложится мгла,
При лампѣ одному работать до разсвѣта;
Въ тетрадь—давая жизнь видѣніямъ поэта—
Вносить порою стихъ звенящій, какъ стрѣла.

О, счастье—быть съ самимъ собой наединѣ,
Когда смолкаетъ шумъ съ дневною суетою,
И лишь луна скользить въ прозрачной бѣлизнѣ
Надъ кровлей сонною, подъ маской золотою.

О, счастье—свѣтить, когда повсюду мракъ:
Лампада яркая въ безмолвіи соборовъ,
Въ ненастье полночи сияющій маякъ,
Когда шумить прибой, невидимый для взоровъ.

О, счастье дивное мечтателя —поэта,
Пустынножителя—сливаться съ тишиной,
И въ сердцѣ у себя хранить источникъ свѣта,
Не угасающій въ глубокой тьмѣ ночной.

О, счастье—одному нести привычный трудъ,
Въ тиши слагать стихи пѣвучіе, какъ лира,
И говорить себѣ:—когда умру для міра,
Созданія мои, быть можетъ, не умрутъ!—

Г л а з а .

Прозрачные глаза къ чему мрачатся ложью?
Въ нихъ расплывается, охваченная дрожью
Летучей истина, и тонетъ въ нихъ она.
Никто и никогда въ глазахъ не видѣлъ дна.
Ошибки и грѣхи со страстью непохвальной—
Не отражаются во влагѣ ихъ кристальной,
И не мутятъ очей—прозрачныхъ какъ вода

Невозмутимая спокойнаго пруда.

О, если бы узнать: когда во взорѣ ясномъ

Читаемъ мы порой признаніе любви—

Сулятъ ли счастье ихъ свѣтлыя струи,

Иль смерть таится въ нихъ, какъ въ омутѣ опасномъ?

О, если бы узнать: что сумракъ въ нихъ? Что—свѣтъ?

О, еслибъ наконецъ на все найдти отвѣтъ,

Что заключается подъ гладью ихъ блестящей—

Живымъ подобіемъ цвѣточныхъ лепестковъ,

Подъ этой дымкою обманчиво манящей,

Въ завѣтныхъ тайникахъ загадочныхъ зрачковъ?

Напрасно мы рѣшить пытаемся загадку.

Лазурь очей свѣтла, какъ свѣтлая волна,

Но сущность той души, что въ нихъ заключена—

Для насъ является подобною осадку,

Когда мы заглянуть пытаемся въ нее,

Загадка ясныхъ глазъ, о, тайна роковая!

Въ глазахъ нашла душа убѣжище свое,

И обитаетъ въ нихъ, себя не выдавая.

Колокола.

1.

Церковный колоколъ мы слышимъ въ день воскресный,

И онъ въ воскресный день о смерти говоритъ.

Когда на улицахъ безмолвіе царить—

Тогда яснѣе звонъ разносится окрестный,

Насъ укоряющій—со смертью онъ мирить,

И звуки падаютъ подобно хлопьямъ снѣжнымъ.

Когда колоколовъ слабѣтъ перезвонъ—
Уносить медленно частицу жизни онъ.
И увяданіемъ объято безнадежнымъ,
Въ насъ обрывается съ ударомъ каждымъ ихъ,
И что то падаетъ и блекнетъ въ насъ самихъ,
На смерть обречено—въ крушеніи неизбѣжномъ.

2.

Какъ появились на свѣтъ колокола?
Кѣмъ создались они, подъ гнетомъ думъ печальныхъ?
Какимъ епископомъ временъ первоначальныхъ?
Не мрачный ли монахъ, уставшій безъ числа
Хваленья возглашать, томясь своимъ обѣтомъ
И мизантропіи тая въ себѣ недугъ—
Желѣзный колоколъ отлить задумалъ вдругъ,
Похожій съ рясою—и формою и цвѣтомъ?

П. Верлэнъ.

I.

Небо надъ кровлею дома
Ясной блеститъ синевую,
Вѣтви надъ кровлею дома
Пышною вѣютъ листвою.

* *
*

Въ небѣ отраднo знакомо,
Благовѣсть тихій несется,
Съ вѣтки отраднo знакомо,
Пѣсня вечерняя льется.

* *
*

Боже, о, праведный Боже,
Здѣсь, позабытая мною,
Жизнь настоящая, Боже,
Мирной струится волною!

* *
*

— Путникъ, скажи, отчего же
Страждешь душою ты всею?
Путникъ, повѣдай намъ: что же
Сдѣлалъ ты съ жизнью своею?

2.

Блѣдный отблескъ луны
Озаряетъ лѣса,
Изъ дубравы слышны

Межъ листвою голоса;
Это часть забытья,
Приходи дорогая моя!

* * *

Вѣтви темныя ивь,
Наклоняясь къ водѣ,
Отразились въ прудѣ;
Плачетъ вѣтра порывъ
Въ ихъ дрожащихъ листахъ...
Позабудемся въ дивныхъ мечтахъ.

* * *

Безконечный покой
Къ намъ нисходитъ съ высотъ,
Гдѣ сіяніе льетъ
Дискъ луны золотой,—
Упоеніемъ дышетъ для насъ
Этотъ часъ.

Ч а й к а .

Не знаю, почему
Отрадно желчному уму
На крыльяхъ думъ тревожныхъ и мятежныхъ
Витать надъ бездной водъ безбрежныхъ,
Гдѣ близко все и дорого ему—

Не знаю, почему.

* * *

Вѣщая чайка морская,
Скорбная дума моя!
Вѣтеръ уносить, лаская,

Волны качаютъ тебя,
Вѣщая чайка морская!

* * *
Надъ бездною парить она
Въ безбрежности, опьянена
Свободою и солнечнымъ сіяньемъ
И вѣтерка обвѣяна дыханьемъ...
Ее въ отрадномъ забытѣ
Колышутъ свѣтлыя струи.

* * *
Не знаю, почему
Отраднo желчному уму
На крыльяхъ думъ тревожныхъ и мятежныхъ
Витать у бездны водъ безбрежныхъ,
Гдѣ ишетъ онъ того, что дорого ему—

Не знаю, почему.

* * *
Порой ея крики тоскливы,
Пугается ихъ рулевой,
И въ омутъ кидаясь бурливый,
Нырять она съ головсй,
И бьется въ волнѣ роковой
И крикъ испускаетъ тоскливый.

Все.

Зубайте...
правки,
сено по...
сперантис...
по воскрес...

Поль Форъ.

Баллада.

Ils l'ont porté en terre, en terre
au point du jour.

Любя она угасла. Съ зарею схороня,
Въ землѣ ее зарыли, въ землѣ съ зарею дня.
Лежала одинокой, цвѣтами убрана,
Лежала одинокой въ гробу своемъ она,
И съ пѣсней всѣ вернулись когда сіялъ восходъ:
— Всему, всему на свѣтѣ приходитъ свой чередъ.
Любя она угасла. Ее похороня,
Они въ поля вернулись, въ поля съ зарею дня.

М. Метерлинкъ.

П ъ о н и . >

1.

— А если онъ вернется,

Что я сказать должна?

«Скажи: его ждала я

Пока не умерла».

— А если бъ, какъ чужую,

Распрашивать онъ сталъ?

«Отвѣтъ ему, какъ брату,

Быть можетъ онъ страдалъ».

— А если спроситъ: гдѣ ты?

Какой я дамъ отвѣтъ?

«Кольцо мое безмолвно

Отдай ему въ отвѣтъ».

— А если онъ увидитъ,

Что комната пуста?

«Скажи: угасла лампа

И дверь не заперта».

— А если о послѣднихъ

Минутахъ спроситъ онъ?

«Скажи: я улыбалась,

Что бъ не заплакалъ онъ».

2.

Тридцать лѣтъ ищу я, сестры,

Гдѣ же скрылся онъ?

Тридцать лѣтъ хожу я, сестры,
Но не ближе онъ.
Я въ пути устала, сестры,
Шла я тридцать лѣтъ,
Онъ повсюду былъ, о сестры,
И его все нѣтъ.
Обувь я снимаю, сестры,
Скорбь и тишина.
Вечеръ также гаснетъ, сестры,
И душа больна.
Вамъ шестнадцать лѣтъ, о сестры,
Съ посохомъ моимъ
Далеко идите, сестры,
Въ поиски за нимъ.

3.

Когда умерла Орламонта—
Семь дочерей
Волшебной жены Орламонды
Искали дверей.
Лампады свои засвѣтили,
На башню взошли,
Четыреста залъ отворили,
Но свѣта онѣ не нашли.
Проникли подъ гулкiе своды,
Спустилися съ кручъ,
Нашли подъ закрытою дверью
Изъ золота ключъ.
Сквозь щели имъ видится море,
Боятся онѣ умереть,

Стучатся у запертой двери,
Не смѣя ее отпереть.

4.

Кто-то мнѣ сказалъ,
(О, дитя, мнѣ страшно!)

Кто-то мнѣ сказалъ:

Чась его насталь.

Лампу я зажгла,

(О, дитя, мнѣ страшно!)

Лампу я зажгла,

Близко подошла.

Въ первыхъ-же дверяхъ,

(О, дитя, мнѣ страшно!)

Въ первыхъ-же дверяхъ,

Пламень задрожаль,

У вторыхъ дверей

(О, дитя, мнѣ страшно!)

У вторыхъ дверей

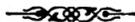
Пламень зашепталъ.

У дверей послѣднихъ,

(О, дитя, мнѣ страшно!)

Вспыхнувъ только разъ,

Огонекъ угасъ.

ИЗЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Р. КИПЛИНГЪ.

КОРОЛЬ И ПѢВЕЦЪ.

П О Э М А.

І.

Король покинулъ свой дворецъ,
Везетъ онъ рыцарскій уборъ:
Пускай Томасъ—простой пѣвецъ,
Но золотыхъ достоинъ шпоръ.

* *
*

И за гонцомъ онъ шлетъ гонца
И въ вышину и въ глубину,—
И вотъ нашли они пѣвца
У вратъ въ волшебную страну.

* *
*

— Пусть арфа вѣщая молчитъ,—
Сказалъ король,—возстань, поэтъ,
Тебѣ привезъ я мечъ и щитъ,
Произнеси же свой обѣтъ.

* *
*

Пажей я дамъ тебѣ, коня,
Ты будешь славенъ и богатъ,
И власть получишь отъ меня
Ты на расправу и захватъ!

* * *

Пѣвецъ отъ арфы поднялъ взоръ
И устремилъ съ улыбкой въ высь;
Надъ нимъ, въ сіяющій просторъ,
Свободно ласточки неслись.

* * *

— Я произнесъ обѣтъ иной,
Не разорветъ его ничто;
Я былъ на стражѣ въ часъ ночной,
Гдѣ не бывалъ еще никто.

* * *

Подобно пламени—копье,
Мой щитъ—сіяніе свѣтилъ,
И званье рыцаря мое
Въ быломъ давно я заслужилъ.

* * *

Пѣвцу не надобно коня,
Не надо остраго меча.
Къ чему они? Людей тѣсня,
Рубить безжалостно съ плеча...

* * *

Не нужно права на захватъ,
Пажей и слугъ не нужно мнѣ,
Я самъ и славенъ, и богатъ,
Я самъ—король въ своей странѣ!

* * *

Я шлю на западъ, на востокъ,
Куда хочу, во всѣ концы,—

*

И отовсюду въ данный срокъ
Ко мнѣ спѣшатъ мои гонцы.

* *
*

Въ сіяньѣ дня, во тьмѣ ночей
Они ко мнѣ приносятъ слухъ
О тайнахъ суши и морей;
Подвластны имъ—и плоть, и духъ!

2.

Король внималъ ему смущень,
И омрачилися черты,
— Клянусь душой!—воскликнулъ онъ,
— Въ рѣчахъ своихъ заносчивъ ты!

* *
*

Одинъ лишь знакъ—и я вокругъ
Бароновъ дюжину создамъ
Для угожденья и услугъ
Моей особѣ и сынамъ,

* *
*

— Что скороспѣлая мнѣ знать?
Что королевскій юный сынъ?
Безсмертною славою вѣнчать
Могу лишь я, и я одинъ!

* *
*

Въ моихъ рукахъ—и честь, и срамъ,
Мой судъ—въ бояхъ и на пиру..
И честь вѣдетъ въ высокій храмъ,
А стыдъ—въ собачью конуру

* *
*

Кто серебро, кто золотой
Пѣвцу кидаетъ въ кошелекъ,
Иные же, народъ простой—
И хлѣба черстваго кусокъ.

* *

И ту же пѣсню я пою
За грошъ и полный кошелекъ,
Но пѣсню лучшую мою
Пою за черствый я кусокъ.

* *

Король досталъ шотландскій грошъ,
Его пѣвцу онъ подальъ самъ.
— Теперь ты пѣсню мнѣ споешь,
Какую пѣль ты бѣднякамъ?

* *

— Когда пою я для дѣтей,
Они стоятъ вокругъ меня,
И ты, король въ странѣ своей,
Внимая мнѣ, сойди съ коня!

* *

Три пѣсни я спою, изволь,
Какихъ не пѣль ни передъ кѣмъ,
И если ты дерзнешь, король,—
Облагородь меня затѣмъ!

3.

И властелинъ въ странѣ своей
На землю долженъ былъ сойти.
— Я сердце пѣснею моею
Переверну въ твоей груди!

* *

*

Пѣвецъ ударилъ по струнамъ,
И пѣсня къ небу понеслась,
И внялъ король ея словамъ,
И слезы брызнули изъ глазъ.

* *
*

— Любовь погибшую узрѣлъ
И къ ней опять взываю я...
И память всѣхъ недобрыхъ дѣлъ
Въ груди проснулась, какъ змѣя...

* *
*

О, горе мнѣ! Померкнулъ день
Полднейной свѣтлою порой!
И смерти злой я вижу тѣнь...
Молю: плащомъ меня укрой.

* *
*

Былъ ясный день, палящій зной,
Съ небесъ струились горячи
Ласкавшіе просторъ степной
Свѣтила жгучаго лучи.

* *
*

— Сюда, на грудь мою прилягъ,
Намъ Богъ судья! — пѣвецъ сказалъ,
— Разсѣю я зловѣщій мракъ.
Который пѣсней я нагчалъ.

* *
*

И взялъ пѣвецъ другой аккордъ —
И вмигъ разгладилось чело,
Король воспрянулъ, смѣлъ и гордъ,
И тутъ же онъ вскочилъ въ сѣдло.

* *
*

— Я слышу гуль и стукъ копытъ,
Идутъ дружины безъ числа..
И солнце шлемы золотить
И, словно, шмель, жужжить стрѣла..

* *
*

Ко мнѣ—бойцы мои и стягъ,
Слѣшите рыцари гурьбой!
Сейчасъ отпоръ получить врагъ,
Кровопролитный грянетъ бой!

* *
*

Быль ясный день, и свѣтъ лучей
Лился съ небесъ на темный доль,
И надъ добычею своей
Кружился царственный орель.

* *
*

И вздохъ промчался въ тишинѣ,
Чуть слышно струны шевеля,
И въ новой пѣснѣ, какъ во снѣ,
Воскресла юность короля.

* *
*

— Я снова принцъ; въ любви своей
Довѣрчивъ я, и чистъ, и смѣль,
Повсюду вижу я друзей,
И всѣмъ завидѣнь мой удѣль...

* *
*

Въ лѣсахъ оленя я травлю,
Лихого шпорю я коня,
А та, которую люблю,—
Домой съ закатомъ ждетъ меня.

* *
*

Какъ счастливъ я! Перенесла
Меня мечта въ завѣтный край...
Со мной любовь моя была,
И снова мнѣ открылся рай...

* *
Былъ ясный день, весенній день,
Неслись высоко облака,
Подругу звалъ свою олень,
И рогъ звучалъ издалика...

* *
— Во снѣ-ли ты, иль на-яву?
Спросилъ пѣвецъ,—повѣдай мнѣ,
Зачѣмъ склоняешь ты главу?
Ты на-яву, или во снѣ?

* *
Я воскресилъ тебѣ въ быломъ
Любовь погибшую твою,
И, лишь заснувъ послѣднимъ сномъ,
Забудешь пѣсню ты мою.

* *
Я поле здѣсь вооружилъ,
И кличъ ты слышала боевой,
И небо ясное затмилъ
Я надъ твоею головой...

* *
Я далъ тебѣ и рай, и адъ,
И слезъ горячихъ благодать...
А ты хотѣлъ—вѣнецъ награды—
Мнѣ званье рыцарское дать!..

Л. Теннисонъ.

Памяти бѣдняка.

Окончились тяжелый трудъ и муки,

Сложи, бѣднякъ, измученныя руки.

Что для тебя рѣчей земные звуки?

Оставь другимъ безумье грезъ!

Здѣсь, надъ твоей могилою—съ весною

Покрывшейся зеленою травою,

Мелькаетъ тѣнь отъ молодыхъ березъ...

Оставь другимъ безумье грезъ.

Здѣсь клевета настичь тебя не можетъ,

Глубокій сонъ ничто не потревожитъ.

Червь гробовой? Но онъ не душу гложетъ;

Оставь другимъ безумный бредъ.

Здѣсь надъ твоей могилою зеленой,

Съ закатомъ дня росою окропленной,

Смѣняются чудесно тѣнь и свѣтъ.

Оставь другимъ безумный бредъ.

Тамъ надъ тобой лишь крокодиловъ слезы

Лились ручьемъ,—тутъ жимолость и розы

Кропятъ росой несбывшіяся грезы;

Оставь другимъ безумный бредъ.

Шумятъ дожди, и съ влагою весенней

Здѣсь аромат струится отъ сиреней,

Здѣсь горестямъ былого мѣста нѣтъ.

Оставь другимъ безумный бредъ.

Не лучше ли рабочихъ пчель жужжанье
И нѣжное цвѣтовъ благоуханье,
Чѣмъ клеветы пустыя нареканья

И тяжкій гнетъ житейскихъ бѣдъ?
Нѣжнѣ мха—не только у вельможи,
У короля едва-ль найдется ложе.
Всѣхъ горестей здѣсь исчезаетъ слѣдъ.
Оставь другимъ безумный бредъ.

Немногіе тебя судили вѣрно.
Кто клеветалъ и осуждалъ безмѣрно,
А кто жалѣлъ—постыдно лицемѣрно;
Оставь же имъ безумье грезъ.
Окончились тяжелый трудъ и муки.
Сложи, бѣднякъ, измученныя руки,
Достаточно ты въ жизни перенесъ...
Оставь другимъ безумье грезъ.

In Memoriam.

I.

Мнѣ кажется почти грѣхомъ
Излить въ словахъ мою кручину:
Возможно выразить стихомъ
Печаль души лишь въ половину.

Когда душа поражена—
Врачуешь боль размѣръ пѣвучій,

Невольно черпаетъ она
Забвенье въ музыкѣ созвучій.

Какъ плащъ тяжелый въ холода,
Слова—отъ скорби мнѣ защита,
Но ту печаль, что въ сердцѣ скрита—
Не передамъ я никогда.

2.

Со мною будь въ часы тоски,
Когда свѣтильникъ догораеть,
Біенье жизни замираеть
И съ силой кровь стучить въ виски.

Со мною будь въ печальный мигъ,
Когда въ душѣ слабѣеть вѣра,
И жизнь—зловѣщая мегера,
А время — хилый гробовщикъ.

Будь здѣсь, когда слабѣю духомъ,
И люди, мнится мнѣ тогда,
Живутъ, жужжать, подобно мухамъ,
И умираютъ безъ слѣда.

Будь здѣсь, когда въ борьбѣ суровой
Конецъ настанетъ для меня,
И тамъ за гранью жизни новой,
Блеснетъ заря иного дня.

3,

Всегда ль мы искренно желаемъ
 Усопшихъ видѣть возлѣ насъ?
 Ужель отъ нихъ мы не скрываемъ
 Душевной низости подчасъ?

— — —
 Быть можетъ, друга свѣтлый взоръ,
 Сіявшій раньше одобреньемъ—
 Усмотреть тайный мой позоръ,
 И смѣнится любовь—презрѣньемъ?

— — —
 Нѣтъ, я неправъ, я сознаю;
 Любви прощаются сомнѣнья,
 А смерть мудра въ своемъ прозрѣньѣ,
 И душу видитъ онъ мою.

— — —
 Въ часы упадка и борьбы
 Пребудьте съ нами неизмѣнно
 И возносите неизмѣнно
 За братьевъ гибнущихъ хвалы.

Елизавета Броунингъ.

Сонеты.

1.

Узникъ.

Счетъ времени веду годами я съ тѣхъ поръ,
Какъ видѣлъ я травы зеленой колыханье,
И на устахъ моихъ природы всей дыханье
Съ моимъ сливалось. Теперь земли просторъ
Мнѣ страннымъ кажется, какъ дальнихъ сферъ
сиянье,

Какъ мысль о небесахъ, туманящая взоръ.
Изъ за дверей тюрьмы, закрытыхъ на запоръ,
Природы музыка звучитъ на разстоянѣ—
Безумна и дика, и слуховой обманъ
Въ мозгу рождаетъ грезъ несбыточныхъ туманъ.
Помимо чувствъ,—мечтѣ—до боли напряженной—
Рисуются: рѣка и лѣсъ замороженной,
И длинный рядъ холмовъ; что солнцемъ осіянь,
Божественной красой преображенный.

2.

Неудовлетворенность.

Когда ишу въ стихахъ для мысли выраженья—
Мнѣ въ пульсѣ чудится души моей биенье:

Какъ будто хочется освободиться ей,
Чтобъ шире вылиться, свѣтлѣе и полнѣй,
Достигнувъ истинной гармоніи свершенья
Предъ человѣчествомъ и предъ вселенной всей.
Но, словно дерево, что вѣтра дуновенье
Склоняетъ въ сторону—калѣчить и людей
Дохнувшее на нихъ проклятіе природы,
И правда каждаго—обманъ для остальныхъ.
Для выраженья чувствъ намъ не дано свободы.
Душа! Лишь сбросивъ гнетъ своихъ одеждъ зем-
ныхъ,
Ты звуки обрѣтешь: внѣ рабства и стѣсненья
Найдя достойное для пѣсни завершенья.

3.

Слезы.

Блаженны тѣ изъ васъ, кто скорбь души печаль-
ной
Слезами изливаль! Скорбей легчайшихъ — нѣтъ
Съ тѣхъ поръ какъ совершенъ былъ грѣхъ перво-
начальный.
Что слезы? Плачугъ всѣ: ребенокъ безпечальный
Подъ пѣсню матери, едва увидѣвъ свѣтъ;
Невѣста юная, надѣвъ уборъ вѣнчальный;
Священные холмы увидѣвшій поэтъ,
Слеза котораго—безмолвный имъ привѣтъ.
Блаженны тѣ изъ васъ, кто слезы лилъ въ кру-
чинѣ!

Когда, ослѣплены слезами, какъ въ пустынѣ
Встрѣчаете кругомъ вы только рядъ могилъ—
Вамъ стоитъ взоръ поднять, измученный тоскою,
И слезы по лицу польются вмигъ рѣкою,
И вамъ откроется блескъ солнца и свѣтиль.

4.

Непоправимое.

Сегодня я въ лугахъ весь день цвѣты рвала,
Струившіе съ зарей свое благоуханье,
И пѣло все во мнѣ, какъ птичка или пчела,
Летающія въ поля, встрѣчая дня сіянье.
Но чѣмъ скорѣй цвѣты постигло увяданье—
Тѣмъ крѣпче я, въ рукѣ сжимая ихъ, несла,
И рвутся изъ души не пѣсни, а рыданья...
Что скажете вы всѣ, чья дружба мнѣ мила?
Нарвать еще цвѣтовъ? Идти ли снова въ поле?
Пусть это дѣлаетъ кто можетъ, но не я!
Устала я душой, во мнѣ нѣтъ силы болѣ,
Цвѣтами прежними полна рука моя,
Пускай же ихъ букетъ, въ ней умирая, вянетъ,
Пока и для меня день смерти не настанетъ.

5.

Даль.

Подобье мы дѣтей, когда они, вздыхая,
Капризно лбомъ прильнувъ къ поверхности стекла,

Туманять гладь его, когорая свѣтла,
Даль неба и полей отъ взора закрывая...

Съ тѣхъ поръ, какъ Промыслѣмъ разлучена была
Съ душою скорбною за гробомъ жизнь другая—
Межъ ней и взорами, преграду воздвигая.
Мѣшастъ въ даль смотрѣть печали нашей мгла.

О, братъ! О, человѣкъ! Сдержи свои рыданья,
Будь мужественъ, молчи. Души твоей стекло
Пусть дуновеніемъ не отуманитъ зло,
Чтобъ взоромъ яснымъ ты въ концѣ существо-
ванья

Могъ видѣть издали, когда блеснутъ они:
Предсмертныхъ факеловъ священные огни.

6.

Горецъ и поэтъ.

Случается порой: пастухъ простой
Межъ Альпами и небомъ средъ тумана,
Увидѣвъ тѣнь свою надъ высотой,
Похожую на образъ великана,
Не возгордятся и чуждъ самообмана,
Еще сильнѣй сжимаетъ посохъ свой,
Межъ тѣмъ, какъ высь главою снѣговой,
Сапфировой короной осіяна—
Вздывается предъ нимъ. Ты, къ высотѣ
Стремящійся поэтъ, познай смиренно:

Не ты великъ—міръ Божій, постепенно
Во всей его могучей красотѣ
Открывшійся тебѣ для постиженья,
И ты—его же славы отраженье.

Лебединое гнѣздо.

Элли сѣла на траву;
Тамъ подъ буковою сѣнью
Вьется рѣчка въ тростникѣ.
Лучъ пробился сквозь листву,
Онъ играетъ свѣтотѣнью
У малютки на щекѣ.

Шляпку сбросила свою
Элли между тростниками,
Ноги въ воду опустивъ
Въ серебристую струю,
И качается—руками
Ихъ съ улыбкой охвативъ.

У рѣки—она одна;
Вмѣсто словъ—улыбкой ясной,
Частой гостьей на устахъ—
Тишина оживлена.
Міръ таинственно прекрасный
Ей рисуется въ мечтахъ.

Элли грезить:—Конь коней
У того, кого здѣсь жду я...

Съ нимъ кто станетъ на ряду?
Мой избранникъ—всѣхъ славнѣй,
И за то его сведу я
Къ лебединому гнѣзду.

Мой избранникъ—родомъ знатенъ,
Взоръ его горитъ огнемъ;
Поражаетъ звономъ струнъ
Онъ красавицъ, юнъ и статенъ,
А мужей—разить мечемъ.

Въ серебро разубранъ конь,
Грива по вѣтру развита...
На скаку изъ подъ копытъ
Словно сыплется огонь.
Отбиваютъ тактъ копыта
И, дивясь, пастухъ глядитъ.

Но едва лишь встрѣчусь я—
Мой избранникъ всѣ отрады
Позабудеть для меня.
Молвить онъ:—Краса моя,
Жизнь даруютъ эти взгляды,
Жду, колѣна преклоня!

Онъ падеть къ моимъ ногамъ,
(Конь его, привязанъ рядомъ,
Словно слушая, глядитъ).
«Тотъ, кому любовь отдамъ»,—

Я отвѣчу съ гордымъ взглядомъ:
«Долженъ славой быть покрытъ!»

Онъ поднимется тогда,
Поблѣднѣвшій отъ волненья.
Съ губъ дрожащихъ у меня
Такъ и рвется слово:—«Да»!
Но скажу черезъ мгновенье:
«Завтра въ путь съ зарею дня!»

И вскочивъ съ зарей въ сѣдло,
Вдаль поѣдетъ онъ за славой,
Черезъ рѣку, въ Божій миръ—
Побѣждать порокъ и зло,
Помогая въ битвѣ правой,
Водворяя всюду миръ.

Трижды пажъ переплыветъ
Предо мной рѣки стремнину
И падетъ у этихъ ногъ.
—Даръ любви мой рыцарь шлетъ;
Лэди, что же господину
Я свезу? Какой залогъ?

Въ первый разъ вручу пажу
Я цвѣтокъ, затѣмъ въ награду
Дамъ перчатку, въ третій разъ—
Гнѣвъ на милость положу.
«Пусть, надѣясь на пошаду,
Онъ вернется въ добрый часъ!»

*

Передасть отвѣтъ гонецъ.

На конѣ въ пути усталомъ

Онъ примчится къ намъ въ страну.

— Гордый герцогъ—мнѣ отецъ,

Счета нѣтъ моимъ вассаламъ,

Но люблю тебя одну!

Тутъ обниметь онъ меня,

И меня народъ, ликуя,

Съ нимъ прославить на ряду,

И тогда съ зарею дня

Въ камыши его сведу я

Къ лебединому гнѣзду!

Элли шляпку подняла

И обулась. По привычкѣ

Посмотрѣть хотѣлось ей

(И въ обходъ она пошла)—

Есть ли новыя яички

Тамъ въ гнѣздѣ у лебедей?

Вотъ гнѣздо въ рѣчной глуши,

Межъ кустовъ въ концѣ тропинки.

Трепетъ Элли овладѣлъ,

Отстранившей камыши:

Крысой сгладаны тростинки,

Дикій лебедь улетѣлъ!

Элли шла въ нѣмой тоскѣ.

Рыцарь, конь съ чудесной мастью

Будутъ, нѣтъ ли—никогда,

О, навѣрно, въ тростникѣ
Не увидѣтъ имъ, къ несчастью,
Лебединаго гнѣзда!

Р. Гарнетъ.

I.

Пѣвцамъ вѣка.

Я видѣлъ юношей, идущихъ на зарѣ
Въ храмъ славы, гдѣ сіялъ огонь на алтарѣ;
Тропою шли они, усѣянной цвѣтами,
И смѣло звонкихъ струнь касались перстами.

Но истомилъ однихъ полдневный тяжкій зной
И прилегли они на отдыхъ у дороги,
Другіе же пошли дорогою иной,
А нѣкоторыхъ смерть взяла въ свои чертоги.

Теперь настала ночь, но гдѣ огонь горить
На дивномъ алтарѣ—туда, неутомимы,
Идутъ послѣдніе поэты-пилигримы;
Отъ ихъ усталыхъ глазъ конецъ пути сокрытъ,
И вамъ, грядущее поэтовъ поколѣнье,
Вамъ суждено найти загадки разрѣшенье.

Восточная сказка.

Налогомъ раззоренъ подобнымъ грабежу,
Туземецъ умоляя о милости раджу:
—Плоды моихъ трудовъ забралъ ты повелитель,
Остался не при чемъ смиренный твой проситель.
И такъ какъ у меня до капли выжать сокъ,
То укажи, молю, счастливый уголокъ,
Въ которомъ я бы могъ трудиться на свободѣ.—
—Что-жь,—вымолвилъ раджа,—ступай себѣ въ
Мадрасъ.—
—Но братъ твой, господинъ, въ такомъ же пра-
вить родѣ.—
—Въ Пенджабъ!—Но дядя твой не меньше гра-
бить насъ.—
—Въ Тангеръ!—Племянникъ твой въ томъ го-
родѣ правитель.—
—Ну, къ чорту уходи!—воскликнулъ повели-
тель,
Упорствомъ бѣдняка разсерженный вконецъ.
—Увы, тамъ, государь, твой царственный отецъ.—

Два листа.

Сказалъ поблекшій листь опавшему листу:
—Одинъ на деревѣ держусь я сиротливо;
Въ вершинахъ буйный вихрь бушуетъ прихотливо
И вѣтви старыя ломаетъ на лету.—

Сказаль опавшій листь поблекшему листу:
—А я затоптанъ въ грязь тяжелою стопою;
Напрасно буйный вихрь зоветъ меня съ собою,
Онъ подхватить меня не можетъ на лету.—

Сказаль поблекшій листь опавшему листу:
—О, научи меня, мольбѣ моей внимая:
Что сдѣлать для того, чтобъ мнѣ дожидаться мая
И снова пережить любви моей мечту?—

Сказаль опавшій листь поблекшему листу:
—Ты все отъ жизни взялъ: любовь съ ея отрадой,
Ты жилъ и зеленѣлъ, теперь же вянь и падай:
Кто можетъ пережить любви своей мечту!—

Баллада о челнѣ.

Рѣка блестѣла, какъ стекло;
Сирены сладко пѣли;
Взялись мы бодро за весло
И вихремъ полетѣли.
Въ стремленьи радостномъ своемъ,
Вездѣ минуя мели,
Когда же въ гавань мы войдемъ?
Когда достигнемъ цѣли?

Отъ ливней пѣнится рѣка,
Шумитъ межъ берегами;

За быстрымъ бѣгомъ челнока
Пастухъ слѣдитъ очами.
Уноситъ насъ рѣки разливъ,
И волны зашумѣли...
Когда же мы минуемъ рифъ?
Когда достигнемъ цѣли?

Горятъ пожаромъ облака,
И мы плывемъ къ закату;
Подобна бурная рѣка
Расплавленному злату...
Исчезло солнце въ лонѣ волнъ.
Когда жъ, минуя мели,
Увидитъ гавань утлый челнъ?
Когда достигнетъ цѣли?

Разсѣявъ дымку облаковъ,
Луна взошла высоко;
Не видно больше береговъ
Шумящаго потока.
Блеснула молнія огнемъ,
Раскаты прогремѣли...
Теперь мы рифы обогнемъ,
Теперь достигнемъ цѣли!

Но валъ громадный поднялся
Внезапно передъ нами,
И съ трескомъ пали паруса,
Залитые волнами.
Съ собою насъ несетъ волна,

Спасеня нѣтъ... Ужели
Намъ эта гавань суждена?
Ужели мы—у цѣли?

1.

Пѣсни Сіона.

Я арфу не вѣшалъ на ивѣ прибрежной,
Не будетъ священный напѣвъ позабытъ,
Пусть люди ей внемлютъ толпою небрежной—
Сіонская пѣсня, какъ прежде, звучитъ.

Чѣмъ горше плѣненье и гнетъ Вавилона—
Тѣмъ болѣе пѣсни святыя нужны;
Величье Солима—въ напѣвахъ Сіона,
И мы, какъ святыню, хранить ихъ должны.

Не вѣшай священную арфу на ивахъ—
Игралищемъ вѣтра и волнь прихотливыхъ,
Но самъ по завѣтнымъ струнамъ ударяй,
И пѣсни, плѣнявшія душу когда-то—
Не только храни вдохновенно и свято,
Но самъ, полный вѣры, другимъ повторяй.

2.

Жизнь и смерть.

Снѣжинка падаетъ и таетъ безъ слѣда,
Поглощена волной,

И лебедь царственный, скользя надъ глубиной,
Не знаетъ, что найдетъ въ пучинѣ водяной
Успокоенье навсегда.

Среди могилъ воздушнѣй и пышнѣй
Лилея расцвѣла,
Не думая о томъ, что у ея корней
Ютится тлѣніе—и радостно надъ ней
Жужжитъ пчела.

Изъ „Столичныхъ набросковъ“.

Томаса Эши *).

I.

Воззваніе.

Спаситель! посреди громадныхъ городовъ
Мнѣ грезятся во мглѣ священной этой ночи—
Изнемогающихъ подъ бременемъ трудовъ
Заплаканныя очи.

И если иногда съ отчаяньемъ въ очахъ
Несчастные идутъ дорогою неправой—
Вина за ихъ грѣхи лежитъ на богачахъ,
Чья жизнь была забавой.

Измученныхъ въ борьбѣ неравной поддержки;
Ты міру даровалъ завѣтъ любви и братства,

*) *Томасъ Эши*—по преимуществу реалистъ, пѣвецъ бѣднаго люда. Его «Столичные наброски» проникнуты теплымъ, гуманнымъ чувствомъ.

Равно распредѣли духовныя богатства,
Живительнымъ лучемъ разсѣй завѣсу лжи.

Тогда, богатые и знатные, тогда
Спокоенъ будетъ сонъ подъ кровлею чертога:
Не станутъ призракомъ у вашего порога
Народный голодъ и нужда.

2.

Швея.

Зналь Господь въ милосердыи Его,
Что Онъ дѣлалъ, ее призывая!
Двадцать лѣтъ было Дженни всего,
Но долга эта жизнь трудовая.

Въ шесть часовъ поднималась зимой,
(Плохо спится швеѣ отъ заботы).
Въ девять вечера Дженни домой
Возвращалась съ поденной работы.

Занимала коморку она
Въ отдаленномъ углу мезонина:
Два горшка съ резедой—у окна,
На окнѣ красовалась гардина.

И подъ гнетомъ лишений горда,
Никому не должая ни пенни,
До конца оставалась тверда
И боролась отчаянно Дженни.

Избѣгала больницы швея,
И ее миновала больница.
И склонялись надъ ложемъ ея
Двухъ подружекъ печальныя лица.

Не цвѣла ты роскошной красой;
Худошава, съ невзрачной фигурой,
Ты гордилась одною косою.
Этой длинной косы бѣлокурой

Не коснулась холодная сталь.
Мирно спишь ты—не въ общей могилѣ;
Гдѣ холмовъ растилается даль—
Подъ березкой тебя схоронили.

Конторщикъ.

Я смущенъ необычайно,
Я сегодня самъ не свой:
Утромъ видѣлъ я случайно
Сѣна клочъ на мостовой!

И клочекъ зеленый сѣна—
Онъ одинъ тому виной,
Что такая перемѣна
Совершается со мной.

Вижу садикъ нашъ и мызу,—
Нынче въ полѣ сѣнокосъ,

Плющъ зеленый по карнизу;
Слышу я жужжанье кося...

А на розахъ—сколько почекъ!
Какъ лепечуть ручейки!
—Въ люди выйдетъ нашъ сыночекъ.—
Тихо шепчуть старики.

Можетъ быть пойду я въ гору,
Но отдать я все готовъ
Для того, чтобъ въ эту пору
Тамъ съ косою по косою
Побродить среди цвѣтовъ!

Уличная торговка.

Кто на порогѣ вѣчности
Давно уже стоитъ—
Тотъ нашей безсердечности
Людской не избѣжить.

Обузою ненужною
Влачитъ онъ жалкій вѣкъ;
Старухою недужною
Была бѣдняжка Мегъ.

Съ грошевыми товарами
Бродя въ теченьѣ дня,
Она глазами старыми
Привѣтствуетъ меня.

Знакомство постепенное
Я съ нею завязалъ,
И слышу неизмѣнное:
— Не купите-ль пеналь?—

Пусть долгими кручинами
Бѣдняжку извело—
Лицо ея съ морщинами
Спокойно и свѣтло.

Но не старухой жалкою,—
Въ былыя времена
Тутъ въ паркѣ со скакалкою
Рѣзвилася она.

Позднѣе здѣсь дѣвицею
Гуляла чинно ты,
И въ сердцѣ вереницею
Роилися мечты...

Витали надъ головою
Мечты о счастьѣ, Мегъ,
И уличной торговкою
Ты здѣсь кончаешь вѣкъ.

Дѣтскій праздниѣъ.

(Фантазія).

Я шель и грезиль на яву,
И было мнѣ видѣнье:

Вездѣ увидѣлъ я траву,
Не сѣрые каменя.

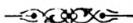
На мѣстѣ сумрачныхъ домовъ
И пыльныхъ троттуаровъ,
Предстали мнѣ ряды холмовъ,
И парковъ, и бульваровъ.

И видѣлъ я, что въ тѣнь садовъ
Спѣшать съ восторгомъ дѣти,
Въ пыли громадныхъ городовъ
Мечтавшія о лѣтѣ.

Среди травы—цвѣтовъ узоръ,
Гвоздики, незабудки...
Какъ разгорѣлся дѣтскій взоръ,
Какъ счастливы малютки!

Мнѣ снилось: неба бирюза,
Благоуханье сѣна,
И умиленія слеза,
Во взорѣ полисмена...

О, свѣжій лиственный навѣсъ,
Манящій и прохладный!
Увы! нѣтъ болѣе чудесь,
И это—сонъ отрадный.

З а б ы т о е п и с ь м о .

(«Изъ старосвѣтскихъ идиллій»).

Аустина Добсона *).

I.

«Au coeur blessé—l'ombre et
le silence». H. de Balzac.

Поблекшій вынулъ я листокъ
Иаъ ларчика съ рѣзбою,
Увядшій сорванный цвѣтокъ
Напомнилъ онъ собою.

Рукѳю небрежною не смятъ.—
Страничка старой были,—
Хранилъ онъ розы аромать
И тонкѳй запахъ пыли...

Присѣлъ я въ кресло у окна;
Въ лучахъ заката ярко
Мнѣ рисовалась глубина
Аллей старинныхъ парка.

Росла шпалерника стѣна
Такъ чинно и такъ прямо,
Какъ и въ быломъ, во времена
Голландскаго Вильяма.

*) А. Добсонъ, талантливый англѳйскѳй поэтъ, знатокъ старины. Краски его легки и ярки, а манера письма напоминаетъ живопись пастелью. Лиризмъ его исполненъ юмора. Приведенная здѣсь поэма взята изъ сборника «Старосвѣтскѳя идиллѳи», имѣвшего крупный успѣхъ.

Замысловатый свой узоръ
Хранили тамъ куртины,
И выпускали до сихъ поръ
Струи воды дельфины.

Попрежнему среди колоннъ,
Служившихъ богу храмомъ,
(Теперь безносый) Апполонъ
Все улыбался дамамъ,

Но, слѣдъ новѣйшей суеты
Повсюду обнаруживъ,
Какъ будто юныя черты
Изъ подъ старинныхъ кружевъ,

И въ этомъ мирномъ уголкѣ
Сквозила жизнь иная.
Валялся крокетъ на пескѣ,
Накидка кружевная,

Картинка модная... А вотъ—
Гамакъ въ древесной тѣни,
И тутъ же дремлетъ бѣлый котъ
И щурится отъ лѣни...

Въ глуши такого уголка
Любовь была бы раемъ!
Но страсть былая—далека,
Любовью мы играемъ.

Увы! не съ нынѣшняго дня,
Презрѣвъ ея обманы,

Къ иному рвемся мы, храня
И сердце, и карманы.

Я взялъ исписанный листокъ...
Былого обаянье
Повѣяло отъ этихъ строкъ
Наивнаго посланья.

2.

«Милый Джонъ (говорилось въ письмѣ),
«Знаешь самъ, никогда я не лгу,
«Ты одинъ у меня на умѣ,
«Но придти я теперъ не могу:
«Братъ уѣхалъ съ отцомъ въ Рогемптонъ,
«Мы съ сестрой—по хозяйству съ утра...
«Вотъ, пройдетъ сѣнокоса пора,—
«За обѣдней увидимся, Джонъ.

«Мы домой возвратимся пѣшкомъ,
«Какъ случалось и въ прежніе дни,
«Ты меня подождешь за лѣскомъ,
«Мили двѣ мы пройдемся одни,
«Полли наша отстанетъ какъ разъ,
«Братъ же по уши въ Китти влюбленъ,
«У бѣдняги, вѣдь, только и глазъ,
«Что для Китти одной, милый Джонъ.
«Щеголиха большая она:
«Ленты новыя, алый кушакъ...
«И при этомъ—важна... такъ важна!
«И надъ братомъ смѣется, да—какъ!
«Слишкомъ юнымъ ей кажется онъ:

*

«Ей бы надо постарше въ мужья...
«Но объ этомъ и самъ ты, и я,
«Вѣдь, иначе мы думаемъ, Джонъ?»

— — —
«Милый мой, ни любви, ни тоски
«Не знавала я раньше, но вѣрь,
«Что однимъ лишь пожатьемъ руки
«По недѣлѣ живу я теперь.
«Шлю въ письмѣ—угадаешь ли, что?
«Въ уголкѣ сохраняется онъ...
«Хочешь знать?.. Не скажу ни за что!
«Поищи и найдешь, милый Джонъ».

3.

Вотъ, что прочель я въ томъ письмѣ;
Поблекшяя страницы
Картинъ минувшаго въ умѣ
Рождаютъ вереницы.

— — —
Гдѣ эти дѣвичьи уста?
Гдѣ легкій слѣдъ лобзанья?
Душа ея была чиста,
Какъ розъ благоуханья.

— — —
Но слово, полное любви,
Посланье въ часъ разлуки
Кому оно досталось? Въ чьи
Оно попало руки?

— — —
У той, чья нѣжная рука
Писала эти строки

Утраты боль была тяжка,
Но чужды ей упреки.

Извѣстна мнѣ любовь твоя
Съ печальною судьбою,
И, какъ живую, вижу я
Тебя передъ собою.

Мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ знакома ты,
И старческаго лика
Я вижу тонкія черты:
Живой портретъ Ванъ-Дика.

Все выраженіе лица
Передо мной воскресло;
Оборки бѣлыя чепца,
Вольтеровское кресло...

Скользить улыбка по устамъ,
Но взоръ глядитъ куда то,
И словно что то видитъ тамъ,
Чему ужъ нѣтъ возврата.

Такъ, позабывъ о книгѣ той,
Которую читаемъ
Мы въ часъ заката золотой
Кузнечикамъ внимаемъ.

Не обручилась ты кольцомъ;
Покорно увядая,

Лишь горя тайнаго вѣнцомъ
Вѣнчалась ты, страдая.

—А Джонъ?—вы спросите.
Въ иномъ отвѣчу тонѣ,
И лучше мы не преминемъ
Совсѣмъ забыть о Джонѣ.

Изъ Теодора Уат

Три Фауста.

I.

Берліозъ.

Мнѣ грезились арфы волшебныя ал
И въ хорѣ созвѣздій, звучащемъ
Исполненъ напѣвъ ихъ былъ трепе
Ему, замирая, внимала плеяда.
Отторгнуть отъ солнца и свѣтлыхъ
Въ безбрежномъ пространствѣ ту

Онъ несся къ далекой и скорбной

*) Популярный англійскій поэтъ, весьма оригинальн
формѣ и содержанію, другъ Россети, Морриса
Лучшими его произведеніями считаются сонеты «
и «Natura maligna», а также эта трилогія,
попытку передать особенность музыки каждого
средствомъ музыки стиха.

Гдѣ, словно въ игрѣ прихотливой лица,
Смѣняются тѣни и свѣтъ безъ конца.
Въ себѣ воплощаютъ явленія эти
Печали и радость. Къ землѣ долетѣвъ,
Въ рыданьяхъ и смѣхѣ тамъ замеръ напѣвъ—
Могучій, какъ въ бурю—напѣвъ океана.
И думалъ я:—Слыша тебя, Берлиозъ,
Печалюсь о томъ я, что міръ изъ тумана
Создатель нашъ вызвалъ для муки и слезъ.

2.

Гуно.

Мнѣ грезились арфы земли золотыя.
Когда вдохновенной своєю струной
Онѣ задѣвали ткань жизни земной,—
Утокъ и основа, чудесно свитыя,
Звучали отвѣтомъ на пѣсни святыя,
Чьей силою созданъ былъ нѣкогда міръ
И сонмомъ созвѣздій усѣянъ эфиръ.
Въ тотъ мигъ я душою парилъ вдохновенно,
И плоть, замеревъ, трепетала блаженно.
Когда же звучала иная струна,
Земнымъ вождельнѣемъ и страстью полна,
И духъ мой, не слыша напѣвовъ небесныхъ,
Спускался надъ бездной на крыльяхъ тѣлесныхъ,
—Гуно,—говорилъ я,—вотъ—пѣсня сирень,
Но гибель нашедшій въ той пѣснѣ— блаженъ.

3.

Шуманъ.

Мнѣ грезились арфы волшебныя рая,
И въ хорѣ созвѣздій, звенѣвшемъ вокругъ,
Былъ трепетомъ радости полонъ ихъ звукъ,—
Любовью; какъ свѣтомъ, весь міръ озаряя,
Безжалостной смерти порывы смиряя.
И радуги арку, какъ мостъ въ вышинѣ,
Надъ бездною ада воздвигли онѣ:
Изъ слезъ умиравшихъ, чье сердце разбито.
Изъ слезъ, что лила не одна Маргарита,
Но множество душъ, погруженныхъ во мглу,
И множество душъ, обрекаемыхъ злу,
И множество душъ побѣжденныхъ борьбою.
—О, Шуманъ,—я молвилъ,—воспѣты тобою
Тѣ слезы людскія, чей отблескъ затмилъ
Сіянье лазурныхъ архангельскихъ крылъ.

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Г. Гейне.

Мушкетъ.

О лѣтней ночи грезилъ я во снѣ.
Передо мной—добыча разрушенья,
Безмолвныя виднѣлись при лунѣ
Развалины эпохи Возрожденья.

Кой гдѣ столбы дорическихъ колоннъ
Нетронуты вздымались изъ праха
И съ вызовомъ глядѣли въ небосклонъ,
Не вѣдая предъ молніями страха.

Разбитые—вездѣ лежали здѣсь
Фронтонъ рядъ, порталъ, оббитый лавромъ,
И статуи—людей съ звѣрями смѣсь:
Сатиры, сфинксъ съ химерой и центавромъ.

Изъ мрамора виднѣлся саркофагъ,
Нетронутый подъ грудю развалинъ,
И въ немъ мертвецъ, съ покорностью въ чертахъ,
Покоился, недвиженъ и печаленъ.

Тотъ саркофагъ съ усиленъмъ большимъ
Кариатидъ толпа приподнимала;
На цоколѣ высокомъ и надъ нимъ
Лѣпныхъ фигуръ виднѣлося не мало.

Съ разгульною толпой своихъ боговъ
Являлся тамъ Олимпъ во всемъ величѣ,—
Адамъ и Ева—въ поясъ изъ листовъ
Облечены стыдливо, для приличья.

Тамъ былъ Парисъ, Еленою плѣненъ,
И Гекторъ самъ въ вооруженѣ бранномъ;
Вотъ Моисей, а рядомъ—Ааронъ,
Юдиѣ, Эсфиръ и Олофернъ съ Аманомъ.

Вотъ богъ—Амуръ, Меркурій, Аполлонъ,
Вулканъ, супругъ красавицы Венеры,
Пріапъ и Вакхъ съ Силэномъ, и Плутонъ
Съ похищенною дочерью Цереры,

Вотъ и осель краснорѣчивый тотъ,
Который везъ когда-то Валаама,
Упившійся съ дѣтьми своими Лоть
И жертвоприношенъ Авраама.

Вотъ голова Крестителя видна,—
Ее несутъ царю Иродіада...
Апостоль Петръ съ ключами, Сатана
И грѣшники во тѣмѣ кромѣшной ада.

Тамъ не одинъ изящный барельефъ
Изображалъ Юпитера побѣду,
И царь боговъ, Данаей овладѣвъ,
Преслѣдовалъ, подъ видомъ птицы, Леду,

Со свитою Діана мчится въ лѣсъ
На дикій ловъ, при громкихъ звукахъ рога,
И женщиной одѣтый Геркулесь,
Прядетъ кудель смиренно у порога.

Вотъ и народъ Израіля. Тельцамъ
Приноситъ онъ моленіе, какъ Богу;
Объ истинѣ вѣщаетъ мудрецамъ
Христось-Дитя, пришедшій въ синагогу.

Здѣсь—элинскій и іудейскій духъ;
Подчеркнуты контрасты очень рѣзко,
И только плющъ, обвившійся вокругъ,
Ихъ обрамляетъ общей арабеской.

Межъ тѣмъ, какъ я глядѣлъ вокругъ себя,
Сознаніемъ душа была объята,
Что тотъ мертвецъ—не кто иной, какъ я,
Мертвецъ въ гробу, украшенномъ богато.

Тутъ въ головахъ замѣтилъ я цвѣтокъ;
Загадочный—лиловый съ золотистымъ,
Онъ страненъ былъ, но каждый лепестокъ
Проникнуть былъ очарованьемъ чистымъ.

Въ ту ночь, когда лилася кровь Христа
(Въ народѣ есть преданіе объ этомъ)—
Впервые онъ расцвѣлъ въ тѣни креста
И потому зовется *страстоцветомъ*.

Какъ будто бы въ застѣнкѣ палача,
На немъ видны орудья мукъ Христовыхъ:
Все, отъ креста, веревокъ и бича,
До молота—съ вѣнцомъ изъ иглъ терновыхъ.

Такой цвѣтокъ, мой осѣняя гробъ,
Какъ женщина, склонялся къ изголовью;
Онъ цѣловалъ глаза мои и лобъ,
И руки мнѣ онъ цѣловалъ съ любовью.

О, чары сна! Цвѣтокъ лиловый въ мигъ
Чудесное постигло превращенье:
Я въ немъ узрѣлъ любимый женскій ликъ.
Она, она! Въ томъ не было сомнѣнья.

Тебя узналъ въ лобзаньяхъ я твоихъ,
Ты надо мной рыдала безнадежно.
Нѣтъ у цвѣтовъ горючихъ слезъ такихъ
И такъ цвѣты лобзать не могутъ нѣжно!

Хотя открыть не въ силахъ быть очей,
Но милый ликъ я созерцалъ духовно;
Блѣдна, какъ тѣнь, въ сіяніи лучей
Ты надо мной склонялася любовно.

Молчали мы, но думы всѣ твои
Угадывалъ я сердцемъ—и желанья;
Нѣтъ прелести въ обмѣнѣ словъ любви,
Цвѣтокъ ея—стыдливое молчанье,

Чарующій, безмолвный разговоръ!
Повѣрять ли, что въ дивномъ созерцаньѣ,
Какъ сонъ любви, какъ свѣтлый метеоръ,
Промчалась ночь блаженства и страданья!

Что молвили мы оба въ тишинѣ—
Не спрашивай! Пускай волна отвѣтитъ,
О чемъ она журчитъ другой волнѣ?
Спроси, зачѣмъ червякъ во мракѣ свѣтитъ?

О чемъ листва шепталась съ вѣтеркомъ?
Зачѣмъ цвѣты благоухаютъ лѣтомъ?
Но что другъ другу молвили съ цвѣткомъ
Мертвецъ его—не спрашивай объ этомъ.

И долго ль я, покоясь въ гробу,
Блаженствовалъ въ отрадномъ сновидѣньѣ—
Не знаю самъ, но я молилъ судьбу
Продлить на вѣкъ мое успокоенье.

О, смерть! Лишь тамъ, въ могильной тьмѣ твоей,
Мы счастья вполнѣ узнаемъ сладость;
Порывъ, борьбу безумную страстей—
Жизнь выдаетъ обманчиво за радость.

Но—горе мнѣ! Прервался дивный сонъ:
Послышался внезапно шумъ ужасный,
И мой цвѣтокъ спугнулъ собою онъ,—
Встревоженъ имъ, исчезъ цвѣтокъ прекрасный.

Возня и крикъ, проклятья, цѣлый адъ!
Прислушавшись къ бесплодному раздору,
Я понялъ тутъ, что барельефовъ рядъ
Затѣялъ вдругъ отчаянную ссору.

Воскресшіе изъ мрамора—опять
Заспорили два вражескіе стана,
И Моисей спѣшилъ перекричать
Проклятьями языческаго Пана.

Пока живетъ и дышетъ человѣкъ—
Споръ двухъ началъ продлится—безпредѣленъ:
Здѣсь Истина съ Красою спорить вѣкъ,
И съ варваромъ не примирится Элинь.

Такъ я внималъ потоку бранныхъ словъ,
Но вдругъ среди отчаяннаго гама,
Всѣхъ заглушилъ—и смертныхъ, и боговъ—
Осель, что везъ когда-то Валаама.

Мнѣ слухъ терзаль его глупѣйшій ревъ;
Я всей душой невольно возмутился,
Почувствовавъ неуправимый гнѣвъ,
Я вскрикнулъ самъ—и сразу пробудился!

I.

Пѣвецъ Германіи! Народу
Воспой германскую свободу,
Душою нашей овладѣй!
Какъ звукомъ марша боевого,
Сзывай для подвига благого—
Могучей пѣснею своей.

Не хнычь, какъ Вертеръ, цѣлью жизни
Шарлотту сдѣлавшій! Въ отчизнѣ
Все то, что колоколь вѣщаль—
Провозгласи передъ толпою,
И рѣчь твоя пускай собою
Разить, сверкая, какъ кинжалъ!

Конецъ идилліи прекрасной!
Не будь цѣвницей сладкогласной,
Трубою будь въ родномъ краю.
Греми, какъ громъ, своею рѣчью;
Будь грозной пушкой, будь картечью,
Труби, рази, круши въ бою!

Круши, рази, какъ грозный мститель
Пока послѣдній притѣснитель
Еще упорствуетъ въ борьбѣ.
Служи лишь въ этомъ направленьѣ,—
И откликъ вѣрный пѣснопѣнья
Во всѣхъ сердцахъ найдутъ себѣ.

2.

Подъ траурнымъ парусомъ челнъ мой
Уносится въ бурное море;
Ты знаешь, вакъ я опечаленъ,
И все жъ причиняешь мнѣ горе.

Ты сердцемъ измѣнчивѣй вѣтра,
Шумящаго тамъ на просторѣ.
Подъ траурнымъ парусомъ челнъ мой
Уносится въ бурное море.

3.

Надъ побережьемъ сумракъ ночи
Опустился въ тишинѣ;
Выплыль мѣсяцъ изъ-за тучи,
Говорить волна волнѣ:

— Этотъ путникъ—онъ безумецъ,
Или, можетъ быть, влюбленъ?

Онъ и весель, и печалень,
И грустить и счастливъ онъ.—

— — —
Съ высоты смѣется мѣсяцъ,
Звонко молвить онъ въ отвѣтъ:
— Онъ—безумецъ и влюбленный,
Да и сверхъ того—поэтъ!

— — — — —
Zum Kazarus.

I.

Въ тебѣ—мой духъ и мысль моя;
Бѣжать ихъ—было бы напрасно,
Иначе чувствовать, чѣмъ я,
Иначе думать ты не властна.

— — — — —
Не всюду ль духа моего
Ты ощущаешь дуновенье?
Отъ ласкъ и шопота его
Тебѣ и въ грезахъ нѣтъ спасенья.

— — — — —
Во тьмѣ лежу я гробовой,
Но онъ живетъ: въ твое сердечко
Забравшись, словно домовой,
Онъ свиль укромное мѣстечко.

— — — — —
Оставь ему его пріютъ:
Повѣрь, среди любого края,

Въ глуши Японіи, Китая—
Съ тобой онъ будетъ тутъ какъ тутъ.

Бѣжать не пробуй же напрасно.
Въ тебѣ мой духъ и мысль моя,
Иначе чувствовать, чѣмъ я,
Иначе мыслить ты не властна.

2.

У кого въ груди есть сердце,
Сердце, гдѣ живетъ любовь,
Тотъ—сраженъ на половину
И, какъ я, не встанетъ вновь.

Я лежу въ цѣпяхъ и узахъ,
А умру я—въ тотъ же мигъ,
Опасаясь обличеній,
Люди вырвутъ мнѣ языкъ.

Молча я сойду въ могилу,
Даже тамъ, въ странѣ иной,
Я не выдамъ злодѣяній,
Совершенныхъ надо мной.

3.

Въ порывѣ гнѣва и тоски
Въ ночи сжималь я кулаки...
Увы, рука моя слаба,
И не подъ силу мнѣ борьба.

Жестоко духъ мой пораженъ
И я умру неотомщенъ,
И кровный другъ, возставъ за честь,
Не совершитъ святую месть.

Увы! Не кровнымъ ли друзьямъ
Я гибелью обязанъ самъ!
Ихъ вѣроломство и обманъ—
Виной моихъ смертельныхъ ранъ.

Рукою близкихъ, какъ Зигфридъ,
Я былъ предательски убитъ;
Узнать легко бываетъ имъ,
Гдѣ смѣлый витязь уязвимъ.

* * *

Образъ сфинкса надѣленъ
Всѣми женскими чертами,
Лишь придатокъ для него—
Тѣло львиное съ когтями.

Смерть и сумракъ! Въ этомъ, сфинксъ,—
Вся загадка роковая,
И труднѣйшей не рѣшалъ
Иокасты сынъ и Лайя.

*

Къ счастью, женщинѣ самой
Дать разгадку не подь силу,
А иначе—цѣлый міръ
Превратился бы въ могилу.

* *
*

Мы топчемъ головки цвѣтовъ полевыхъ,
Путемъ проходя торопливымъ,
Спастись удается немногимъ изъ нихъ—
Смирненнымъ и дерзко спѣсивымъ.

Покоится жемчугъ, зарытый въ песокъ,
Но люди, которымъ онъ нуженъ,
И ловятъ, и нижутъ на тонкій шнурокъ
Добычу изъ цѣнныхъ жемчужинъ.

Лишь мудрыя звѣзды не вѣрятъ землѣ,
Среди голубого эфира
Они неотступно сияютъ во мглѣ,
Какъ вѣчные факелы міра.

* *
*

Пускай присяжными разсудна
Не признана твоя вина,
И предо мною, о малютка,
Ты даже словомъ не грѣшна.

Пусть—равнодушна, безучастна—
Не раздувала ты огня,
Но я взываю не напрасно,
Тебя въ душѣ моей вина.

Немолчный голосъ надъ собою
Въ полночныхъ грезахъ слышу я,
И говоритъ онъ, что тобою
Вся жизнь загублена моя.

И онъ громить тебя сурово,
Приводитъ множество уликъ,
И обвиняющее слово
Съ зарею лишь смолкаетъ вмигъ.

Оно скрывается глубоко
Въ душѣ моей, и знаю я,
Одно мнѣ ясно, что жестоко
Вся жизнь загублена моя.

Н. Ленау.

Пѣсни въ камышахъ.

І.

Солнце красное зашло,
Засыпаетъ день тоскливо,

Тамъ, гдѣ тихій прудъ глубокъ—
Надъ водой склонилась ива.

Какъ безъ милой тяжело!
Лейтесь слезы молчаливо!
Грустно шепчетъ вѣтерокъ,
Въ камышахъ трепещетъ ива.

Грусть тиха и глубока,
Свѣтель образъ твой далекій:
Такъ звѣзду межъ ивняка
Отражаетъ прудъ глубокой.

2.

Сумракъ, тучи... Гнется ива,
Дождь шумитъ среди вѣтвей,
Плачетъ вѣтеръ сиротливо:
Гдѣ же свѣтъ звѣзды твоей?

Ищетъ онъ звѣзды сіянье
Глубоко на днѣ морей;
Не заглянетъ въ глубь страданья
Кроткій свѣтъ любви твоей.

3.

Къ берегамъ тропой лѣсною
Я спускаюсь въ камыши,
Озаренные луною—
О тебѣ мечтать въ тиши.

Если тучка набѣгаетъ—
Вѣтра вольнаго струя
Въ камышахъ во тмѣ вздыхаетъ
Такъ что плачу, плачу я!

Мнится мнѣ, что въ дуновеньѣ
Слышу голосъ твой родной,
И твое струится пѣнье
И сливается съ волной.

4.

Заклубились тучи,
Солнечный закатъ...
Вѣтеръ убѣгаетъ,
Трепетомъ объять.

Дико блескомъ молній
Сводъ изборожденъ,
Образъ ихъ летучій—
Влагой отраженъ.

Мнится, что стоишь ты
Смѣло подъ грозой,
Что играетъ вѣтеръ
Длинною косой.

5.

Надъ прудомъ луна сіяетъ,
И въ вѣнокъ изъ камышей

Розы блѣдныя вполетаеъ
Серебро ея лучей.

То оленей вереница
Пробѣжить въ ночной тиши,
То проснется, вздрогнувъ, птица—
Тамъ, гдѣ гуще камыши.

Тихій трепетъ умиленья
И покорности судьбѣ;
Какъ вечернее моление,
Въ сердцѣ—память о тебѣ.

Зимней ночью.

I.

Отъ стужи воздухъ весь застылъ,
Хрустѣнье снѣга—подъ ногами,
Морозъ дыханье захватилъ,
Иду—поспѣшными шагами.

Молчить торжественно просторъ,
И—словно самъ себя хоронить—
При лунномъ свѣтѣ старый боръ
Къ землѣ устало вѣтви клонить.

Морозъ, мнѣ сердце остуди
Съ его волненіемъ и зноемъ,

Пускай заснетъ оно въ груди,
Объято мертвеннымъ покоемъ.

2.

Чу! Воетъ волкъ въ лѣсной глуши,
Какъ дѣти мать въ родномъ жилищѣ—
Онъ будить ночь въ ея тиши
И требуетъ кровавой пищи.

Отчаянно чрезъ ледъ и снѣгъ
Несутся вѣтры въ вихрѣ дикомъ,
Какъ будто бы ихъ гребетъ бѣгъ.
Проснись, о сердце, съ дикимъ крикомъ!

Пускай мученій темныхъ рой,
Пусть призраки твои проснутся
И съ вьюгой сѣверной несутся—
Безумной тѣшиться игрой!

Лѣсная часовня.

1.

Темнѣетъ лѣсъ, шумя вокругъ поляны,
И сѣрая гора глядитъ изъ тьмы,
Вѣщаютъ листь засохшій и туманы
О постепенномъ шествиі зимы.

Исчезло солнце въ облакѣ угрюмо,
Прощальный взоръ не кинули лучи,

Природа смолкла, и томить въ ночи
Ее о смерти тягостная дума.

Гдѣ дубъ шумить внизу горы высокой
И плачетъ ключъ студеною волной—
Встрѣчаюсь я со стариной глубокой:
Заброшенной часовнею лѣсной.

Гдѣ тѣ, чья пѣснь неслась когда-то къ Богу
Изъ стѣнъ ея, суля забвенью бѣдъ
И жребія житейскаго тревогу?
Гдѣ всѣ они? Ушли за пѣсню вслѣдъ.

2.

Чу! Странный крикъ нарушилъ вдругъ мол-
чанье.
Въ стѣнахъ пустыхъ не прозвучалъ ли онъ?
Кто такъ кричить, что трепеть содраганья
Въ душѣ моей рождаетъ этотъ стонъ?

— Тебѣ, Творецъ, поемъ хвалы, ликую!—
Раздался смѣхъ, и стихло все кругомъ,
Но грянулъ вновь отступникъ—Аллилуйя!—
И прогремѣлъ злой хохоть, словно громъ.

Вотъ онъ бѣжить—пугливо, безъ раздумья,
Съ лица рукою пряди отстранивъ;
Взоръ изступленъ и дико боязливъ:
Блуждающій огонь во тьмѣ безумья!

Онъ въ дѣсь бѣжитъ, гдѣ въ сумракѣ дубовъ
Шуршать листы сухіе подь ногами.
Чего онъ ждетъ? Не звука ли шаговъ?
И, слышу, плачетъ тихими слезами.

«Проходить все!» Шурша ему скажи
О, блеклый листъ, объ этомъ въ утѣшенъе!
Путь кроткой смерти духу укажи,
Шепни ему, что въ ней его—спасенъе.

Грусть тихая въ долинѣ разлилась,
Луна взошла на праздникѣ прощальномъ,
И льнуть лучи серебристые, струясь,
Къ останкамъ лѣта—мертвенно печальнымъ.

Но какъ слаба увядшая листва!
И лунный лучъ сдержать она не въ силахъ:
Дрожить подь нимъ и падаетъ мертва
Она во прахъ съ нагихъ вѣтвей унылыхъ.

Съ улыбкой горькой, блѣденъ, одинокъ,
Глядитъ безумецъ въ небо молчаливо.
Его задѣтъ боится вѣтерокъ,
И лунный лучъ бѣжитъ передъ нимъ пугливо,

Такъ тонетъ онъ—безумья дикій взглядъ
Въ томъ ясномъ, ровномъ, неизмѣнномъ мирѣ,
Съ какимъ текутъ созвѣздія въ эфирѣ.
Печальнѣе есть зрѣлище наврядъ.

За что навѣкъ безумья грозной тьмою
Пути его ты омрачаешь, рокъ?
Чѣмъ согрѣшилъ несчастный, что тобою
Былъ изъ души его исторгнутъ Богъ?

3.

Онъ полюбилъ. За много лѣтъ, счастливый,
Однажды здѣсь съ возлюбленной онъ шелъ,
И въ сумракѣ дубравы молчаливой
Ее къ лѣсной часовнѣ онъ привелъ.

Они вошли, склонились ихъ колѣна;
Струясь въ окно, заката лучъ алѣлъ,
И вмѣстѣ съ ней молился онъ смиренно
И вдалекѣ рожокъ пастушій пѣлъ.

Торжественно поднявъ для клятвы руку,
Съ волненіемъ промолвила она:
— Да обречетъ меня Господь на муку,
Когда въ любви не буду я вѣрна.—

Пылалъ закатъ все ярче, все чудеснѣй—
Съ его святой любовью наравнѣ.
Пастушья пѣснь звучала райской пѣсней
Среди лѣсной долины въ тишинѣ.

Но былъ забыть онъ для другого вскорѣ:
И принялъ тотъ съ обѣтомъ лживымъ устъ
И поцѣлуй, что также лживъ и пусть.
Съ нимъ подъ вѣнцомъ стоитъ она въ уборѣ.

И не смотря на клятвенный обманъ,
Вся жизнь ея въ забавахъ неизмѣнно
Съ тѣхъ поръ течетъ предъ Богомъ дерзновенно,
Которому обѣтъ былъ ею данъ.

За это ли безумья грозной тьмою
Пути его ты омрачаешь, рокъ?
За это ли безжалостно тобою
Быль изъ души его исторгнутъ Богъ?

И онъ клянеть—отчаяннѣй, грѣховнѣй—
Тамъ, гдѣ склонялъ колѣни онъ съ мольбой.
Вотъ почему, терзаемый тоской,
Изгнанникомъ онъ бродитъ предъ часовней.

Д. Лиліенкронъ.

Въ лѣсу.

«Пять дней голодаю, скитаюсь, но мнѣ
«Работы нигдѣ нѣтъ въ родной сторонѣ.
«Брожу, собираясь, изъ дома я въ домъ.
«Чтобъ вымолить черстваго хлѣба съ трудомъ».

Что держитъ бѣднякъ подмастерье въ рукѣ?
Что тихо скатилось по блѣдной щекѣ?

Зачѣмъ безнадежно, сквозь листьевъ узоръ,
Блуждаетъ отъ дерева къ дереву взоръ?

А солнце сіяетъ, кругомъ—тишина,
И только малиновки пѣсня слышна.
Но дубъ у опушки дрожитъ... Отчего?
Исчезъ человѣкъ межъ вѣтвями его.

Веревку съ убогаго снявъ узелка,
Накинула петлю на шею рука.
Повисъ онъ,—и быстро свершенъ переходъ:
Сегодня онъ видѣлъ послѣдній восходъ.

Свѣтаетъ... Блеститъ на деревьяхъ роса,
Какъ прежде, повсюду—и жизнь, и краса,
Воркуетъ, встрѣчая зарю, голубокъ,
Въ вѣтвяхъ безучастно шумитъ вѣтерокъ.

Проходитъ лѣсничій. Мертвецъ межъ вѣтвей?
Разрѣзанъ веревочный узелъ... Живѣй!
Идетъ заявить онъ объ этомъ властямъ,
Жандармы, народъ—собираются тамъ.

Судейскій въ перчаткахъ дознаться спѣшитъ:
Съ корыстной ли цѣлью бродяга убить?
И тѣло въ участокъ относить; потомъ
Въ оврагъ зарожь его подъ кустомъ.

Подъ номеромъ триста десятымъ внести
Пришлось его въ книгу. Треть стамъ девяти

Такую же долю рокъ злобный судиль...
Кто въ міръ знавалъ ихъ, и кто ихъ любиль?

1.

Забытый.

Вторую ночь, второй ужъ день
Лежить во ржи солдатъ забытый
И кровью ранъ своихъ покрытый.
Надъ нимъ—колосьевь спѣлыхъ сѣнь.

Въ груди---предсмертное томленье.
Возвелъ онъ взоры въ небеса.
Что это? Сонъ? Звенить коса,
Работа, мирное селенье...

Больной напрягъ и взоръ, и слухъ.
Нѣтъ, не видать села родного!
Онъ головою никнетъ снова,
И отлетаетъ скорбный духъ.

2.

Побѣда.

Розы дикія обвили
Наготу кровавыхъ ранъ,

О побѣдѣ возвѣстили
И труба, и барабанъ.

Полночь... Ужасъ безпредѣльный...
Бой въ деревнѣ былъ жестокъ,
Много рукъ въ тоскѣ смертельной
Рвутъ траву... Воды глотокъ!

Утро. Ямы роковыя,
Мертвецовъ не перечестъ!
Съ вѣтромъ трубы полковыя
Разнесутъ побѣды вѣсть.

Различными путями.

Мы разошлись не съ нынѣшнихъ времянь,
Твой стягъ—иной, я добивался съ бою
Лишь обладанья вражескихъ знамень,
Ты—благъ мірскихъ, и міръ—одно съ тобою.
Ты праотцевъ оберегаешь сонъ,
А я судьбу кую своей рукою,
Ты—вѣтеркомъ, я—бурей вдохновлень,
Моя—борьба, предайся ты покою!

Роландовъ рогъ.

Изъ подъ десятковъ копій, пронзившихъ грудь
героя—
Роландъ освобождаетъ одну изъ мощныхъ рукъ,

И рогъ къ устамъ подносить и здѣсь, въ долину
боя

Предсмертною мольбою несется рога звукъ.
Но нѣтъ вождю отвѣта: всѣ выбыли изъ строя
И падаетъ онъ снова среди предсмертныхъ мукъ...
Такъ—гибнущимъ я видѣлъ не одного героя
И слышался изъ мрака предсмертный рога звукъ.

Мертвая зыбь.

До дна морскую бездну ураганъ
Перевернулъ:
До тѣхъ высотъ, гдѣ—звѣздный караванъ
Волной плеснулъ.

Вихрь—исполинъ лишь слабымъ вѣтеркомъ,
Съ зарею сталъ,
И отъ него зыбь ходитъ ходуномъ,
Какъ прежде—валь.

Безумствовалъ отъ счастья иль тоски
Морской просторъ?
«Зыбь мертвая»—такъ молвятъ моряки
Съ давнишнихъ поръ.

Въ тебѣ, поэтъ, покуда страсть кипитъ
И жгутъ тебя
Восторгъ, любовь, отчаянье иль стыдъ—
Ты—виѣ себя.

Но пыль и гнѣвъ съ ихъ бурною волной
Смѣняетъ дрожь;
Въ крови волненье стихнетъ, и покой
Ты обрѣтешь.

Какъ садоводъ, лелѣять станешь ты
Цвѣтовъ ростки,
Твоихъ стиховъ, твоихъ поэмъ листы—
Твои вѣнки.

Крикъ.

О, если бы теперь въ глухую осень
Умчаться въ лѣсъ, гдѣ свищетъ ураганъ,
Гдѣ на меня, изъ за щита изъ сосенъ,
Несется въ пѣнѣ загнанный кабанъ!

О, если бъ я на кораблѣ корсаровъ
Былъ рулевымъ, при шумѣ волнъ ночныхъ!
Блестить гарпунъ, готовый для ударовъ
И ждетъ толпа товарищей моихъ...

О, еслибъ я рукою стягъ сжимая,
На взмыленномъ конѣ былъ впереди,
Побѣдный путь свободѣ пролагая,
Хотя стрѣла дрожить въ моей груди!

Какъ тягостно мнѣ пѣть какъ бесполезно
Для мелкихъ душъ, погрязшихъ въ суетѣ!

Пусть жаворонокъ рвется къ высотѣ,
Пушкой поэта поглощаетъ бездна!

I.

Ожиданіе.

На стѣны, ворота и башенный ровъ,
На темныя сосны—ложится
Отъ факеловъ дымныхъ пурпурный покровъ,
Отъ стяговъ мерцанье струится.

На башнѣ красавица смотритъ впередъ,
Разносятся по вѣтру рѣчи:
— Мой милый ушелъ въ нидерландскій походъ
Ушелъ онъ въ кровавыя сѣчи!—

Ей грезится бой и ликующій кличь,
Блится кольчуга литая,
Въ лѣсу же кричитъ надъ опушкою сычь,
Скатилась звѣзда золотая.

Печальное утро чуть брежитъ вдали,
Какъ много на свѣтѣ кручины!
Кого же на копьяхъ они принесли?
Кто мертвымъ найденъ средъ равнины?

2.

Въ бою.

Завязанъ мною бой опасный
И звонъ щита—не арфы звонъ,
И не Мадонны ликъ прекрасный
На томъ щитѣ изображень.

Мой мечъ съ врагомъ покончилъ тѣмъ,
Кто сбить съ сѣдла меня пытался,
Я молніей ударилъ въ шлемъ—
На мѣстѣ мертвымъ онъ остался.

Моей свободѣ онъ грозилъ,
И я теперь свободенъ снова
И беззаботно осушилъ
Мой мечъ о гриву вороного!

3.

* * *

Плитую каменной зачѣмъ въ его отчизнѣ
Вы украшаете могильный холмъ пѣвца?
Каменьями въ него бросали вы при жизни
И злобою къ нему пылали въ вась сердца.

На мраморной плитѣ—зачѣмъ вѣнокъ лавровый?
Любовь, одна любовь горѣла въ немъ свѣтло.
Прекраснѣйшій изъ всѣхъ вѣнковъ—терновый,
Который украшалъ Спасителя чело.

Музыканты идутъ.

Клинкъ-линкъ, бумъ-бумъ и чингда дахъ!
Не ѣдетъ ли персидскій шахъ?
Грохочуть трубы за угломъ,
Какъ въ судный день: и звонъ, громъ!
Вотъ бубень и трещетки.

Брумъ-брумъ! А вотъ большой тромбонъ,
Кларнетъ съ корнетомъ а пистонъ;
Вотъ гобоистъ и литавристъ,
И барабанщикъ, и флейтистъ.
А вотъ и самъ начальникъ.

Шагаетъ гордо капитанъ,
Охваченъ шарфомъ стройный станъ,
Подъ подбородкомъ—ремешки.
Кой чортъ! Служить—не пустяки.
А вотъ и лейтенанты.

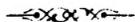
Въ лицѣ загаръ съ румянцемъ слить,
Они при знамени—какъ щить.
Снимайте шапки передъ нимъ!
До гроба всѣ мы знамя чтимъ.
А вотъ и гренадеры.

Разъ-два! Разъ-два! Ихъ шагъ тяжелъ.
И гуль, и лязгъ, и звонъ пошелъ.

Отъ ихъ шаговъ земля дрожить
И въ фонаряхъ стекло звенить
А вотъ еще дѣвчонки.

Дѣвчонки... Цѣлый рядъ головъ
Въ окнѣ, въ дверяхъ, изъ за угловъ...
Какъ лень—ихъ волосы въ косѣ.
Тутъ Мина, Трина, Стина—всѣ!
Но музыка проходить.

Клинкъ-линкъ, чингъ-чингъ... Издалека
Еще доносится слегка.
Все тише... Чингъ! Бумъ-бумъ! Далекъ—
Не скрылся-ль пестрый мотылекъ,
Чингъ-бумъ! за поворотомъ?

Принцъ Эмиль Ф. Шенаихъ- Каролатъ.

I.

Возвращеніе.

Родной мой городъ—среди долины,
Гдѣ въ половодье шумить рѣка,
Вернулся нищимъ я изъ чужбины,
Хотя въ мозоляхъ—моя рука.

Хотѣлъ съ мошною туго набитой
Прийти я къ милой издалека,
Вдоль улицъ ходитъ лишь вихрь сердитый,
Встрѣчаетъ пѣсней онъ бѣдняка.

Тяжелъ чрезъ рѣку былъ путь у брода,
Рѣка—въ разливѣ и ночь темна;
Слыхалъ дорогой я отъ народа,
Что позабыла меня она.

2.

У алтаря.

Восходить день. Какъ хорь-многоголосны,
Ручьи гремя сбѣгаютъ въ глубь долинъ,
И буйный вихрь къ рѣкѣ склоняетъ сосны,
Шумя среди ихъ царственныхъ вершинъ.

Пошли, Господь, день ведренный! Отраднo
Ласкаетъ мнѣ чело разсвѣта лучъ.
Мой духъ, разбитый бурей безпощадно—
Къ тебѣ туда стремится—выше тучъ.

Миръ въ большинствѣ живеть въ полусознаньѣ,
Людей манятъ избитыя тропы,
Дано имъ въ мѣру счастье и страданье;
Но одного коснувшись средь толпы—

Ты все отнявъ; что онъ любилъ глубоко,
Ведешь его въ высокій храмъ, гдѣ онъ

Стоять на стражѣ долженъ одиноко
Въ сѣньѣ дня, подѣ бурю времянъ.

Любовь моя пусть будетъ не безплодной,
Пусть въ сердцѣ у меня она растетъ,
Чтобъ стать вождемъ, звѣздой путеводной,
Что всѣхъ людей на высоту ведетъ.

Пусть даромъ не исходитъ сердце кровью,
Казни его страданьемъ тяжело,
Чтобъ цѣлый мѣръ оно своей любовью
Животворить и осѣять могло.

Пусть та любовь разбитая Тобою
За то что я одну любилъ, Творецъ—
Охватить цѣлый мѣръ волной живою,
И я скажу:—я жилъ, и я—пѣвецъ!—

3.

И ты!..

Отъ подвига святого,
Отъ битвъ и ты ушелъ,
Довольства золотого
Тропою ты пошелъ.

Простая съ борьбой и горемъ,
Душа твоя—ясна,
Разставшая съ моремъ
Гигантская волна.

Она въ порывѣ бурномъ
Плеснувъ изъ береговъ,
Теперь прудомъ лазурнымъ
Лежить среди луговъ.

Весна его осокой
Цвѣтушей убрала,
Порой изъ тьмы глубокой
Слышны колокола...

Надъ нимъ ольха киваетъ
У сонныхъ береговъ,
Но бурь въ немъ не бываетъ
И нѣтъ въ немъ жемчуговъ.

4.

Пѣсенка.

Полюбишь ты, но если ей
Другой милѣй—совѣту
Тогда послѣдуй ты: скорѣй
Ступай бродить по свѣту.

Красавицъ полонъ каждый край,
Бѣлы иль смуглолицы—
Онѣ цвѣтутъ, какъ въ мѣсяцъ май—
Кусть розъ въ лучахъ денницы.

Кто выбралъ новые пути
Въ горахъ и по долинамъ—

Тотъ можетъ счастье вновь найти:
Клинъ вышибаютъ клиномъ.

А способъ этотъ не помогъ —
Стань честнымъ капуциномъ!
Когда жъ нейдутъ молитвы въ прокъ—
Тогда прибѣгни къ винамъ.

Пируй, — и съ пьяною гурьбой
Рубись въ отвагѣ дикой.
Но лучше если бы съ тобой
Ландскнехтъ покончилъ пикой!

А нѣтъ—знай, пей, но за порогъ
Швырни всѣхъ безъ зазрѣнья,
Кто вымолвить безстыдно могъ,
Что въ мірѣ есть забвенья!

Когда полюбишь ты, но ей
Другой милѣй—объ этомъ
Чтобъ не тужить—ты поскорѣй
Разстанься съ бѣлымъ свѣтомъ!

5.

Изъ „Фатимы“.

I.

Корабль, стремящійся къ родимой сторонѣ,
Усталая душа, что рвется къ тишинѣ,

Исполнится иль нѣтъ ихъ тайное стремленье—
У пристани одной найдуть отдохновенье.
Есть въ сердцѣ у людей таинственный магнитъ:
Въ отчизну горнюю онъ вѣчно ихъ манить.

II.

Когда, случается, бранять тебя глупцы—
Иди своимъ путемъ безъ гнѣва и тревоги.
Часъ поздній, спитъ село, но вотъ среди дороги
Явился караванъ: съ товарами купцы.
Ступаютъ медленно усталые верблюды;
И тутъ, почувяши товаровъ рѣдкихъ груды,
Вдругъ поднимаютъ лай десятки глупыхъ псовъ:
И гамъ, и лай, и вой собачьихъ голосовъ...
До полной хрипоты, привязанные къ дому,
Готовы лаять псы во слѣдъ добру чужому.
Но мѣрно всадники качаются въ сѣдлѣ,
Верблюды медленно ступаютъ по землѣ,
Никто швырнуть въ собакъ и палкой не же-
лаеть:
Песь остается псомъ. Что жъ если онъ и лаеть,
Когда среди песковъ, сквозь жизненно ту-
манъ—
На Мекку держать путь твой цѣнный караванъ!

6.

Послѣдній танецъ.

Въ огняхъ, какъ въ жару лихорадки,
Горитъ старый замокъ; сквозь складки

Гардинъ пробивается свѣтъ;
И въ залѣ сверкающемъ бальномъ
Мы кружимся въ танцѣ прощальномъ,
Разлукой грозитъ намъ разсвѣтъ.

Объѣхалъ моря я и страны,
И золотомъ полны карманы,
Но ты ужъ теперь не моя!
И кумушекъ стая судачить,
Стрекочуть сороки:—Что значить
Уѣхать въ чужіе края!—

Въ безумьѣ послѣдняго танца
Увяли цвѣты померанца,
Мететь ихъ твой шлейфъ кружевной,
Рыдаетъ отчаянно скрипка,
У мужа мелькаетъ улыбка:
Приблизился отдыхъ ночной.

О, еслибъ по снѣжной равнинѣ
Подъ вьюгой блуждали мы нынѣ,
И тамъ, у меня на груди,
Окутана въ плащъ мой, въ молчаньѣ
Покоилась ты безъ сознанья
И смерть насъ ждала впереди!

Гансъ безъ гроша.

I.

Угроза швабамъ—замокъ мой,
Спаленный молніи стрѣлой,
Но онъ угрюмъ и тѣсень,
И я слыву у торгаша
Скитальцемъ, Гансомъ безъ гроша
И рыцаремъ печальныхъ пѣсень.

Юньскій день, останови
Въ его закатѣ дня свѣтило,
Что первый сладкій мигъ любви
Своимъ сіяньемъ освѣтило!

Мы съ нею шли—два бѣдняка,
И развѣвалъ нарядъ убогій
Порывъ весенній вѣтерка,
Алѣли розы у дороги...

А вѣтеръ мчался все впередъ;
Гдѣ блещетъ фея Магеллона—
Вздымалась изъ журчащихъ водъ
Блаженства свѣтлая корона.

Пронесся благовѣсть чрезъ лѣсъ,
Суля покой и миръ усталымъ;

Звѣзда скатилася съ небесъ
Въ зловѣщемъ блескѣ темно-аломъ.

Дочь королей, пришла пора:
О, бойся торгашей нахальныхъ!
За знатность—плата ихъ щедра.
Я-жъ—безъ кола и безъ двора,
И рыцарь пѣсенъ я печальныхъ!

2.

Купеческій городъ, какъ пестрый базаръ,
Раскинулся нагло; таранью,
Смолой въ немъ торгуютъ, тамъ—хлѣбный то-
варъ,
И камни съ чудесною гранью.

Отъ Пфальца до Неккера, грабятъ купцы,
Повсюду народъ безъ пощады,
Въ стремленьѣ къ наживѣ нигдѣ продавцы
Въ пути не встрѣчаютъ преграды.

Всю рыбу съѣдаютъ они—до костей,
Корову берутъ у вдовицы,
Но звонкой монетой имперскихъ гостей
Готовы ссужать безъ границы.

Хранятъ они съ сѣвера, съ юга казну
Надежно подъ аркою сводовъ,

Они прославляютъ грабежъ и войну,
Какъ право святое народовъ.

Людей неподкупныхъ правдивый глаголь
Тамъ былъ испытуетъ сурово,
Тамъ цѣнится выше придворный камзолъ,
Чѣмъ честь гражданина и слово.

Народная пѣсня убита давно:
Погибла, подвергшись гоненью.
О, горе искусству, коль скоро оно
Не служить князей прославленью!

Они подѣлили весь край на куски,
Имъ стали рабами крестьяне,
Въ мужья дочерямъ золотые мѣшки
Давно уже прочать дворяне.

Отцовскую совѣсть торгашъ усыпилъ
Виномъ и костями; отъ четокъ,
Отъ прялки онъ юную дочь отвратилъ,
Нравъ женскій уступчивъ и кротокъ.

Я чувствую: тяжесть съ деньгами мѣшковъ—
Честь рода, увы, перетянетъ,
И юное сердце навѣки вѣковъ
Въ надеждѣ на счастье обманетъ!

Но знайте: пора покаянья близка,
Главу вы посыплете пылью,

Спадутъ съ васъ мгновенно парча и шелка,
И скорбь ваша будетъ въ странѣ велика:
Я когти обрѣжу насилью!

3.

Ивановъ день! Во всей красть
И роскоши—гнѣздо торговли,
Гирляндами жилища всѣ
Унизаны—до самой кровли.

Мою желанную они
Своей избрали королевой;
Въ горахъ Ивановы огни
Горятъ направо и налево...

Сердечко юное въ груди
Смущаютъ лестью и обманомъ,
Тамъ пиръ идетъ на площади.
Въ колодцѣ бьетъ вино фонтаномъ.

Сегодня щедрою рукой
Чернь одѣляетъ членъ совѣта;
Вотъ нищая бредетъ съ клюкой,
Въ лохмотья пестрыя одѣта...

Вотъ изъ-за лучшаго куска
Бродяги борются другъ съ дружкой,
Одинъ пустиль навѣрняка
Другому въ лобъ пивною кружкой.

Ихъ разнимають руки слугъ,
Слѣдя въ окно за перепалкой,
Съ презрѣніемъ сановный кругъ
Глядитъ на драку «черни жалкой».

У дѣвушекъ пылаетъ взоръ,
Ихъ безъ нужды сжимають грубо;
При свѣтѣ пламени, соборъ
Угрюмымъ кажется сугубо.

И пляской разгорячена,
Держа рукою опахало,—
Я видѣлъ,—черезъ огонь она
Легко съ совѣтникомъ порхала.

Вотъ поднесла бокаль ко рту:
Прости, мой вѣрный другъ забытый!
А я пробрался въ темноту,
Держась вдоль стѣнъ, какъ песь побитый.

4.

Счастье погасло. Прошу у судьбы
Въ руки оружье мнѣ дать для борьбы.

Дать-сыновей и подруги взаимнѣ—
Всѣхъ неимущихъ и сирыхъ мнѣ въ ленъ.

Сердце мое ты во прахъ растопчи,
Пусть лишь погибнуть страны палачи.

Край нашъ спаси отъ князей-торгашей,
Бога создавшихъ себѣ изъ грошей.

— — —
Дѣва-Марія, спаси нашу честь:
Даруй народу священную месть.

5.

Несутся лебеди на югъ,
Рѣка бурлитъ сурово,
И ты умчишься, милый другъ,
Въ объятіяхъ другого.

— — —
А тотъ, кто счастья былъ лишень
Обманомъ безсердечнымъ—
До самой смерти будетъ онъ
Скитальцемъ вѣковѣчнымъ.

— — —
Есть въ мірѣ множество дорогъ,
Далекій край—чудесень,
Хранить въ себѣ Роландовъ рогъ
Звукъ недопѣтыхъ пѣсень.

— — —
Виномъ сверкаетъ налита
Забвенья чаша въ Оулѣ,
Но—не для тѣхъ, кого уста
Желанной обманули.

— — —
Безвѣстность ждетъ ихъ впереди,
Иль царская палата—

Лежить вездѣ на ихъ пути
Кровавый блескъ заката.

6.

Но боль рождаетъ въ сердцѣ жаръ,
Стрѣла несется птицей,
За нанесенный мнѣ ударъ
Я оплачу сторицей.

Овцы послѣдней богачомъ
Я былъ лишень, но воленъ
Я защищать своимъ мечомъ
Всѣхъ тѣхъ, кто обездоленъ.

Карая зло въ краю родномъ,
Возстану я, какъ мститель,
И щить свой траурнымъ вѣнкомъ
Украсить побѣдитель.

7.

О, солнце, ты смотришь на все съ высоты,
Ты вѣдаешь все въ мірозданьѣ!
Что съ милой моею—повѣдай мнѣ ты—
Что стало со дня разставанья?

Молчишь ты. Морозъ легкой дымкой облекъ
Долину и городъ обширный.
Дома и сердца, и надъ кровлей дымокъ—
Дремоты исполнены мирной.

*

Совѣтники по снѣгу въ санкахъ скользятъ,
Ихъ шапки теплы и высоки...
Сегодня ихъ городъ легко былъ бы взять:
Замерзли рѣка и притоки.

8.

Въ душѣ у каждаго назрѣло
Все, что назрѣло у меня,
И разразилась буря смѣло
Въ народѣ съ Троицына дня.

У всѣхъ—одно и то же горе:
Свободный превращень въ раба,
Вездѣ—въ стѣнахъ и на просторѣ
Проснулась мысль, кипить борьба.

Но паукамъ подобны жаднымъ,
Напившись крови, города
Змѣинымъ взоромъ беспощаднымъ
Глядятъ на села и стада.

Торгашъ, металлъ твой—слишкомъ звонокъ:
Вскружится можетъ голова.
Остриженъ наголо—ягненокъ
Способенъ превратиться въ льва.

Ночь на Купала! Въ ураганѣ
Творится шабашъ на землѣ,
Въ дыму несется и въ туманѣ
Рой вѣдьмъ на огненной метлѣ.

Ночь на Купала! Искупленье
Зажгло огней своихъ вѣнецъ,
То ночь вторичнаго крещенья,
И рухнетъ золотой телець!

9.

У бургомистра—праздникъ,
Межь тѣмъ какъ хмѣль—проказникъ
Туманить всѣмъ мозги—
У крѣпости враги...
Добрались до оплота,
Вотъ рухнули ворота,
Скорѣй, гудитъ набать!
Спѣшите изъ палатъ
Скорѣй къ твердынямъ вашимъ.
Теперь ужъ мы попляшемъ!
Изрубленъ караулъ,
И крикъ, и звонъ, и гуль...
Пожаръ—какъ блескъ заката.
Для кровопійцъ—расплата...
Шадить дѣтей и женъ!
Но ни одинъ торгошъ не будетъ пощаженъ...
Ихъ городъ палъ, онъ побѣжденъ.

10.

Восходитъ день благоговѣнно,
Замолкнулъ грохотъ боевой,
Струятся мирно воды Рейна
И сводъ блистаетъ синевою

— —

Поспѣшно плугъ взрываетъ землю,
Блестить на солнцѣ борозда,
И я благословенью внемлю
Святого, мирнаго труда.

Во слѣдъ грозы ночной раскату—
Блится солнце межъ листвою,
Мой день склоняется къ закату,
Подобно тучѣ грозовой.

Но отъ кощунственнаго хлама
Я—мечъ простой въ рукѣ Творца—
Очистилъ здѣсь святыню храма
И сокрушилъ алтарь тельца.

II.

Дѣва-Марія, въ кольчугѣ стальной
Сердце томится тоской неземной.

Юной любви дорожю мечту
Вновь я расцвѣтшей въ раю обрѣту.

Тамъ, гдѣ холмовъ чуть синѣетъ гряда,
Тихо скатилась большая звѣзда.

Къ вѣчному свѣту несется душа
Ганса, по имени—Гансъ безъ гроша!

Изъ „Лѣсенъ для народа“ *).

Т. ФОНТАНЬ.

Гость.

Лампа тускло горитъ у кровати,
Мать не спитъ, какъ и въ прошлые дни,
И отцу говоритъ мать дитяти:
— Въ этой комнатѣ мы—не одни.

Улыбнуться онъ силится тщетно,
Но душа смутнымъ страхомъ полна,
Лампа гаснетъ почти незамѣтно...
О, какъ ночь безконечно длинна!

*) Сборникъ современныхъ поэтовъ Германіи.

И когда имъ въ окно засіяли
Золотого разсвѣта лучи—
Мать съ отцомъ, поблѣднѣвшіе, знали:
Кто былъ гость, приходившій въ ночи.

Отто-Юліусъ Бирбаумъ.

Невѣста моряка.

Далеко парусъ бѣлый мелькаетъ на просторѣ,
И онъ, кого люблю я—плыветъ въ открытомъ
морѣ,
О, вѣтеръ, буйный вѣтеръ, повѣявшій съ морей,
Неси его въ отчизну, неси ко мнѣ скорѣй:
Своею глубиною съ морской пучиной споря,
Любовь моя сильнѣе, чѣмъ вѣтеръ, вѣтеръ съ
моря!

Сельскія картинки.

Изъ Теодора Шторма.

I

На мельницѣ.

Вездѣ полдневная истома,
Остановились жернова,
Все тихо въ домѣ и внѣ дома,
Не дрогнетъ яблони листва.

Кружатся пчелы роємъ соннымъ,
А изъ подвала домовой,
Укрытъ межъ сѣномъ благовоннымъ,
Хитро киваетъ головой.

Храпитъ самъ мельникъ и прислуга,
Лишь дочка мельника тайкомъ
Къ работнику въ часы досуга
Спѣшитъ пробраться босикомъ.

Глаза открылъ онъ. Что за диво?
Всегда строга передъ людьми!
Она жъ смѣется молчаливо.
— Цѣлуй! Да тише... Не шуми.

2.

Въ деревенскомъ кабацѣ.

Плачетъ скрипка, тяжело ей,
Но за то какъ соловей
Флейта голосиста.
О причинахъ не смолчу:
Измѣнила скрипачу
Грета для флейтиста.

3.

Лунной ночью.

Свѣтло на перекресткѣ,
Надъ липами—луна,
Сквозь вѣтви словно блески
Струить лучи она.

Подъ липами сосѣди
Сошлись поболтать,
И нѣтъ конца бесѣдѣ,
Вѣдь ночка—благодать.

Отъ липы—ароматы;
Дымятся чубуки,
Всѣ запросто: халаты
Ночные колпаки...

Но сторожъ что есть мочи
Трубить: гасить огни!
— Сосѣдъ, спокойной ночи!—
И—разошлись они.

Изъ Ф. Вебера.

Покинутая.

Погасло пламя очага,
Въ углу сверчокъ поетъ тоскливо...
Какъ ночь долга, о, какъ долга!
Листы въ саду шумятъ пугливо,
Въ рукѣ жужожить веретено,
А въ думахъ—все одно, одно...

Родная грусть мою дѣлила,
Теперь взяла ее могила,
Отецъ мой добръ, но нравомъ крутъ,
Онъ зналъ одно—тяжелый трудъ.
И отъ него я слезы прячу,
И тихо плачу, плачу...

А тотъ кто взялъ любовь мою—
Четвертый годъ въ чужомъ краю.
Что увлекло его въ чужбину?
Что держитъ въ дальней сторонѣ?

Провѣдай онъ мою кручину—
Онъ пожалѣлъ бы обо мнѣ.

— — —
Меня забылъ онъ? Боже правый,
Не въ силахъ я его проклясть!
Жестокъ и злобенъ міръ лукавый.
О, еслибъ мнѣ на саванъ прясть!
Я бѣлый холстъ омою
Горючею слезою.

— — —
Проходитъ сторожъ по селу,
Мерцаетъ лампа, вѣтеръ злится,
Сверчокъ сквозь сонъ звенить въ углу,
Настала ночь, но мнѣ не спится.
Въ рукѣ жужжитъ веретено,
А въ думахъ—все одно, одно...

Ф. Д а н ъ.

Пѣснь гезовъ.

Какъ чайка носится, мелькая,
Отъ скаль къ волнамъ, отъ волнъ—къ скаль,
На мигъ лишь крылья опуская,
Чтобъ отдохнуть въ туманной мглѣ,—

— — —
Такъ на гнилыхъ челнахъ дощатыхъ
Мы носимся по волѣ волнъ,

И стягъ нашъ—парусъ весь въ заплатахъ,
И наше царство—утлый чолнъ.

Отъ бурь и пуль бѣжимъ въ туманѣ,
Послѣдній выпустивъ зарядъ,
Мы родомъ—нищіе-дворяне,
Оборванъ, жалокъ нашъ нарядъ;

И все-жъ дрожить пришлецъ испанскій,
Въ чьемъ царствѣ не заходитъ день,
Когда нашъ грозный кличъ:—Оранскій!—
Надъ Альбой рѣветъ, словно тѣнь.

Дрожите, ратники и гранды!
Стыдъ рабства мы должны омыть,
Хотя бѣ пришлось всѣ Нидерланды
Волной морскою затопить.

Свершатся мщенія угрозы:
Плотину—прочъ, откроемъ шлюзъ!
Пусть хлынетъ море, хлынуть гезы,
И смерть избавитъ насъ отъ узъ!

К. Герокъ.

Пила.

Былъ зимній день печальный
И холодъ ледяной;
Я дома, въ теплой спальней,
Лежалъ полубольной.

— — —
Весь бѣлый—домъ сосѣда
Въ окно видѣлся мнѣ,
Въ припадкѣ легкомъ бреда
Лежалъ я въ полуснѣ.

— — —
Топоръ стучалъ, и, сонный,
Ловилъ я каждый стукъ;
Имъ вторилъ монотонный
Пилы протяжный звукъ.

— — —
Я слушалъ, какъ ходила
И вверхъ, и внизъ она:
На память приводила
Былыя времена.

— — —
Напѣвъ ея для слуха
Знакомъ былъ съ давнихъ поръ:
Казалось, такъ же глухо
Въ быломъ стучалъ топоръ;

Былъ также день печальный
И холодъ ледяной,
И я ребенкомъ въ спальной
Лежалъ полубольной.

Но, матью хранимый,
Лежалъ я безъ заботъ,
За мною былъ—родимой
Заботливый уходъ.

Шуршать ея одежды
Иль ангела крыло?..
Полусмыкались вѣжды,
И время шло, да шло...

Топоръ стучалъ, и, сонный,
Ловилъ я каждый стукъ,
Я слушалъ монотонный
Пилы протяжный звукъ...

Года прошли, но это
Все было какъ вчера.
О, гдѣ вы, дни расцвѣта,
Счастливая пора!

Пила обычнымъ ходомъ
Безъ усталы идетъ,
Проходить годъ за годомъ,
Всему—его чередъ.

Мнѣ снится: сталь я дубомъ,
Сухимъ кускомъ ствола,
Въ который острымъ зубомъ
Вонзается пила.

И смерть сама—работникъ,
Владѣющій пилой,
Она—усердный плотникъ
Въ своей работѣ злой.

Спокойно, равномѣрно,
Не смѣя отдохнуть,
Она въ глубь сердца вѣрно
Прокладываетъ путь.

И щепки—другъ за дружкой—
Ложатся тамъ и тутъ,
Пока съ послѣдней стружкой
Не конченъ будетъ трудъ.

Р. Прутьцъ.

Сонетъ.

О городѣ старинномъ есть преданье,
Который былъ волною поглощенъ,—
На днѣ морскомъ еще бѣлѣютъ зданья,
Дворцы и храмы, и ряды колоннъ.

Порой пѣвецъ, средь мрака и молчанья,
Изъ глубины какъ будто слышитъ звонъ,
И голосамъ далекимъ внемлетъ онъ,
Что страннаго полны очарованья.

Моя душа—вотъ то морское дно,
Гдѣ счастье навѣкъ погребено,
Его никто не принесетъ обратно.
О старинѣ—мечта и пѣснь пѣвца;
Какъ колоколь подводный—для пловца,
Такъ пѣснь моя для міра непонятна.

П. Гейзе.

* * *

Если любовь насъ коснулась—
Молча, какъ въ свѣтломъ столпѣ,
Ходимъ мы въ шумной толпѣ,—
Намъ божество улыбулось.

Въ глубь устремляя свой взоръ,
Чужды друзей ликованьямъ,
Полны единымъ желаньемъ,
Въ мірѣ мы бродимъ съ тѣхъ поръ.

Робко блаженство тая,
Скрыть мы стремимся напрасно

Насъ увѣнчавшій всевластно
Дивный вѣнецъ бытія.

5.

Rispetti.

(Памяти ребенка).

Мнѣ чудилось, что въ дверь раздался тихій
стукъ;

Я вздрогнула: словно ты подкралась осторожно,
И вотъ твой голосокъ опять раздастся вдругъ,
И вкрадчиво шепнетъ:—Я, папочка! Мнѣ мо-
жно?—

Мечтала я вечеромъ, бродя надъ крутизною,
Что ручку теплую держу своей рукою,
И тамъ, гдѣ вдоль камней струи быстрѣй неслись,
Я громко произнесъ:—Смотри, не оступись!—

Оглавленіе.

I.

Передъ зарей.

(1901—1903 г.).

	СТР.
Ковыль	2
Пробужденіе	4
Гребецъ	4
Бродячій пѣвецъ	6
Я стою на другомъ берегу	7
Есть души странныя	8
Album-blätter 1—8	9
Сонетъ	16
У сѣвернаго моря 1—2	17
Fatalitá 1—6	18
Музѣ мести и печали	23
Лѣсная царевна	25
На закатѣ 1—2	26
Памяти А. Н. Плещеева	27
Окно распахнулось	28
Борцамъ (молитва Лиліенкрона)	29
Лебединая пѣснь (памяти А. П. Чехова)	30

Изъ крымскихъ набросковъ.

	СТР.
Дорогою	31
Notturmo	31
Встрѣча	32
Въ паркѣ	33
У пушкинскаго домика	34
На берегу	35
Старое дерево	36
Фонтанъ „Первая любовь“	36
Фонтанъ „Нимфа“	38
Дворецъ въ Алупкѣ	39
Лунный слѣдъ	40
Пѣсня	41
Передъ отъѣздомъ	42
У моря	43
Пюгокъ	44
Маслины	45
Два кипариса	46
Вечеръ 1—2	47

Акварели.

1898—1901 г.

1—8	49
Ранняя осень	55
Въ сердце запала случайно	56
Все затихло кругомъ	56
Зимніе сны 1—6	58
Frühling Erwachen 1—2	66
Мелодіи 1—3	68
Изъ кавказскаго альбома 1—12	71
Изъ дневника 1—3	80
У гроба Я. Н. Полонскаго	81
Искра	82
Погибшая любовь (фантазія)	83

На сѣверѣ 1—5	86
Изгнанникъ (баллада)	87
Пѣснь о морѣ (баллада)	87
Жизнь и смерть	89
Изъ путевого альбома 1—5	90
И. И. Вейнбергу	92
В. Г. Короленкѣ	93

Переводныя стихотворенія.

Изъ французскихъ поэтовъ.

1) В. Гюго.	СТР.
Ultima verba	99
Шпіонъ	102
Изъ посмертныхъ стихотвореній 1—3	106
Горы	107
Презрѣніе	110
Молитва за всѣхъ	112
Осенніе листы	114
Гастибельза (баллада)	115
2) Ш. Бодлэръ. (Spleen et Idéal).	
Разбитый колоколь	119
Осенняя мелодія	119
Тоска	120
Донъ-Жуанъ въ аду	121
Альбатросъ	122
Возможно-ль задушить, осилить угрызенья	123
Человѣкъ и море	125
Сплинъ	126
3) Ж. Ришпенъ.	
Завоеватель	127

	СТР.
Вавилонская башня	128
Тайна	129
Всегда	129
Сомнѣнію закрытъ я дверь	132
(Изъ sonnets amers):	
Стремленіе къ безконечному }	133
Страна химеръ. }	134
Безсиліе	134
Жажда—чего?	135
4) А. Додэ. (Les amoureuses).	
На смерть Мюссе	136
Равнодушіе природы	137
Реквіемъ любви	139
5) Ж. Экаръ. (Изъ poèmes de Provence).	
Впередъ	141
Волна жизни	142
Ласточки	143
Сердце	144
Цикадъ 1—3	146
Сборъ шелковицы	148
Сборщицы колосьевъ	150
6) А. Ренье.	
Ворота нищихъ	154
Ворота изгнанниковъ	155
Ворота жриць	156
Ворота новобрачныхъ	157
Погребальныя ворота	158
Ворота комедіантокъ	159
Изгнанникъ	160
7) Ш. Готье.	
Сонъ 1—3	161

8) Э. Пальеронъ.

Кукла (монологъ)	163
----------------------------	-----

Изъ новыхъ поэтовъ:

9) Ж. Роденбахъ. (Veillée de gloire).

Идеаль	}	166
Одиночество.		167
На стражъ.		167
Глаза.		168
Колокола		169

10) Верлэнъ.

Небо надъ кровлею дома	171
Блѣдный отблескъ луны	171
Чайка	172

11) П. Форъ.

Баллада	174
-------------------	-----

12) Метерлинкъ. (Пѣсни).

А если онъ вернется	175
Тридцать лѣтъ ищю я, сестры	175
Когда умерла Орламонда	176
О, дитя, мнѣ страшно	177

Изъ англійскихъ поэтовъ.

1) Р. Киплингъ.

Король и пѣвецъ (поэма).	178
----------------------------------	-----

2) А. Теннисонъ.

Памяти бѣдняка	185
In memoriam 1—3	186

4) Е. Броунингъ. Сонеты.

Узникъ	189
Неудовлетворенность	189
Слезы	190
Непоправимое	191
Даль	191
Горецъ и поэтъ	192
Лебединое гнѣздо (поэма)	193

5) Р. Гарнеттъ. Пѣсни Сіона.

Пѣвцамъ вѣка	197
Восточная сказка	198
Два листа	198
Баллада о челнѣ	199
Пѣснь Сіона	201
Жизнь и смерть	201

Столичные наброски:

6) Т. Эши.

1. Воззваніе	203
2. Швея	204
3. Конторщикъ	205
4. Уличная торговка	206
5. Дѣтскій праздникъ	207

7) А. Добсонъ.

Забытое письмо	209
--------------------------	-----

8) Ж. Уатсъ.

Три Фауста	214
----------------------	-----

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

1) Гейне.

Мушкѣ.	СТР.
Пѣвецъ Германіи	223
Подъ траурнымъ парусомъ	224
Надъ побережьемъ сумракъ ночи	224
Въ тебѣ—мой духъ	225
У кого въ груди есть сердце	226
Въ порывѣ гнѣва и тоски	226
Образъ сфинкса надъленъ	227
Мы топчемъ головки цвѣтовъ полевыхъ	228
Пускай присяжными разсудка	228

2) Н. Ленау.

Пѣсни въ камышахъ	229
Лѣсная часовня	233

3) Д. Лиліенкронъ.

Въ лѣсу	237
Забытый	239
Побѣда	239
Различными путями	240
Роландовъ рогъ	240
Мертвая зыбь	241
Крикъ	242
Ожиданіе	243
Въ бою	244
Плитой каменной	244
Музыканты идутъ	245

4) Э. Ф. Шенаихъ-Каролатъ.

Возвращеніе	246
-----------------------	-----

	СТР.
У алтаря	247
И ты	248
Пѣсенка	249
Изъ „Фатимы“ 1—2	250
Послѣдній танецъ	251
Гансъ безъ гроша	253

Изъ сборника „Пѣсни для народа“.

5) Т. Фонтанъ.	
Гость	263
6) О. Ю. Бирбаумъ.	
Невѣста моряка	264
7) Т. Штормъ.	
Сельскія картинки 1—3.	264
8) Ф. Веберъ.	
Покинутая	268
9) Ф. Данъ.	
Пѣснь гезовъ	268
10) Н. Герокъ.	
Цица <i>Handwritten signature</i>	269
11) Р. Пруцъ.	
Сонетъ	271
12) П. Гейзе.	
Rispetti	273

